

ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ

ЧТЕЦ-ДЕКЛАМАТОР
ДЛЯ ДЕРЕВНИ

Под редакцией
М. П. СОКОЛЬНИКОВА

МУК РЯЗАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

МУЗЕЙ С.А. ЕСЕНИНА

Гик 661

4071-606

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Москва 1926 Ленинград

27-я типография
„КРАСНАЯ ПЕЧАТЬ“
при Изд. Ком. Академии.
Москва, Остоженка 10.
Главлит 66.277. Тираж 7.000.

ПРЕДИСЛОВИЕ

(К читателям, устроителям литературно-музыкальных вечеров и декламаторам-чтецам)

Наш книжный рынок не может пожаловаться на отсутствие всевозможных сборников стихотворений и литературных хрестоматий, но среди вышедших многочисленных чтецов-декламаторов совсем нет специальных, чисто деревенских сборников поэтических произведений, которые можно бы было использовать не только как художественный материал для выступлений в клубах, народных домах и сельских школах, но и на рядовых деревенских вечеринках, различных общественно-революционных праздниках, в избе-читальне а также и для индивидуального чтения при самообразовании.

Предлагаемый декламатор и имеет в виду ответить этой потребности — дать доступную по содержанию, близкую по темам деревне книжку стихотворений русских поэтов как классиков, так, главным образом, и современных.

Объединяющей темой сборника является русская деревня, советская земля, Октябрьская революция, — откуда и название книги. Именно в этот поэтический комплекс (круг вопросов) удобнее всего разместить многообразный поэтический материал по истории русского крестьянства и деревни. Подневольное положение крестьянина в эпоху крепостного права, при царях, помещиках, земских начальниках и прочих царских слугах и охранителях, с кошмарными явлениями порки, нелепейших поборов, солдатчины, религиозного и бытового дурмана — вот то зловещее видение, от которого еще совсем недавно освободилась наша страна. Стихотворения, изображающие эту прошлую рабскую жизнь де-

ревни, составляют первый отдел сборника. Здесь представлены, по преимуществу, классические произведения — Некрасова, Кольцова, Никитина, Сурикова, Демьяна Бедного и др. Как правило, мы старались брать отрывки, имеющие цельный, законченный характер (напр., „На Волге“, „Размышления у парадного подъезда“ и др.).

Содержание второго отдела определяется заголовком „Борьба“. Этот отдел иллюстрирует длинный и суровый путь непрестанной народной борьбы против самодержавия и капитализма, завершившийся у нас Октябрьской Революцией. Сюда включены стихи о Стеньке Разине, „Долго нас помещики душили“, никитинское „Мицение“, любопытная рылеевская „Песня“ и мн. др. Из произведений современных поэтов мы здесь видим интересный сказ о Ленине Я. Шведова („Встала зорька крутоярая“), „Песнь о великом походе“ Сергея Есенина и „Сказ о партизане“ Вл. Заводчикова, — вещи, мало популяризированные в хрестоматиях.

Новая, современная деревня представлена отделами: „Советская деревня“, „Молодые силы“ и „Красные платочки“. Вполне понятно, что эти отделы занимают основное место в сборнике. Наша молодая поэзия дала уже немало значительных произведений, отображающих бытие новых деревенских дней: стоит назвать стихи Петра Орешина, Павла Дружинина, Ивана Доронина, Александра Жарова, Серафима Огурцова и др. В этих стихотворениях мы встречаем уже освобожденного крестьянина, „иную деревню“ — в моменты ее хозяйственного, бытового и культурного строительства. Тут — новые понятия, новые слова, новая творческая жизнь: трактор, молотилка, залетевший аэроплан („У лесной опушки“), старик Пахом, уехавший в Москву на сельскохозяйственную выставку („Пахом“ Тихомирова), смелые селькоры, падающие жертвой кулаков (прекрасная поэма Орешина „Селькор Цыганок“), новое расслоение деревни, Красная Армия, просветительная работа. Ценный художественный материал к этому прибавляют басни, сатиры и стихи Демьяна Бедного. Как и в предыдущих отделах, мы и здесь предпочитали выбирать стихотворения с преобладающими мотивами о крестьянском труде. Вместе

с тем, в цикле „Советская деревня“ читатель увидит стихи Клычкова, Фомина, Наседкина, Казина и др., которые дополняют остальные вещи интересными картинками природы, чисто-лирической стороной, а также и некоторыми этнографическими черточками.

О новых созидательных силах деревни — молодежи, комсомоле, женщине-крестьянке, работнице—рассказывают много интересного комсомольские поэты. Стихотворения Шведова, Жарова, покойного Николая Кузнецова изображают деревенскую молодежь и в моменты ее учобы („На рабфак“), работы в городе на заводе, в отношениях с семьей, на общественном и культурном посту. Эти же поэты (сюда надо включить Ивана Доронина и С. Малахова) дали ряд прекрасных произведений и о девушке-комсомолке.

В последний отдел книги вошли произведения, рассказывающие о трудящемся брате крестьянина—рабочем. Только идя в ногу с рабочим классом, может добиться деревня своего полного и окончательного освобождения. О суровой жизни рабочего неустанно должен помнить крестьянин, должен знать всю его тяжелую борьбу, все выдающиеся события политической жизни, его идеалы и чаяния. Вот почему, кроме стихотворений о содружестве рабочего и крестьянина, в этот отдел включены „Памяти Карла Маркса“, „Парижская Коммуна“, „9 января“, „Лена“, „Май“ и др., а также песни И. Доронина „Умер Ленин“.

Помимо упомянутых нами произведений, в чтене-декламаторе кое-где разбросано несколько чисто лирических стихотворений („Утро“ Никитина и др.) и ряд юмористических вещей (напр., Некрасова „Сват и жених“, „Пожарная кишка“ С. Огурцова и др.).

Большинство из помещенных стихотворений свободно можно использовать для чтения на революционных празднествах: в годовщину Октябрьской революции подойдут стихотворения из отдела „Советская деревня“, а также стих. Орешина „Народный сказ“, „В Октябре“, Есенина— „Песнь о великом походе“, В. Заводчикова „Сказ о партизане“ и др.; о Парижской Коммуне следует прочесть стих

Заводчикова из отдела VI; о 9 января, Ленских событиях, о Первом мая надо использовать стих. Кириллова, Самобытника, Д. Бедного, Орешина в этом же VI отделе. Для празднования международного дня работников много материала дает отдел „Красные платочки“.

*

Н. А. НЕКРАСОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь—в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то-и-знай по утрам
Все курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает „трам-трам“,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. — „Допусти“, говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,

В самодельные лапти обутых,
(Знать, брели-то долгоножки они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: „Гони!
Наш не любит оборванной черни!“
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: суди его бог!
Разводя безнадежно руками.
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким об'ят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах!

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии.
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное

Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны,— как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу—
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Все пропьют бедняки, до рубля,
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой почуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У под'езда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется—

То бурлаки идут бечевою!
Волга, Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля! —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню подобную стону
И духовно навеки почил?

Н. А. НЕКРАСОВ

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ ¹⁾

1

У бурмистра Власа бабушка Ненйла
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: — нет лесу, и не жди — не будет! —
„Вот приедет барин — барин нас рассудит.
Барин сам увидит, что плоха избушка.
И велит дать лесу,“ — думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячек изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером —
„Вот приедет барин: будет землемерам!“
Думают крестьяне: „скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова“.

¹⁾ Вольное подражание английскому поэту Георгу Краббу

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
 Да перечит девке немец сердобольный,
 Главный управитель. „Погоди, Игнаша,
 Вот приедет барин!“—говорит Наташа.
 Малые, большие—дело чуть за спором—
 „Вот приедет барин!“ повторяют хором...

Умерла Ненила; на чужой земле
 У соседа-плута—урожай сторицей;
 Прежние парнишки ходят бородаты,
 Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
 И сама Наташа свадьбой уж не бредит..
 Барина все нету.—барин все не едет!

Наконец, однажды среди дороги
 Шестернею цугом показались дроги!
 На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
 А в гробу-то барин; а за гробом—новый.
 Старого отпели, новый слезы вытер,
 Сел в свою карету—и уехал в Питер.

*

Н. А. НЕКРАСОВ¹⁾

* * *

„Умны крестьяне русские,
 Одно нехорошо,
 Что пьют до одурения:
 Во рвы, в канавы валятся—
 Обидно поглядеть!“

¹⁾ Отрывок из „Кому на Руси жить хорошо“

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать.
Да выискался пьяненький
Мужик,—он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал.—да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хватъ карандаш из рук!

„Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,—
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведро с водкою,
Пойдем-ка по избам;
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся—
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а так же маются;
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чудно смотреть, как валится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда,—
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые;
Скажи-ка, чьей рукой

С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, с'ел с горошину:
— Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!—

„Сладка еда крестьянская!
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест.
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся. .
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин.
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Все слопаёт один!

„У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонький,
Как ты, из-под Москвы:
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани...
А был другой — допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угоды меряет,
Иной в селеньи жителей
По пальцам перечтет;
А вот не сосчитали же,
По сколько в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

„Нет меры хмелю русскому!
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет;
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,—
Так погляди, поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по зажоринам
Ползком-ползет с плетюхами,—
Трещит крестьянский пуп!

„Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Из'еденные в кровь,—
Небось мы тут красивее?
Жалеть—жалей умеючи:
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

„У каждого крестьянина
Душа, что туча черная,
Гневна, грозна—и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,—
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка—
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом,—возрадуйся!
Ай парни, ай молодухи,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..“

Мужик стоял на валике,
Притоптывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую
Ревущую толпу:
— Эй! царство ты мужицкое,
Бесшапочное, пьяное,
Шуми—вольней шуми!..“

— Как звать тебя, старинушка?
„А что? Запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: *В деревне Босове*
Яким Нагой живет,
Он до-смерти работает,
До полусмерти пьет!“

Н. А. НЕКРАСОВ

*
* *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты!—русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Немудрено, что ты вянешь до времени.
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная—
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колышается.
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую—
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки;
Баба туда—растрепалися косыньки,
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею—
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они—все равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

*

*
* * *

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно-ясен в тишине
Их мерный похоронный крик,—
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит,
И алый блеск едва скользит
По темно голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверек,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов,
И не ушел бы никуда.
Когда б, — о Волга!—над тобой

¹⁾ Отрывок из поэмы „На Волге“.

Не раздавался этот вой!
Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
— Когда-то в Нижний попадем?
Один сказал:—Когда б попасть
Хоть на Илью...—„Авось придем“,
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил:—„Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть—
Так лучше было бы еще“...
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...
.....
Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом вступает на песок
Моя нога; он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн

Иною музыкою полн!
О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пушай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы—наивный бред,
Обеты юношеских лет,—
Зачем же вам забвенья нет,
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?...

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Всю ту же песню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Все та ж покорность без конца...
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедывать сынам.
И, как ему,—не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, безвестно пропадешь.

Так заматывается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: „Раз да два!“
С болезненным припевом: „ой!“.
И в такт мотая головой...

*

Н. А. НЕКРАСОВ

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В а н я — в кучерском армячке
Папаша! Кто строил эту дорогу?
Папаша — в пальто на красной
подкладке.
Клеймихель, душенька!

Разговор в вагоне

1

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи.
И моховые болота, и пни —

Все хорошо под сиянием лунным;
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

Добрый папаша! К чему в обаянии
 Умного Ваню держать?
 Вы мне позвольте при лунном сиянии
 Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громадей—
 Не по плечу одному.
 В мире есть царь: этот царь беспощаден,
 Голод—название ему!

Водит он армии; в море судами
 Правит; в артели сгоняет людей;
 Ходит за плугом, стоит за плечами
 Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
 Многие—в страшной борьбе,
 К жизни возвав эти дебри бесплодные,
 Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
 Столбики, рельсы, мосты.
 А по бокам-то все косточки русские...
 Сколько их, Ваничка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
 Топот и скрежет зубов;
 Тень набежала на стекла морозные...
 Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
 То сторонами бегут.
 Слышишь ты пение?.. „В ночь эту лунную
 Любо нам видеть свой труд!

„Мы надрывались под зноем, под холодом,
 С вечно согнутой спиной,
 Жили в землянках, боролися с голодом,
 Мерзли и мокли, болели цынгой.

„Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Все претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!

„Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Все ли нас, бедных, добром поминаете.
Или забыли давно?...“

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это все братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорусс:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колена стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изю дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную—
Вынесет все, что господь ни пошлет!

Вынесет все—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе!..

3

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
„Видел, папаша, я сон удивительный“,
Ваня сказал: — „тысяч пять мужиков,

„Русских племен и пород представители,
Вдруг появились, и он мне сказал:
— „Вот они — нашей дороги строители!..“
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... все это народ сотворил?

— Вы извините мне смех этот дерзкий:
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

— Вот наш народ — эти термы и бани —
Чудо искусства — он все растаскал!
„Я говорю не для вас, а для Вани...“
Но генерал возражать не давал;

— Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! Дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

— Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать:
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...

4

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет,
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках! Рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Все заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
„Может и есть тут теперича лишку,
Да, вот, поди ты!..“ Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть...

Праздничный народ расступается чинно...
Пот оттирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
„Ладно... ништо... молодца... молодца!“

„С богом теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И — не до имку дарю...“

Кто-то „ура“ закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь,
С песнейдесятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей—и купчину
С криком „ура“! по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..“

*

Н. А. НЕКРАСОВ

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

(Из Е. Баррет-Браунинг)

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей.
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

„В золотую пору малолетства
Все живое счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим!“

Колесо чугунное вертится
И гудит, и ветром обдаёт,
Голова пылаёт и кружится,
Сердце бьётся, все кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, —

Все и все! Впадая в иступленье,
Начинаем громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать! —
Бесполезно плакать и молиться;
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!
Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы возвратиться...
Но зачем идем мы и туда?
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, принав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей..“

*

Н. А. НЕКРАСОВ

КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
„Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!“

И сбылось по воле божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыныки.
Урожаю дожидаяся
С непосеянной полосыныки.

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою.
Пуще мужа наряжается —
Носит лапти с подковыркою.

*

Н. А. НЕКРАСОВ

МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
Это — стойлице коровье,
А корову бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе палаты,
А в клетки, вместо телят
Два котеночка пищат!

Есть и овощь в огороде —
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

*

Н. А. НЕКРАСОВ

СВАТ И ЖЕНИХ

В кабачке за полуштофом

1

Нутко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Все невесты, всем пора!

У Кондратьевны Орина,—
Что ни девка, то малина!
Думай, думай! — выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, важевата,
Марья, знаешь, мне сродни,
Будет с мужем—ни-ни-ни!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват:
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мужу на порог
Не вставала поперек!
Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

2

Нутко! Вера у Данилы,
Пелагея у Гаврилы,
Секлетея у Петра—
Замуж всем пришла пора.
У Никиты — Катерина:
Что ни девка, то малина
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья, знаешь, щедровита,
Да работать, ух! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мясо на костях,
Чтобы силушка в руках!
Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!...

Нутко! Анна у Егора,
 У Антипки Митродора,
 Александра у Петра —
 Все невесты, всем пора!
 У Евстратья — Акулина:
 Что ни девка, то малина!
 Думай, думай, — выбирай!
 По любую засылай!
 Марья, точно, щедровита,
 Да хозяйка домовита:
 Все примает, приберет,
 Все до нитки сбережет!

— Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью сват!
 Нам с лица не воду пить,
 И с корявой можно жить,
 Да чтоб по двору прошла,
 Всех бы курочек сочла.
 Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью. Марью, сват!

(Спрашивают еще помештоф и начинают снова).

*

Н. А. НЕКРАСОВ

ЭЙ, ИВАН!

Тип недавнего прошлого

Вот он весь, как намалеван.
 Верный твой Иван:
 Неумыт, угрюм, оплеван,
 Вечно полупьян;
 На желудке мало пищи,
 Чуть живой на взгляд.
 Не прикрыты, голенищи
 Рыжие торчат;

Вечно теплая шапченка
Вся в пуху на нем,
Туго стянут сюртученко
Узким ремешком,
Из кармана кончик трубки
Виден, да кисет.
Разве новенькие зубки
Выйдут — старых нет...

Род его тысячелетний
Не имел угла —
На запятках и в передней
Жизнь веками шла.
Ремесла Иван не знает,
Делай, что дают,
Шьет, кует, варит, строгают,
Не потрафил — бьют!
„Заживет!“ Грубит, ворует,
Божится и врет
И за рюмочку целует
Ручки у господ.
Выпить может сто стаканов —
Только подноси...
Мало ли таких Иванов
На святой Руси?

„Эй, Иван! иди-ка стряпать!
Эй, Иван! чеши собак!“
Удалось Ивану сцапать
Где-то четвертак,
Поминай теперь, как звали!
Шапку на-бекрень —
И пропал! Напрасно ждали
Ваньку целый день:
Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур
(Он же тайный похититель
Индюков и кур),
У корчемника Игнатки
Приютился плут;
Две пригожие солдатки

Так к нему и льнут.
„Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелись живей!“
В Ваньке пляшут все суставы,
С ног и до ушей,
Пляшут ноздри, пляшет в ухе
Белая серьга.
Ванька весел, Ванька в духе —
Жизнь недорога!

Утром с барином расправа:
„Где ты пропадал?“
— Я... нигде-с... ей-богу... право...
У ворот стоял!
„Весь-то день?...“ Ответы грубы,
Ложь глупа, нагла;
Были зубы — били в зубы,
Нет — трещит скула,
— Виноват! — порядком струся,
Говорит Иван.
„Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болван!“

Ванька снова лямку тянет,
А потом опять
Что-нибудь у дворни стянет...
„Неужли плошать?
Коли плохо положили,
Стало — не запрет!“
Господа давно решили,
Что души в нем нет.
Неизвестно — есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:
Чуть живого сняли с петли,
Перед тем грустил.
Господам конфузно было:
— Что с тобой, Иван? —
„Так, под сердце подступило“,
И глядят: не пьян!
Говорит: „Вы потеряли
Верного слугу,

Все равно, помру с печали.
Жить я не могу!
А всего бы лучше с глотки
Петли не снимать"...
Сам помещик выслал водки
Скуку разогнать.
Пил детина ерофеич,
Плакал да кричал:
„Хоть бы раз Иван Мосенич
Кто меня назвал!..“

Как мертвецки накатили,
В город тем же днем;
„Лишь бы лоб ему забрили —
Вешайся потом!“

Понадеялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
Не пришлось. „Ура!“
Ванька снова водворился
У своих господ
И совсем от рук отбился,
Без просыпу пьет.
Хоть бы в каторгу уroda —
Лишь бы с рук долой.
К счастью тут пришла свобода:
— С богом, милый мой! —
И, затерянный в народе.
Вдруг исчез Иван...
Как живешь ты на свободе,
Где ты?... Эй, Иван!

*

Н. А. НЕКРАСОВ

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

Стой, ямщик! Жара неслосная,
Дальше ехать не могу!
Вишь пора-то сенокосная,
Вся деревня на лугу.

У двора у постоянного
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку,
Да зевая крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку;
Няня дремлет и поет:

„Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

„Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

„В люди выдешь — все с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодницами пригожими
Шутки вольные шутить.

„И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...“
— Эка песня безобразная!
Няня! Дай-ка мне дитя!

„На, родной! Да ты откудова?“
— Я проезжий, городской.
— „Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!“

— Как не спеть! спою, родимая;
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
— „Баю-баюшки баю!

— В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт—ум глупцов!

— В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

— Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

— Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

— С ними ты рожден природою—
Возледей их, сохрани!
Братством, Истиной, Свободою
Называются они.

— Возлюби их! На служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

— Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

— Необузданную, дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

— С этой ненавистью правою,
С этой верою святой.
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

— И тогда-то...
Вдруг проснулось
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

— „Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!“
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

*

А. В. КОЛЫЦОВ

П Е С Н Я

Без ума, без разума
Меня замуж выдали,
Золотой век девичий
Силой укорóтили.

Для того-ли молодость
Соблюдали, нежили.
За стеклом, от солнышка,
Красоту лелеяли,—

Чтоб я век свой замужем
Горевала, плакала,
Без любви, без радости
Сокрушалась, мучилась?

Говорят родимые:
Поживется— слюбится;
И по-сердцу выберешь
Да горчее придется.

Хорошо, состарившись,
Рассуждать, советовать
И с собою молодость
Без расчета сравнивать!

*

И. С. НИКИТИН

ПАХАРЬ

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лес спускается;
Лес стоит под шапкой темною,
В золотом огне купается.

На бугре трава зеленая
Спит, вся искрами обрызгана.
Пылью розовой осыпана
Да камнями унижена.

Не слышать-то в поле голоса,
Молча ворон на меже сидит,
Только слышен голос пахаря, —
За сохой он на коня кричит.

С ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идет — понурил голову,
Мужичок идет — шатается..

Уж когда же ты, кормилец наш,
Возьмешь верх над долей горькою.
Из земли ты роешь золото.
Сам-то сыт сухою коркою!

Зреет рожь — тебе заботушка:
Как бы градом не побилася,
Без дождей в жары не высохла,
От дождей не положилася.

Хлеб поспел—тебе кручинушка:
Убирать ты не справишься,
На корню-то он осыплется,
Без куска-то ты останешься.

Урожай—купцы спесивятся;
Год плохой—в семье все мучатся,
Все твой двор не поправляется.
Детки грамоте не учатся.

Где же клад твой заколдованный,
Где талан твой, пахарь, спрятался?
На труды твои да на-горе
Вдоволь вчуже я наплакался!

*

И. С. НИКИТИН

* * *

За прялкой баба в поняве сидит;
Ребенок больной в колыбели лежит;
Лежит он,—и в рот не берет молока,
Кричит он без умолку — слушать тоска.

Торопится баба: рубашка нужна;
Совсем-то, совсем обносилась она:
Надеть-то ей нечего, просто—напасть!
Прядет она ночью, днем некогда прясть.

И за-полночь ярко лучина горит,
И грудь от сиденья щемит и болит,
И взгляд притупился, устала рука...
Дитя надрывается,—слушать тоска!

Пришлось поневоле работу бросать.
„Ну, что, мое дитяtko?—молвила мать:
Усни себе с богом, усни в тишине,
Ведь некогда, дитяtko, некогда мне!“

И баба садится, и снова прядет,
И снова покою ей крик не дает.
„Молчи, говорю, мне самой до себя!
Ну, чем же теперь исцелю я тебя?“

Поют петухи,—видно, скоро рассвет;
Дымится лучина и гаснет—и нет;
Притих и ребенок и глазки сомкнул.
Уснул он,—да только уж навек уснул

*

И. С. НИКИТИН

Д Е Л Е Ж

Да, сударь мой, нередко вот бывает:
Отец на стол, а детки за дележ,
И брата брат за шиворот хватает...
Из-за чего? И в толк-ат не возьмешь!

У вас-то, бар, я чаю, нет разлада...
А мужики, известно, вахлаки:
У них за грош—остуда и досада,
За гривенник какой-нибудь —пинки!

Тут из-за баб, детишек выйдет злоба...
Вот мы теперь: всего-то двое нас —
Мой брат да я; женаты, сударь, оба,
И хлеб всегда имели про запас;

И жили бы себе, домком собирались...
Нет, погоди! Вишь, жены не в ладу:
Вон у одной коты поистаскались...
„Я, говорит, на речку не пойду;

Пускай идет невестка, коли хочет,
Ей муж успел обнову-то купить...“
А та себе, как бешеная, вскочит,
Начнет вот так руками разводить,

И ну—кричать: „А ты что за дворянка?
Котов-де нет, да села и сидит...“
И тут пойдет такая перебранка,
Что у тебя в ушах инда звенит.

Брат за жену, глядишь, замолвит слово
И дурую мою-то назовет,
А у тебя на слово пять готово,—
Вот, сударь мой, потеха и пойдет!

Все это так... И при отце бывало.
Да старичек нас скоро разводил:
Чуть крикнет: эй! — бежишь куда попало.
Не то — беда! Ох, крут покойник был!

Как помер он, мой брат и позазнался:
Срамит меня, срамит мою жену:
Вы, дескать, что? Старшим-то я остался.
Я, говорит, вас вот как поверю!

И повернул... Тут надо лык на лапти.
Он бражничать возьмется да гулять;
Ты цеп берешь, — он лезет на палати...
Ну, одному не растянуться стать.

Жена его все, знаешь, поджигает:
„Делись, дескать! Твой брат-то лежебок.
Как куколку жену-то снаряжает,
Исподтишка весь дом поразволок...“

Сама-то, вишь, она скупенька больно,
Готова век в отрепьях пропадать,
Да любит жить хозяйкой самовольной,
По-своему все, знаешь, поворачивать.

Ну, а моя бабенка не сварлива.
А, грех таить,— от щегольства не прочь,
Да и того... в работе-то ленива,
Что есть, то есть,—тут ложью не помочь.

Вот, сударь мой, и завязалось дело:
Что день, то шум, под шумом и заснешь;
И брату-то все это надоело,
И мне равно,—и начали дележ...

Сперва-то мы по совести делились;
Не сладили, взялись было за суд,
Ну, кое-как в расправе помирились,
Остался спор за старенький хомут...

И я кричу, и брат не уступает:
„Нет,—говорит,—хоть тресни, не отдам!“
Я за шлею,—он, знаешь, вырывает,
Да норовит ударить по рукам.

И смех, и грех!.. Стоим за дрянь горою!..
Вдруг, сударь мой, моргнуть я не успел,
Как крикнул брат: „возьми, пусть за тобою!“
Да на меня хомут-то и надел.

Я, сгоряча, в шлее позапутлялся;
Народ орет: „Вон, обрядил коня!..
Уж так-то я в ту пору растерялся,—
Инда слеза прошибла у меня!..

Вам, сударь, смех... Нет, тут смешного мало;
Ведь, брат-то мой по-барски чаял жить;
Взялся за гуж,—аи силы недостало,
Тужил, тужил — и начал с горя пить.

И мне не мед... Ведь, праздников не знаешь:
Работаешь, спины не разогнешь.
Чуть непогодь — все стонешь да перхаешь...
Вот, сударь мой, мужицкий-то дележ!

И. С. НИКИТИН

У Т Р О

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом,—на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок,—воду морщит, рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко, далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,—
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит—разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит;
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет—песню поет;
По плечу молодцу все тяжелое..
Не боли ты, душа, отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

*

И. С. НИКИТИН

ПЕСНЯ БОБЫЛЯ

Ни кола, ни двора,
Зипун—весь пожиток...
Эх, живи—не тужи,
Умрешь—не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль, гол, как сокол,
Поет—веселится.

Он идет да поет,
Ветер подпеваает;
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны...
Эх, присвиствни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Уж ты плачь ли, не плачь,
Слез никто не видит,
Оробей, загорюй,—
Курица обидит.

Уж ты сыт ли, не сыт,—
В печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути—улыбайся!

Поживем да умрем,—
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умен,—
Песенка допета!

*

И. С. НИКИТИН

СТАРОСТА

Что туча темная
В ясный день плывет,—
На гумно по улице
Староста идет.

Борода-то черная,
Красное лицо,
Волоса-то жесткие
Завились в кольцо.

Пузо перевязано
Красным кушаком,
Плечи позатынуги
Синим кафтаном.

Палкой подпирается,
Бровью не ведет;
В сапоги то новые
Мера ржи войдет.

Он идет по улице —
Без метлы метет;
Курица покажется, —
В ворота шмыгнет.

Одаль да с поклонами
Мужики идут,
Ребятенки малые
Ко дворам ползут.

Утомился староста:
На гумне стоит,
Гладит ус да бороду
Да на люд глядит.

На небе ни облачка,
Ветерок-ат спит,
Солище землю матушку,
Что огнем, палит.

От цепов-то стук и дробь, —
Стонет все гумно;
Баб и девок жар печет,
Мужиков равно.

Староста надумался:
„Молоти дружней!“
Баб и девок пот прошиб,
Мужиков сильней.

Бабу чернобровую
Староста позвал,
Речь-то вел разумную,
Дело толковал.

Дура-баба плюнула,
Молотить пошла,
То-то, значит, молодость,
В нужде не была!

Умная головушка
Рубит не с плеча:
Староста не выпустит
Слова сгоряча.

На скирды посматривал,
Поглядел на рожь,—
Поглядел и вымолвил:
„Умолот хорош!“

Улыбнулся ласково,
Девок похвалил,
Бабе с бровью черною
Чорта посулил.

„Вечером, голубушка,
Чистить хлев пошлю...“
— Не грешно-ли, батюшка?—
„Нет, коли велю!“

Баба призадумалась...
Староста пошел,
Он прошел по улице—
Без метлы подмел.

На гумне-то стон стоит,
Весело гумно:
Потом обливается
Каждое зерно.

*

И. З. СУРИКОВ

* * *

Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!
Тяжела ты, безотраднa,
Тяжела, горька!

Не твою ли это хату
Ветер пошатнул,
С крыши ветхую солому
Разметал, раздул?

И не твой ли под горою
Сгнил до тла овин,
В запустелом огороде
Повалился тын?

Не твоей ли прокатали
Полосой пустой
Мужики дорогу в город
Летнею порой?

Не твоя ль жена в лохмотьях,
Ходит босиком?
Не твои ли это детки
Просят под окном?

Не тебя ль в пиру обносят
Чаркою с вином,
И не ты ль сидишь последним
Гостем за столом?

Не твои ли это слезы
На пиру текут;
Не твои ли это песни
Грустью сердце жгут?

Не твоя ль это могила
Смотрит сиротой? —
Крест свалился, вся размыта
Дождевой водой.

По краям ее крапива
Жгучая растет,
А зимой над нею выюга
Плачет и поет.

И звучит в тех песнях горе,
Горе да тоска...
Эх ты, доля, эх ты, доля,
Доля бедняка!

✽

И. З. СУРИКОВ

К О С А Р И

1

Утро. Блещет роса, и сквозь лес от зари
Яркий свет на поля разливается.
За рекой, на лугу, по росе косари
Идут, косят траву, наклоняются.

Эй, ты что ж отстаешь, соловей записной,
Точно двигаешь бабу тяжелую.
Размахнись посмелей да пониже косой,—
И ударь-ка, друг, песню веселую..

И плечистый косарь вдруг кудрями тряхнул,
Поднялася его грудь высокая,
Он кудрями тряхнул и легко затянул:
„Ах ты, степь ли моя, степь широкая!

Поросла-убралась ты травой-ковылем,
Да песками ты, степь, позасыпалась;
На тебе ль от беды, на просторе степном,
Не одна голова вихрем мыкалась.

И горела трава, дым до неба стоял, —
Вырастали могилы бескрестные;
По ним вихорь ходил, гром над ними стучал
Да кружились орлы поднебесные...“

Подхватила артель, дружно песня звенит
И по чистому полю разносится;
Упадая, трава под косами шумит, —
Как-то легче она с песней косится.

Ворота у рубях все расстегнуты, — грудь
Дышит легче, свободнее, голая;
Дружно косы блестят, дружно ноги идут,
И спорится работа тяжелая.

2

Полдень. Солнышко в небе высоко стоит;
От жары нет терпенья и моченьки...
Плечи, голову, руки и жжет и палит,
И неволью слипаются оченьки.

Всех стомила жара, всех замаяла лень;
И под гнетом тяжелой дремотушки
Люд рабочий от солнца попрятался в тень,
Отдохнуть от жары, от работушки.

Лошадь щиплет траву и лениво жует,
Тупо смотрят глаза полусжатые,
Точно плетью, хвостом мух стегнет да стегнет:
Не дают ей покоя, проклятые.

Спят в тени косари; лишь лохматый барбос,
Весь об'ятый какою-то негою,
Глаз прищуря, глядит на пушистый свой хвост..
Вот и он задремал под телегою.

Только мухи жужжат да в траве трескотня:
Кто-то свищет там в ней, надрывается;
Чуть заметно трава ветерком полудня
Кое-где под кустом наклоняется.

Точно в раме, река тростником поросла,
Спит, дремотой полдня очарована..
Из травы пустельга лишь взмахнет, как стрела,
И повиснет вверху, как прикована.

Солнце за лес зашло, потянул холодок,
Всколыхнул на реке влагой чистою,
И в лицо косарей вдруг пахнул ветерок
Из-за леса прохладой душистою.

Потянулся один, потянулся другой,—
Вот и все — и рукой загорелою
Протирают глаза и речною водой
Освежают лицо запотелое.

Взяли косы, брусом наточили, идут. .
Берегися, трава, ты, зеленая.
Ох, не долго тебе красоваться уж тут, —
Упадешь ты, косою подкошенная.

И с родимых полей тебя люди сгребут,
Иссушенную травушку, бледную,
Как невесту, в чужую семью уведут
На житье горемычное, бедную.

*

МАРИЯ КОНОПНИЦКАЯ

Перевод. П. Якубовича

БАТРАК

В колосьях желтеющих нив утопая,
По узкой меже сквозь редеющий мрак,
В убогой сермяге, кряхтя и вздыхая,
Проходит свободный батрак.

Название и правда еще не бывали,
Казалось, от века в разладе таком!
Еще не светилося подобной печали
Во взоре разумном, людском!

Тот год был тяжелый: по всходам промчался
Серебряный бич многоводных дождей,
И пахарь лишь плевел бесплодных дождался
С заплаканной нивы своей.

За подати выгнан, как зверь нелюдимый,
Из хаты, он брата кругом не нашел:
Заветную горсть лишь землицы родимой
В платок завязал—и пошел!

Свирель заиграла над синей рекою,
Румяное солнце встает из-за гор...
Свободный батрак! Чтож ты стал и полою
Кафтана ресницы отер?

Свободный... Уж в ясли сегодня скотине
Не нужно душистого сена бросать;
Из края родного он волен отныне,
Куда загадает, бежать.

Свободный... Он тягости в мире не знает:
Коса разве та, что звенит за спиной,
Отрепье, что впалую грудь прикрывает,
Да боль от тревоги глухой.

Свободный... Ведь, может лежать он бездумно,
Итти, не жалея пораненных ног,
Рыдать без конца иль смеяться бездумно,
Петь песни... Суди его бог!

Замерзнуть он может, покончить с собою.
О камни дорожные череп разбить..
Заря будет снова сменяться зарею,

Зари для него уж не быть!
Назад оглянулся он с горечью новой:
Опишут там каждую тряпку в избе,
Убогое поле, лесок вересковый...
Коса лишь осталась тебе!

Иди же косить! Хоть издохни без хлеба,
Ее не нарушь ты, иди.

Чего ж он стоит, он — свободный, как птица,
Живи, коли хочешь, не хочешь — умри,
В реке утопись, иль иссохни, как птица.

Трудись от зари до зари.

И горстью хоть волосы рви — он не встретит
Ни в ком сострадания живого, бедняк.
Хоть мертвым пади, и никто не заметит...

Свободный он, вольный батрак.

*

Ф. ПОСТУПАЕВ

П Е С Н Ь Х Л Е Б У

Пропоем мы песню не земле, не небу, —
Пропоем мы песню аржаному хлебу.

Хлебушка, батюшка,
Хлебушка ржаной,
Песню тебе мы поем...
Слышишь, кормилец наш,
Слышишь, желанный,
Честь мы тебе воздаем!

В осень холодную землю вспахали мы
С другом безропотным, с другом гнедым...
Землю вспахали мы, вспарили, вздобрили
И взборновали старательно с ним...

В летние красные дни любовались мы,
Как ты под солнышком зрел — доспевал;
Словно как озеро-море великое,
Ветер тебя колыхал, волновал...

Видим, что колосом хлебушка ржаненький
Вышел и зернышком крепко созрел;
Собрали силушки, жней посзывали мы,—
С песней веселю серп зазвенел...

В закроме вымели, зернышко ссыпали,
Будем мы жители,— думалось нам...
Ан, не по-нашему: хлебушка-батюшка
Странствовать начал по барским ларям...

То за арендную всыплем—расплатимся.
То на повинности меру сдадим...
Время уж зимнее, время морозное,
Смотрим,— а в закроме пусто-пустым...

Хлебушка-батюшка, хлебушка ржаненький,
Знаем, попал ты к купцу-кулаку...
Будет молоть тебя купчик на мельнице
И продавать с барышом мужику...

Туго мошоновку, туго глубокую
Купчик набьет золотою казной;
Будет он пирничать, будет он бражничать,
Мы же с детишками с голоду вой...

Пастырь, наш батюшка,
Громкой молитвою
Станет во храме купца поминать...
Наш же брат, труженик.
Хлеба хозяин сам,
Должен по фабрикам хлеба искать

Хлебушка, батюшка,
Хлебушка ржаненький.
Слышишь ли нас ты, родной?
Спели мы песенку.
Но не веселую.
Горькую песнь над тобой.

Г У Д О К

В годы детства гуд призывный
На работу в ранний час
В простоте своей наивной
Проклинал я сотни раз.

Чуть светок, а он застонет,
Загудит; проснется мать,
На работу нас погонит:
— Чу! гудок — пора вставать!

Да пора, а встать нет мочи,
Спишь, как мертвый, иногда,
Гноем слепленные очи,
Слух отсутствует — беда.

Тяжела судьба малютки
Непосильного труда,
Ведь часов по двадцать в сутки
Мы работали тогда.

На жаре, в чаду и пыли,
Проработав этот срок,
Полумертвыми мы были;
Шли домой, не чуя ног.

От работы ныли руки.
От побоев голова;
Слух терзали шума звуки,
Брани едкие слова.

А за что? свидетель небо,
Мы платили за гроши,
За кусок скорузный хлеба.
Соком тела и души.

В полусне нам есть давали
И чумазым и в поту,
За столом мы засыпали
С недожеванным во рту.

Но теперь иное дело:
Сброшен гнет с мозольных плеч;
От побой не ломит тело
И не жжет по суткам печь.

И сирены гуд призывный
Не назойлив и тягуч,
Обладая силой дивной,
Гармоничен и певуч.

*

Н О Ч Ь

1

Глухая ночь. В мое окно
Стучится ветер, спит давно
В деревне труженик-народ.
Шумит на Волге пароход,
И звонко плещется волна...
На небо полная луна
Взошла, и в тысячах огней
Зажглися звезды перед ней,
И воцарилась тишина.
Теперь и мне уснуть пора!
С последним почерком пера
Задул я в лампе огонек,
Но позабыть никак не мог
Едва написанных мной строк;
Они меня, казалось, жгли,
И тайной силою влекли
Опять к себе.

Я закрывал
Тогда глаза и повторял
С невольной грустью каждый стих.

Глухая ночь. Ни слез людских,
 Ни стонов здесь не слышу я.
 А там, средь зданий городских,
 Живет работников семья,
 Изнеможенная трудом.
 Где каждый раз огромный дом
 Ее к себе с рассветом дня
 Зовет на тяжкую страду.
 Казалось, грешники в аду
 Килят в смоле, так точно тут
 Свершают свой обычный труд
 В сырых стенах, под визг машин,
 От юных лет и до седины.
 Кормильцы наши.

Вот один
 Совсем зачах; поля, луга
 Рисует он. Да не долга
 Его осталась жизни нить.
 А как ему хотелось жить!
 Другой здоров еще на вид
 И, словно каторжник, вертит
 Без остановки колесом.
 Хоть разрушенья и на нем
 Легла угрюмая печать...
 С словами: дом, отец и мать,
 Он не знаком, и с детских лет
 Был закален в горниле бед.
 Умел безропотно страдать
 И горе чаркой заливать.
 Тут также дети есть. Нужда,
 Неволья вместе их свела
 Для безустанного труда
 И навсегда оторвала
 От жизни мирного села,
 Где летом солнце так тепло
 И так приветно светит нам
 Когда ж окутано село
 Зимою снегом, любо там
 Кататься было им с горы.

Но не вернуться той поры
И тем беспечным детским дням,
Серьезны все не по летам,
Без упования впереди
Они живут с тоской в груди
Лишь для того, чтоб только жить
И страшный голод утолить.

3

Глухая ночь. Закрывает завод,
Гурьбой расходуется народ,
Как тараканы по углам
Своих удушливых жилищ,
Где склизь и плесень на стенах,
Как в склепах питерских кладбищ
Над грешным прахом богачей,
Невыносимы для людей.
Привыкших к свету и теплу...
На чердаке в таком углу,
Пред нагоревшею свечей,
Склонясь, сидит старик седой,
Играют дети на полу,
За рваным пологом кровать,
Там их лежит больная мать
И кровью кашляет.

Пьяней

Вина, шатаясь перед ней,
Стоит отец ее детей.
— Уйди же, Вася, дай уснуть!
Да и тебе давно пора,
Смотри, недолго до утра!—
Рукой придерживая грудь
Так говорит ему она.
— О, трижды проклята ты будь,
Вина мне дай!

— Ах, нет вина,

Ни капли, милый,

— Так пошли!

— До гроша медного дошли
Все наши деньги. видит бог,

Я в ссудной кассе под залог
Взяла сегодня на обед!
Усни, голубчик, — ведь чуть свет
Тсбе вставать!..

И кашель злой
Прервал последние слова...

4

Уж на часах пробило два,
Залаял пес сторожевой,
Уснули дети, также спит
В углу работник молодой.
Один старик еще сидит,
И плачет горько он навзрыд
Пред трупом дочери родной.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

„М А С Т Е Р“

Домой! Домой! Гудит гудок,
Бегут работницы. Конец дневной неволе.
— „Успеешь. Погоди... Какой тебе годок?
Гнусит облезлый мастер Оле.
— Семнадцать? Господи! бывают же года!
Ну, подойди ж сюда!
Работа у тебя, по совести, картинка;
Не кружева, а паутинка!
Я б эти пальчики... С сегодняшнего дня
Удвою деточке... расценку.
Кхе!.. Вот — уставилась в стенку!..
Ну, вскинь глазенки на меня:
Постой... Скажи ты, ради бога,
Какая недотрога!
В семнадцать лет, ведь, грех большой —
Не знать, как жить на свете белом.
Благоволит тебе старшой?
Благоволи и ты... душой
И... телом.

Я помню... встарь...
Не лыком шиты тож.. Стой, дурочка, куда ты?
Э... кхе... конфеточка! Ты что ж? Толкаться, тварь?..
С завода гнать таких бы харь!
Заместо кружев, что ты мне суешь? Канаты?
Не разберет, мол, старый наш дурак?
Вот получи-ка штраф... за брак!

К этой красноречивой картинке старого
режима Демьян Бедный прибавляет:

Над нами подлецы большую брали волю,
Когда, товарищи, брели мы в темноте.
Но времена пошли не те:
Есть нынче стать кому за Олю!

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

У ГОСПОД НА ЕЛКЕ

Помню—господи, прости!
Как давно все было!—
Парень лет пяти-шести
Я попал под мыло.

Мать с утра меня скребла,
Плача втихомолку,
А под вечер повела
„К господам на елку“.

По снежку на черный ход
Пробрались искусно.
В теплой кухне у господ
Пахнет очень вкусно.

Тетка Фекла у плиты
На хозяев злится:
— „Дали к празднику, скоты,
Три аршина ситца!

Обиосилась, что мешок:
Ни к гостям, ни к храму.
Груне дали фартушок—
Не прикроешь сраму!

Груня фыркнула в ладонь,
Фартушком тряхнула.
— „Ну и девка же: огонь!“
Тетушка вздохнула:

Все гульба нейдет с ума,
Нагуляет лихо!
Ой, никак, идет „сама“!—
В кухне стало тихо.

Мать рукою провела
У меня под носом,
В кухню барыня вошла.
К матери с вопросом:

— „Здравствуй, Катя! Ты—с сынком?
Муж, чай, рад получке?“ —
В спину мать меня пишком:
— „Приложися к ручке!“

Сзади шум. Бегут, кричат:
— „В кухне—мужичонок!“
Эвон, сколько их—барчат:
Мальчиков, девчонок!

— „Позовем его за стол!“
— „Что ты, что ты, Пепка!“
Я за материн подол
Уцепился крепко.

Запросившись домой,
Задал реву сразу.
— „Дём, нишкни! Дурак прямой,
То ль попорчен сглазу“.

Кто-то тут успел принести
Пряник и игрушку:
— „Это пряник. Можно есть.“
— „На, бери, хлопушку“.

— „Вот—растите дикарей:
Не проронит слова!..
Дети, в залу! Марш скорей!“
В кухне тихо снова.

Фекла злится: „Каково?
Дали тож... гостинца!..
На мальца глядят как: во!
Словно из зверинца!“

Груня шепчет:— „Дём, а Дём!
Напечем—наварим.—
Завтра с Феклой—жди—придем.
То-то уж задарим!“

Попрощались и—домой,
Дома—пахнет водкой.
Два отца—чужой и мой—
Пьют за загородкой.

Спать мешает до утра
Пьяное соседство.
Незабвенная пора,
Золотое детство!

ИЛЬЯ ИОНОВ

РЯДОВОЙ

От нив родных его отняли.
Где он трудился, словно вол.
— Возьми ружье,—ему сказали,
Поди убей.—И он пошел.

И там, на бранном поле, встретил
Таких же пахнущих землей.
Спросил: зачем? Но не ответил
Ему угрюмый рядовой.
Все быстро двинулись толпой,
Взводя послушные курки.
Окоп... и брызнувшей струей
Уже окрашены штыки.
А он, земли покорный данник,
С глубокой раной в груди,
Он, пули мстительной—избранник,
Лежит далеко позади.
И взор его полуоткрытый
Так неподвижен, жутко нем,
И в нем все тот же незабываемый
Вопрос таинственный: зачем?

*

АЛЕКСАНДРОВ

УЧЕНИЕ В ЦАРСКОЙ АРМИИ

— „Всяк солдат—слуга престола
И защитник от врагов“...
Повтори. Молчишь, фефела?
Не упомнишь восемь слов?
Ну, к отхожему дневальным
После ужина в наряд...
Махин тоном погребальным
Отвечает: „Виноват!“
— „Ну-ка, кто у вас бригадный!“ —
Дальше унтер говорит
И, как ястреб кровожадный,
Все глазами шевелит.
— „Что молчишь? Собачья морда,
Простокваша, идиот!
Ну, так помни, помни ж твердо!“ —
И рукою в ухо бьет.
Что же Махин? Слезы льются,

Тихо тянет: „Виноват!“
Весь дрожит, колена гнутся
И предательски дрожат...
— „Всех солдат почетно званье, —
Пост ли... знамя... караул...
Махин! Чучело баранье,
Что ты ногу развернул?
Ноги вместе, выше харю.
И не так еще ударю“.
Так вчера еще учили
И семеновцев-солдат.

*

МИХ. АРТАМОНОВ

РЕКРУТЫ

В эти сине-синетемные денечки,
В эти темно-темносиние деньки,
Загуляли за рекою паренечки,
Разгулялись за рекою пареньки.

Не от радости, а с горя да печали,
Не от радости, а с горя да тоски
За рекою паренечки загуляли,
Расходились за рекою пареньки.

В сизых сумерках деревня потонула.
Призатихла, припечалилась она,
Лишь от буйного широкого разгула
Всколыхнулась за рекою тишина...

Эх, гуляй, пока широкое разгулье!
Проплыви-ка, пропляши-ка трепака!
В темном вечере и в говоре, и в гуле,
Даже в песенках почуялась тоска.

Скоро смолкнут эти песенки, гулянье,
Будут несенки, да петь-то их не нам!
Мы раз'едемся на долгое прощанье
По чужим, по незнакомым сторонам.

За рекою при околице прощанье:
Призатихли разудалы пареньки,
Только звонкая гармоника в тумане
Про последние печалится деньки.

*

ПАВЕЛ ДРУЖИНИН

ПЕСНЬ О РУБАХЕ

В убогой хате, как-нибудь,
Тебя напярла с горем приха,
Но нежной матерью на грудь
Ко мне прильнула ты, рубаха.

С соленым потом протекло
В твою посконную тканью
Чужое женское тепло,
Чтобы согреть чужую спину.

Кому-то не было, жаль
Оставить мне в земном пожитке
Живую радость и печаль
На каждой обветшалою нитке.

На каждом лоскуте горит
Любви неведомый огарок...
Но я забыл благодарить
За милый и родной подарок.

Пустая звонкая молва
Нам чаще гордости дороже,
А на хорошие слова
Мы раскошелиться не можем,

Не можем, не желаем внять
Кровоточащим бисер ранам
И все торопимся обнять
В сусальном золоте болванов.

Спешим пожаловать себя —
И то из низости да страха,
А где нам вспомнить про тебя,
Простая русская рубаха.

*

ПЕТР ОРЕШИН

РАЗДУМЬЕ

Широка полоса богатея,
Ненасытна царева казна.
Вся деревня под игом злодея,
Вся раздета, темна и пьяна.

Зашумели поля золотые,
Не поля — океаны шумят.
Но скажи мне, ответь мне, Россия,
Где оно — благоденствие хат?

Нет у нас ни порядка, ни школы,
Ни широких земель луговых.
Знай коси с Покрова до Миколы,
Отдувайся один за троих.

Не вино мужика загубило,
Не орлянка рубаху сняла,
Нет, иная проклятая сила
Пламенеет над жизнью села!

Не по воле, с великого горя
Мы к царевым пошли кабакам.
Вместо школы, не водки ли море
Было свыше даровано нам?

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

В О Ш Ь

(к сожалению: не басня)

Вошь, что заемной грош:
Спать не дает.

Блошка да мошка, да
третья вошка — упокою
нет.

И т. д. и т. д.

„Любимые“ *народные по-
словицы*

В углу на стареньком бурнусе

Ломала в горе лапки вошь:

— „За что ж меня? За что ж?... За здорово жи-
вешь!

Ох, господи-Исусе!

Ох, господи-Исусе!“

— „Голубка!“ — рядышком уселася блоха:

Чем стала жизнь твоя плоха?“

— „Ох! — вошь тут пуще завздыхала:

„Ты разве, блошка, не слыхала?“

— „Про что? Скорее. Я спешу“.

— „Про большевицкие... злодейские их планы:

На вшей готовятся арканы“...

— „Вот душегубы-то“.

— „Ох! Я едва дышу!“

— „Шу-шу!“ Из всех щелей полезли тараканы

„Шу-шу! Шу-шу! Шу-шу! Шу-шу!“

— „Что тут за шум?“

— „Кого убили?“

— „Вошь. слышно, крепко оскорбили!“

— „Кто оскорбил? Блоха? Держи ее! Лови!“

— „Ах ты, комар тебя язви!“

— „Держи ее, лови!“

— „Ах, дьявол, ускакала!“

— „Ну, погоди уж: ответишь за разбой!“

— „Скажи, что, вошенька, с тобой?“

— „Каких-таких долгов с тебя блоха искала?“

— „Ох“,—вошь захныкала в ответ:
 „Ох, братцы-таракашки,
 С блохою не дрались, держали мы совет“...
 — „А мы-то думали... Да что же вы, милашки,
 Тут шум затеяли такой?“
 — „С чего ты слезы льешь рекой?“
 — „На большевицкие я плакалась замашки.
 Объявлен...“
 — „Слушайте!“
 — „Шу-шу! Шу-шу! Шу-шу!..“
 — „Объявлен понеча у них поход на вшу!..
 Сам Ленин объявил, их главный воевода,
 Что вшам пощады нет, — вошь, дескать, враг
 народа!
 Белогвардейка вроде, да!“
 — „Ну, что ты, мать, да неужели?“
 — „Вошь вне закона!“
 — „Ай, беда!“
 Тут тараканы, кто куда,
 Со страху все забились в щели,
 Оставив плакать вошь одну:
 — „Шут с нею. Втянешься из-за нее в войну“.

— „Вот где она помеха:
 Вошь... Таракан... Блоха!
 Поход... ах-ха-ха-ха. На вошь, ах-ха-ха-ха!“
 Друзья, тут места нет для смеха.
 Вошь есть не просто вошь, а некий злой символ:
 Былых властителей жестокий произвол,
 Все издевательства господ над людом „черным“,
 Вся грязь „рассейская“, грязь тела и души,
 Все, что губило Русь дыханием тлетворным,
 Все воплощение свое нашло во вши.
 Помещик, телеса омыв душистым мылом
 И накрахмаленным гордясь воротником,
 Глумился походя над „неумытым рылом“,
 Над „обовшивевшим“, над „грязным“ мужиком.
 Помещик—ширился, мужик—в хлеву теснился,
 Он с вошью свыкся и сроднился,

Всех ближе вошь ему была и всех родней,
Он вспоминал о ней и в радости, и в горе,
В площадной ругани, в душевном разговоре,
Слагал пословицы и песни пел о ней:

— „Вошка парилася,
Да ударилася
Ненароком
Правым боком.
Вывихнула ножку.
Схоронили вошку
Во тесовом во-гробу,
Словно божью рабу!“

Живя в грязи, мужик твердил, что „грязь не сало:
Помял—она отстала“.

Корой покрылся,—горя мало.

И темен, и убог,

Откуда знать он мог,

Что там, где грязь, там вошь, а вошь плодит заразу,
Разгул горячек и корост.

Когда случалось, что полдеревни сразу

Переселялось от мора на погост,

Мужик—он все сносил, он все сносил покорно,

И сам, ложась до срока в гроб,

Рукой холодною крестя холодный лоб,

В суд божий веровал упорно:

— „Господь... карает... за грехи!“

А утром выпивший с помещиком две фляги

Поп слушал исповедь предсмертную бедняги:

— „Грехи, мой сын, грехи!“

А сам в кулак:—„хи-хи!“

Попу с помещиком мужицкий „грех“—потеха!

Нам нынче не до смеха!

Мы с шеи сбросили всех наших кровопийц.

Былых насильников, потомственных убийц,

И добиваем их остатки.

Но потруднее этой схватки

Нам будет долгий, долгий бой

Вот с этой „божьей работой“,

Вот с этой вошью, серой, грязной,

Наследьем жизни безобразной,

Той жизни, что теперь—где наспех, наугад,

Где по продуманному плану,
Все язвы выводя, леча за раной рану.
Мы общей силою на новый строим лад.
И наша ли вина, что в деле новой стройки
Не обошлось... без вошебойки?!

*

А. БЛАГОВ

КРЕСТНЫЙ ХОД

Май. В лесу гудят березки,
А в селе колокола.
Мужики таскают доски
По за-гумнам вокруг села.
Мне с горы, как на ладони,
Видно шествие толпы:
Выступают, точно кони,
Долгогривые попы;
Ризы желтые сверкают
Под смеющимся лучом,
Впереди толпы шагает
Кум Гаврила с фонарем;
На манер большой лопаты
Божью мать Иван несет;
Огороды, риги, хаты—
Все обходит крестный ход.
Вот за речкой у плотины
Показались стада,—
Тут молебен для скотины
Служат батюшки всегда.
Люди стали полукругом,
Дьякон рявкнул во всю мочь.
И пол-стада с перепугу
От святых пустилось прочь.
Эти в лес, другие в воду,—
И ворчал пастух Федот:
„Ну, задаст мне, видно, ходу
Этот чортов крестный ход!“

А. БЛАГОВ

ТЕМНОТА

У соседки, у Ненилы,
Сын, Ванюша, занемог:
День и ночь лежит, нет силы,
Не выходит за порог...
Мать старуха суетится,
На душе у ней тоска:
То начнет она молиться
За любимого сынка.
То к знахарке деревенской
За травой побегит,
То водой „богоявленной“
Сына, охая, поит.
Все лекарства испытала:
Деготь, сало, керосин, —
Но ничто не помогало:
Не вставал с постели сын.
День и два, и три проходит.
А больной лежит пластом.
Тут старухе в ум приходит:
— „Не сходить ли за врачом?..
И Ненила, что есть духу,
Мчится в ближнее село,
Но на глупую старуху
Вдруг сомнение нашло:
„Нет, ничто уж не поможет.
Ведь испорчен мой сынок.
Что тут лекарь сделать может,
Где и знахари не в прок?!..
И раздумала Ненила, —
До того была слепа.
А к больному пригласила
Вместо доктора попа,
В ночь уснул наш бедный малый,
Спит Ванюша вечным сном.
И головушкой усталой
Мать склонилась над сынком.

Припадая к мертвой груди,
Голосила:—жизнь моя!
Погубили злые люди,
Ненаглядный мой, тебя!..

Ах ты, тетушка Нешила!
Жаль тебя, сердечно жаль!
И найдешь ли в сердце силы
Ты унять свою печаль?
Та печаль, скажу, родная,
Нам от детства привита,—
То неволя вековая,
Наша злая темнота.
А пока в ее мы власти,
Нам от горя не уйти,
Не изжить свои напасти,
Лучшей доли не найти!

*

Н. С. ТИХОМИРОВ

ДЕРЕВЕНСКИЙ КУЛАК

Под горшок острижен волос,
Словно яблоки глаза,
Баритонный зычный голос:
Ну, подумашь,—гроза.

Пальцы с черными ногтями,
Ястребиный красный нос,
Сапожищи с бураками,
Настоящий кровосос.

И, пыхтя от об'яденья,
Прется в божий храм медведь;
Крякнул громко, без стесненья—
Рожа красная, как медь.

Подойдя к свечному „богу“,
Поздоровался кивком,
Покрестясь чинно, строго,
Вынул денежку с коньком.

Встал на самом видном месте,
Свечку толстую зажег,
С становым молились вместе,
Был у них единый „бог“.

По пути зашел к соседу,
За гроши скупил овес,
Вел цветистую беседу,
Что добру учил Христос.

И потом с довольной рожей
Пообедал. Сыт и пьян.
Вот он, раб смиренный, божий,
Царь измученных крестьян.

*

И. С. НИКИТИН

* * *

.
Падет призренное тиранство,
И цепи с пахарей спадут,
И ты, изнеженное барство,
Возьмешься нехотя за труд.
Не нам, иному поколенью,
Отдашь ты бич свой вековой
И будешь ненавистной тенью,
Пятном в истории родной...
Весь твой разврат и вероломство,
Все козни—время обнажит,
И просвещенное потомство
Тебя проклятьем поразит.
Мужик—теперь твоя опора,

Твой вол—и больше ничего,—
Со славой выйдет из позора,
И вновь не купишь ты его.
Уж всходит солнце земледельца...
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор...

* * *

ДИЛЬ-ТАЛЬХ

* * *

Мы долго молчали, насилья рабы,
Мы долго и горько страдали...
Но вспыхнуло пламя великой борьбы,
И песни кругом зазвучали.

Свободные песни, как вешний разлив,
Покрыли и топот, и стоны.
Пускай мы погибнем...

На светлый призыв
За нами идут миллионы.

Миллион за миллионом суровая рать
Восстала за лучшую долю.
Свободную песню нельзя заковать. —
Певцы презирают неволю!

*

ВАСИЛИЙ КНЯЗЕВ

ВОЛЖСКИЙ СОКОЛ

(Поэма о Разине)

Он стоял пред толпой, атаман молодой,
Русы кудры спускались на плечи,
И в холодную высь неумолчно лились
Упоительно страстные речи:

„Нутка, братья, в поход на бояр, на господ,
Позачиним мечи да кольчуги,
И, как вспыхнет заря, на твердыни царя
Поплывут наши легкие струги“.
И сильней, и смелей жжет он речью своей
Бесшабашно-удалые груди;
Очи блещут вокруг, и сжимается круг,
И кричат опьяненные люди:
„Ты на счастье нам дан, молодой атаман,—
Так веди ж нас, веди за собою!
Принимаем поход—пусть хозяин-народ
Воцарится над русской землею!“

* * *

У обрыва реки собрались мужики,
Знать, доходят к ним добрые вести—
Ишь, как громко галдят! Знамо, чорт им
не брат,

Коль горланят на этакое месте!

„Полно, братцы, терпеть воеводскую плеть,
Не пора ли очухаться, братцы?

На земле мужиков—что зимою волков,
Стало, нечего нам и бояться!

А пока, до поры, наострим топоры

Да повырежем в роще дубины;

Подождем—не умрем, но уж этим дубьем
порасчешем мы барские спины“.

Сход шумит и гудит,—то казак говорит:

„Бью челом вам от тихого Дона.

Батька Разин Степан, наш лихой атаман,

Хочет выволить вас из полона,—

На бояр, на господ об'являет поход,

Чтобы, значит, народу отдать бы,

Что награбили те по его простоте,—

Собирайтесь-ка к барам в усадьбы“.

* * *

За дубовым столом, в терему расписном,

Тучей черной сидит воевода,

А над кипой бумаг надрывается дык—

Пишет грамоты он для народа:

„Образумьтесь, мол, не шатайте престол;
Будет всем вам, пождите, ужотка,
А зловредных людей выдавайте скорей“,—
И трясется у дьяка борода.

* * *

Тяжко стонет набат. Вперив огненный
взгляд

В бесконечные водные дали,
Воевода стоит, воевода молчит,
И молчат на бойницах пищали.
Вот по зеркалу вод парус смелый плывет—
То любимый товарищ Степана;
Над своей головой свиток держит рукой
И несется вперед из тумана.
Взглядом щупая даль, нажимает пищаль
Воевода с усмешкою тихой...
Пал казак молодой! И гудит над рекой:
„Лихо, братья-товарищи, лихо!“
Из холодных бойниц стая огненных птиц
Вылетает навстречу Степану.
Но купцы и народ собрались у ворот,
Чтобы их распахнуть атаману.
Смолк докучный набат, город — сдался
и взят;

На воротах висит воевода.
Весь из лавок товар, все имение бар
Отвалил атаман для народа.

* * *

От Москвы до Оки, до широкой реки,
Волновались по селам крестьяне,
И шумящей волной над родимой землей
Шла молва о лихом атамане.
Рядом красных побед он отметил свой
след;

Приближались победные струги,
Как и волны молвы, к грозным башням
Москвы.

Ой, вы, гой еси, соколы-други!

И куда приплывал этот бешеный вал
С бысролетною песней раздолбя,
Там крестьянский народ и бояр, и господ
Подымал и бросал на дреколья.

* * *

Чтоб крамолу унять, выслал новую рать
Из Москвы царь-отец да бояры...
Бился долго Степан; истекая от ран,
Щедро сыпал лихие удары.
Только к ночи в ко́нец потопил царь-отец
Бысролетные легкие струги...
А крестьянский народ за избитых господ
Били, вешали царские слуги.
Был с позором казнен в царском городе он,
Ко дну пущены вольные струги...
Но крестьянский народ память вольного
чет.
Ой, вы, гой еси, соколы-други!

*

И. З. СУРИКОВ

КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Точно море в час прибоя,
Площадь красная гудит.
Что за говор? Что там против
Места лобного стоит?

Плаха черная далеко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Ярко с неба светит солнце
На кремлевские зубцы,
И вокруг высокой плахи
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась,—
Проложил дорогу кнут:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбриты
Кудри черные, как смоль;
Но лица не изменили
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,
Как и прежде, смотрит он,—
Перед ним бывшее время
Восстает, как яркий сон:

Дона тихого приволье,
Волги-матушки простор,
Где с судов больших и малых
Брал он с вольницей побор:

Как он силою казацкой
Рыскал вихорем степным,
И кичливое боярство
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,
Жжет огнем и давит грудь,—
Но тяжелые колодки
С ног не в силах он смахнуть.

С болью тяжкою оставил
В это утро он тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стеньке кликнуть
Клич казацкой голытьбе,
И призвать ее на помощь
С Дона тихого к себе.

Не удастся с этой силой
Силу ратную потрянуть,—
Воевод, бояр московских
В три погибели согнуть.

„Как под городом Симбирском
(Думу думает Степан),—
Рать казацкая побита,
Не побит лишь атаман.

„Знать, уж долюшка такая,
Что не пал казак в бою,
И сберег для черной плахи
Буйну голову свою.

„Знать, уж долюшка такая,
Что на Дон казак бежал,
На родной своей стороне
Во поиманье попал.

„Не больна мне та обида,
Та истома не горька,
Что московские бояре
Заковали казака,

„Что на помосте высоком
Поплачусь я головой
За разгульные потехи
С разудалой голытьбой.

„Нет, мне та больна обида,
Мне горька истома та,
Что изменною неправдой
Голова моя взята!

„Вот сейчас на смертной плахе
Срубят голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помост я полью...

„Ой, ты Дон ли мой родимый!
Волга-матушка река!
Помяните добрым словом
Атамана-казака!“

Вот и пбмост перед Стенькой...
Разин бровью не повел,
И на верх он, по ступеням,
Бодрой поступью взошел.

Поклонился он народу,
Помолился на собор..
И палач, в рубахе красной,
Высоко взмахнул топор..

„Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва!..
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

*

К. Ф. РЫЛЕЕВ ¹⁾

ПЕСНЯ

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Все в неволе,
В тяжелой доле.
Видно, век вековать!
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людьми,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?
Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил.

¹⁾ Сочинена в сотрудничестве с А. А. Бестужевым-Марлинским.

И над нами.
Бедняками,
Будто с плетью посадил?
По две шкуры с нас дерут:
Мы посеем, они жнут.
И свобода
У народа
Силой бар задушена.
А что силой отнято,
Силой выручим мы то,
И в приволье,
На раздолье,
Стариною заживем.
А теперь, господа
Грабят нас без стыда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.
Баре с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам и судам.
А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде:
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.
Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все, про все давай.
Там же каждая душа
Покривится из гроша,
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем.
Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь:

То дороги,
То налоги
Разорили нас в конец.
А под царским орлом
Ядом потчуют с вином,
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.
Уж как худо на Руси,
Что и боже упаси.
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.
Он царя подстрекнет—
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой.
А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами,
Ведь, с усами.
Так мотай себе на ус!

*

ДОЛГО НАС ПОМЕЩИКИ ДУШИЛИ ¹⁾

Долго нас помещики душили,
Становые били,
И привыкли всякому злодею
Подставлять мы шею.
В страхе нас квартальные держали,
Немцы муштровали.
Мы-де глупы, как овечье стадо,—
Стричь да брить нас надо.
Вколотили в нас одно сызмальства:
Знай, дескать, начальство.

¹⁾ Приписывается Холодовскому-Цибульскому.

Что ж тут делать. Долго ль до напасти —
Покоримся власти...
Мироеды тем и пробавлялись:
Над нами ломались;
Ну, и брали всякие поборы
С нас денные воры.
Про царей попы твердили миру,
Спьяна или с жиру,
Сам же бог помазал их елеем,
Как же пикнуть смеем.
Суд Шемякин—до бога высоко,
До царя далеко:
Царь сидит там в Питере, не слышит,
Знай, указы пишет.
А указ, как бисером нанизан,
Не про нас лишь писан;
Так и этак ты его читаешь—
Все не понимаешь.
Каждый бутарь звал себя, с нахальством,
Малым начальством.
Знать, и этих, праведный ты боже,
Мазал маслом тоже.
Кто слыхал о 25 годе
В крещеном народе?
Когда б мы тогда не глупы были,
Давно б не тужили.
Поднялись в то время на злодеев:
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель, да иные
Бояре честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело.
И сложили головы за братьий
Пестель да Кондратий.
Не найдется что ль у нас инова
Друга — Пугачева,
Чтобы крепкой грудью встал он смело
За святое дело.

*

И. С. НИКИТИН

МЩЕНИЕ

Поднялась, шумит
Непогодушка,
Низко бор сырой
Наклоняется.

Ходят, плавают
Тучи по небу,
Ночь осенняя
Черней ворона.

В зипуне мужик
К дому барскому
Через сад густой
Тихо крадется.

Он идет, глядит
Во все стороны.
Про себя один
Молча думает:

„Вот теперь с тобой,
Барин-батюшка,
Мужик-лапотник
Посчитается;

Хорошо ты мне
Вчера вечером
Вплоть до плеч спустил
Кожу бедную.

Виноват я был,
Сам ты ведаешь:
Тебе дочь моя
Приглянулася.

Да отец ее —
Несговорчивый,
Не велит он ей
Слушать барина...

Знаю, ты у нас
Сам большой-старшой
И судить-рядить
Тебя некому.

Так суди ж господь
Меня грешника:
Не видать тебе
Мое детище!“

Подошел мужик
К дому барскому,
Тихо выломил
Раму старую,

Поднялся, вскочил
В спальню темную,—
Не вставать теперь
Утром барину...

На дворе шумит
Непогодушка,
Низко бор сырой
Наклоняется;

Через сад домой
Мужик крадется,
У него лицо—
Словно белый снег.

Он дрожит, как лист,
Озирается,
А господский дом
Загорается.

ВЕРБОВЧАНИИ

ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВУ ¹⁾

„Барству да маклачеству
Неужли потворствовать?“
Не хотелось молодцу
Кланяться, холопствовать,
Не взлюбило пылкое
Сердце непокорное
Путь-дорожку битую.
Путь-дорожку торную...
Правду неподкупную,
Божий свет увидела
Голова удалая
И—возненавидела
Долю подневольную,
Долюшку забитую,
Злобу окаянную.
Злобу ядовитую.
Вызвать в бой осмелилась
Гордо, без смущения
Царскую опричнину —
Силу угнетения.
Эх, и озлобились же
Подлостью богатые
Палачи народные,
Палачи проклятые!
Каменное, жесткое
Сердце их гранитное
Ядом переполнилось,
Местью ненасытной.
Говорят удалому
Речи ненавистные:
„За свободомыслие,
Чувства бескорыстные,
Да за жизнь рабочую,

¹⁾ Рабочий Петр Алексеев был одним из видных участников „Процесса 50-ти“ — первого большого процесса пропагандистов-землеволец. (Осужден Особым присутствием Сената на 10 лет каторжных работ).

Трудную да серую,
Получи наградушку
Нашу полной мерою:
Ты слюбился с волюшкой,
Что с душой-девицею,
Так спознайся, молодец,
С душною темницею!
Не взлюбил ты горюшко,
Жизнь раба бездольную,
Так уж выпей, молодец,
Горя чашу полную.
Чтобы гребню частому
Не было заботушки,
Этой непоклончивой
Сбреем полголовушки.
В звании кандалщика,
Битого, голодного,
Ройся в адской темени
Рудника холодного:
Знай, землицу-матушку
Заступом покапывай,
Песни пой о волюшке
Да цепьми побрякивай!
Думал ты: для родины
Цени рабства пагубны,—
Так добудь железца нам,
Нам на цепи надобно!
А уж цепи выкуем
Так на славу—тонкие.
Хоть тяжеловатые,
Да, как гусли, звонкие“.
Голова удалая
Все ж не поклонилася,
Сердце молодецкое
Все ж не покорилось:
„Что ж! Закуйте в цепь меня
И обрейте голову,
Но не сброшу с плеч своих
Я креста тяжелого;
Не бегу страдания,—

Сила в нем великая,
Перед ним рассеется
Ваша злоба дикая;
На него помолится
Весь народ задавленный,
Славой увенчается
Вами обесславленный“.

*

А. Н. В — СКИИ

КРЕСТЬЯНАМ

Светает, товарищи!
Твердой рукой
Держите вы знамя свободы!
Расстаньтесь с проклятою, злою тоской,
Нас мучившей долгие годы.

Настала пора и проснулся народ,
Стоят друг за друга все дружно.
Кончается царство рабов и господ,
Нам барства, холопства не нужно.

Свободы мы долго найти не могли.
Найти не могли свою долю.
Нам волю всем дали — почти без земли...
Возьмем теперь землю и волю!

Нам счастья дня не бывало в году.
Мужицкие слезы, что море...
Мы жили в каком-то угарном чаду, —
Работа, забота и горе...

Лежали от голода мы, от цынги,
В невежестве вечном коснели...
Не знали, кто наши друзья, кто враги,
Начальству перечить не смели...

И жизнь была наша ужаснейший сон:
От диких разбойничьих шаек
Над русской землею стоял долгий стон,
Мешаясь со свистом нагаек...

Идите на волю рабы-мужики,
Избавьтесь от тяжкого гнета...
Исчезнут сосущие кровь пауки,
Их рвутся гнилые тенета...

Назад нет возврата для нас никуда,
Голодная смерть за спиною...
Так пусть же свободное знамя труда
Свободно пройдет над странною.

Кончается рабство... нам выхода нет...
Найдем мы свободную долю.
Вдали показался желанный рассвет—
Увидим мы землю и волю!

*

Е. НЕЧАЕВ

В ДЕРЕВНЕ

Милый внук, да правда ль это,
 Что лопочат у ворот?
Не лукавит ли газета,
Не пытаются ли народ?

Разя можно и так скоро
 Вырвать с корнем? Нет, мой друг,
У него сильна опора:
 Войска много—верных слуг.

Если шутят, то не гоже —
 Кровью пахнет этот смех.
Знаю я... великий боже,
 Что нас ждет за это всех!

Не забыть: в Москве на Пресне
 В буреломный пятый год
Началось все дело с песни:
 Просыпайся, встань, народ!

Но хранители престола,
Коронованной главы,
Люди взяток, произвола,
Ощетинились, как львы.

Их огонь был част и меток,
Песням посланный в ответ...
Сколько женщин.. малолеток
Уложили—счета нет!

На Москве-реке их в кучи
Собирали, как дрова.
Да, грозны ходили тучи!
Жуть... кружилась голова!

Полежал и сам я в груди,
Полумертвый и без ног;
Помогли, спасибо, люди—
Не прогневался, знать, бог.

Говоря, взглянул в окошко,
Гнев к минувшему тая,
Обомлел:—Пимоня-крошка,
Ущипни, не сплю ли я?

Глянь, родной, как с крестным ходом,
Люди с пением идут.
И войска слились с народом.
Флаги красные несут.

Дед заплакал:—Русь святая,
Ты ль не чудо из чудес!
К свету, ширь-то, ширь какая
Безграничнее небес!

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

НАРОДНИК

Помещик, встретясь с мужиком,
С беднягой-Фокой,
— „Эй, Фока“, — говорит, — „слынешь ты
докой, —

Потолковать бы нам ладком,
Пока нет шуму.

Ведь, выборы у нас почти что на носу.
В политике ж мужик, сам знаешь, как
в лесу, —

Так надо разобрать, кому итти-то в Думу?
Я, например, готов... Тяжелый крест снесу...
Поклясться б за меня ты мог пред целым
сходом:

Помещик наш пойдет, мол, за-одно с народом.
Мы столковаться бы почти во всем могли.
Лишь стоит бредни все забыть насчет
земли“.

— „Земли!“ — под ложечкой у Фоки засосало:
„Землица... что ж?... Землица... не вредит...
Иным — в излишестве... У нас — ой-ой как
мало...“

— „Вот простота, о чем твердит?
Кому дано, тому дано — от бога“.
А Фока стонет: „Эх, и нам бы... хоть не-
много...“

Землицы клок...“

— „Что вижу, Фока, мысль твоя совсем убога,
Как неотпаренный лубок!

Сойтись бы в главном нам, а пустяки —
похерим!

Тут Фока наш стал сразу зверем:

— „Стой! От какого ты виляешь пустяка?

Ты, что же, думаешь, напал на дурака?

Аль мужики от бар когда добро видали?

Аль наша память коротка?

Проваливай отсель, собачий сын, пока
Тебе бока не обломали!“

П. ОРЕШИН
КРЕСТЬЯНСКАЯ

Отречемся от старого мира,
Ненавистного мира царей...
Да не будет иного кумира,
Кроме воли родимых полей.

Не довольно ли мы голодали,
Изнывали под плетью господ?
На земле, точно в темном подвале,
Жил забитый, великий народ.

Мы работой измызганы в поле,
От нагаек—не стынут рубцы...
Наших дедов сажали на колья,
Под кнутом умирали отцы.

Ирод-царь пировал на просторе,
Пил горячую кровь до пьяна...
Но царя мы, восстав, поборолы,
На Руси—золотая весна.

Но целы и сильны мироеды.
Не разбита помещичья рать...
С ними бой наш до полной победы;
Не пахать, не косить и не жать!

Прочь с родимой земли, толстосумы!
Мы работать на вас—не рабы...
Красным цветом цветут наши думы,
Крылья нашей души и судьбы!

Прочь с дороги, жрецы Капитала!
Выше, красные стяги полей!
Там, где рабство навеки упало,
Всходит солнце торжественных дней.

В прах разбита царева секира,
В прах повержен кровавый чертог...
Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!

Н КЛЮЕВ

МАТРОС

Грохочет Балтийское море,
И, пенясь в расщелинах скал,
Как лев, разъярившийся в ссоре,
Рычит набегающий вал.

Со стоном другой, подоспевший.
О каменный бьется уступ,
И лижет в камнях посиневший,
Холодный, безжизненный труп.

Недвижно лицо молодое,
Недвижен гранитный утес...
Замучен за дело святое
Безжалостно юный матрос.

Не в грозном бою с супостатом,
Не в чуждой, далекой земле,
Убит он своим же собратом, —
Казнен на родном корабле.

Погиб он в борьбе за свободу,
За правду святую и честь...
Снесите же, волны, народу, —
Отчизне последнюю весть.

Снесите родной деревушке
Посмертный рыдающий стон
И матери, бедной старушке,
От павшего сына — поклон!

Рыдает холодное море,
Молчит неприветная даль,
Темна, как народное горе,
Как русская злая печаль.

Плывет полумесяц багровый
И кровью в пучине дрожит...
О, где же тот мститель суровый,
Который за кровь отомстит!

ПЕТР ОРЕШИН
МИКУЛИН ХОД

I

Он восстал, черномазый и серый,
Будто древний воскреснувший лик.
Рушит Кривду неистойвой верой
Бородатый Микула-мужик.

Он по храму по божьему—колом,
Он по царской короне—дубьем.
Загремел по полям и по селам
Золотой, как набатище, гром.

Красный колокол в облачном небе
Раскачался... веревка в руках.
Запрокинулся месяц, как гребень,
В золотых, как снопы, волосах.

Размахнулся Микула рядниной
Голубой до высоких небес.
Стонет тяжко под красной дубиной
Злых врагов пошатнувшийся лес.

Где взмахнет—ляжет улочкой ворог,
Где ударит—мокренько-мокро...
Зачерпнула деревни и горы
Даль в свое голубое ведро.

В колья Русь, древнецарскую суку
С золотыми ресницами ржи.
Ой ли, Русь, протяни-ка мне руку;
Язвы, язвы твои покажи.

Лупит с розмаху старый Микула,
Необхватный народишко—сноп—
По купецким откормленным скулам
Кистенем—да в припудренный лоб.

Глаз Микулин востер да и зорок.
Кистенем и навстречу, и в след,
Где взмахнет—ляжет улочкой ворог,
А ударит—и признаку нет.

II

Отречемся от старого мира.
От царей, от постылых князей.
Сгинь навеки, царева секира,
С необхватных мужицких полей.

На хлебах, на скирдах голодали,
Подыхали под плетью господ.
На земле, как в тюремном подвале,
Жил великий, рабочий народ.

Наш-то батюшка-царь на престоле
Кровь-то нашу хлестал до пьяна,
Колосись же свободная в поле,
На Руси, золотая весна.

Сгиньте с вольной земли, толстосумы,
Сундуков и червонцев рабы.
Ой, красны замурудные шумы.
Клекот орлий крылатой судьбы.

Полетим мы за синее море,
Соколами закружим в зарю,
Гой, не колокол бьет на соборе,—
Молот в кол на могилу царю.

Отгремела царева секира,
На крови повалился чертог.
Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.

III

Собирались над Волгою тучи,
Содвигались со всех-то краев.
Вдарил зычно Микула могучий
Языком колокольных ветров.

Залежался кистень не надолго,—
За свободу поднялся народ.
По одной расплеснувшейся Волге
Месяц груженной баркой плывет.

Запрокинулись барка и лодки,—
Гром Микулы ударил в заслон.
От Микулиной грозной походки
Пошатнулись Волга и Дон.

Синим месяцем шапка Урала
Пала в битвах за синь-океан.
Золотою стрелою упала
Матка Правда в запененный чан.

Корабли запрокинулись ко дну,
Пароходы с купецким добром.
Землю-матушку гром первородный
Сшиб с пути золотым батогом.

Зашатались мосты и укрепления.
Пенны гребни озер и морей...
Прозревайте, кто веровал слепо
В шапку вздутую лютых царей.

Размахнулся Микула не в шутку.
Соболь-шапка внеслась набекрень.
Да и что ж, коли повестью жуткой
Красовитый затеплился день.

Не на шутку земля размахнулась,
Не на шутку свернула с пути.
Да и что ж, коли Русь порехнулась,
Повернулась медведем в клетки.

От Днепра до Китайской границы.
От Онеги до Каспия вплоть,
От деревни до красной столицы,
С кистенем ходит Красный господь.

Глаз Микулин востер да и зорек.
Кистенем— и навстречу и вслед,
Где взмахнет— ляжет улочкой враг,
А ударит—и признаку нет.

*

А. ШИРЯЕВЕЦ

*

* *

Всколыхался ярко-красен
Стяг восставших за народ...
— Нет, не умер Стенька Разин,
Снова, грозный, он идет!

Не у волжского кургана
Встал он с вольницей своей,
Потянуло атамана
На Неву — к дворцам царей...

„Что народ морочить зря-то.
Ой, давно сюда я рвусь!
— Приналягте-ка ребята,—
Перепахла гнусью Русь!“

И гудит ватага Стеньки
Все грознее и звончей,
Пересчитаны ступеньки
Лбами царских палачей...

„Нажимай сильнее, братцы!
Ай-да, соколы! Вперед!
Где царили тунейдцы,
Будет править сам народ!“

Вьется стяг багряно-красен,
Близок, близок светлый час...
— Нет, не умер Стенька Разин,
Дух свободы не угас!

*

II. ОРЕШИН

В О К Т Я Б Р Е

Поэма

Гудели села. Пахло дымом.
Выл скот. А небо все красней.
И по полям необозримым
Несла пурга, и Русь сгорала в ней!

В лесах стонали ветры хором,
Не видно зги — ни леса, ни полей.
Лишь город, огнеглазый город,
Летел на крыльях фонарей!

Из окон жители со страхом
Зрачки острили, дергая скулой.
Был каждый дом тюрьмой и плахой
С отрубленной от шеи головой.

В те дни у всех глаза блестели,
Костры в тумане искрились, и жуть
Во взглядах пряталась и хмелем
Тяжелым наполнялась грудь.

Никто не знал названий улиц,
Шел наугад — сквозь белые сады.
И грузно в улицах тянулись
Орудий тяжких темные ряды.

Тюрьма белела от испуга,
И дергалась зари сквозная бровь,
Когда затягивалась туго
На шее петля и синела кровь.

Где было поле—лес поднялся,
Где лес стоял—сплошная степь.
Металась буря, ветер мчался,
И Русь летела в темной полосе.

Мы шли --
Разбить,
Мы шли —
Сгореть:
Иль победить,
Иль умереть!

Шел снег,
И желт
Был снег,
Как лист.
Тот день нас вел
И вдаль, и вблизи!

Был штык
Жесток,
И крик

Глубок,
И мгла
Несла,
Сшибая с ног!

Шла Русь,
Вся шла.
И пусть
Несла
Мятель вокруг
Внесенных рук
На мертвые тела!

Мы шли —
Разбить,
Мы шли —
Сгореть:
Иль победить,
Иль умереть!

От моря и до моря вьюги
Вздymали головы, и по лесам.
И по полям, через леса, через лачуги
К зажженным в небе облакам.

В дыму обстреленные дали.
Туманилась высокая звезда.
И весело под вьюгами скакали
Друг через друга наши города!

Трещали крыши и заборы,
Цветные ставни, дерево крылец.
И Русь по пням и косогорам
Горела пламенем сердец.

Качались, приседали крыши,
И луч зеленый над селом
Казался вихрем, обхватившим
Полнеба огненным крылом!

Смотрели гордо Исполкомы
Флажками рдяными вокруг.
Но бой прошел. Затихли громы,
Не стало в поле белых вьюг.

И было так: как будто сроду,
Извечно, испокон веков,
На русских нивах хлебородных
Орлила Власть Советских Городов!

*

ПЕТР ОРЕШИН
НАРОДНЫЙ СКАЗ ¹⁾

1

Взвел курочек,
Опустил, опустил,
Чью-то душу
Загубил, загубил.

Взвел еще раз,
Пуля вьет, пуля рвет.
Ой, не жди сына,
Мамаша, не придет.

С плеч винтовку
На прицел,— не мешай!
Пулеметом
Посыпай, посыпай.

Пулеметом
По дворцам, по дворцам.
Из винтовки
По царевым молодцам.

Красный праздник
Наступил, наступил.
Помолиться
Позабыл, позабыл.

¹⁾ Под тальянку

— Эй, дорогу,
Сторонись, честной народ!
По дороге
Красна гвардия идет.

Музыканты —
Впереди, впереди.
Пулеметы —
Позади, позади.

С нами бог,
Никого не боюсь.
А убил,—
Помолюсь, помолюсь.

Ах, ночь!
Прямо в ночь закатил.
Чью-то душу
Загубил, загубил.

Не шатайся,
Душа, по ночам.
По высоким,
По высоким чердакам!

2

Буржуй-враг
Больно зорек.
Ой, глазочек, мой глазок,
Видит вдоль и поперек!

Войдет в трамвай,
Войдет сядет.
Про родной российский край
Беседу наладит.

Ни хлеба нет,
Ни мира нет.
Банки ходят по рукам,
Вся земляца мужикам.

Пропала Русь.
Загибла Русь.
В храмах божьих пустота,
Русь разбоем занята.

Везде стрельба,
Везде пальба.
Лезут прямо в сундуки,
Открывают погреба.

Хоть бы немцу
Открыть дверцу.
Глядь: родная сторона
И была бы спасена!

Буржуй в шубе
Пугнуть любит.
Смотрим, слушаем, глядим.—
Маху тоже не дадим!

А нет хлеба,
Нам не треба.
Нам бы только налицо
Было наше ружьецо.

Пальнем, убьем,
К попу пойдем.
— Эх!
Помолись, святой отец,
За неладный наш конец!

3

Батя, глянь-ка:
Как никак —
Занимаем особняк.

Из деревни
Во дворец
Едет в гости мой отец.

— Кушай, тятка,
Осетрину.
Повезло родному сыну.

Жили-были
Во хлевах,
Ныне — в мраморных дворцах.

Брось ненужный
Разговор.
Ляг, родимый, на ковер!

Я за письменным
Столom
Напишу письмо пером.

— Мамка,
Тестюшка и сват,
Приезжайте в Петроград

В зипуне,
Хотя и рваном,
Все равно здесь будешь паном.

Встречу вас я
На крыльце,
Во царевом во дворце.

Спи, родимый,
Спи, не бойся.
Лисьим мехом принакройся.

Брось из лыка
Лапотки,
Надень шолковы чулки.

Слушай, батя,
Знай сноровку.
А я вычищу винтовку.

В окнах звезды,
Свету нет.
Завтра выступим чуть свет.

Или — Воля
Голытьбе.
Или — в поле — на столбе!

4

Над буйным градом — Питером,
Шумит могучий дуб.
Скажи, Россия-девица,
Чем молодец не люб?

В осенню ночь холодную
С винтовкой на плечах
Стоит в шинельке серенькой
Молодчик на часах.

Скажи, Нева раздольная,
Куда идешь-течешь?
Скажи, удалый молодец,
Кого ты стережешь?

Ой, мать моя Россиюшка.
Родная, не солгу:
В палатах злого врага —
Царя я стерегу.

Уйдет, — на волю-волюшку
Сготовит новый кнут.
Меня же, буйну голову,
На плаху поведут!

Горит заря-улыбочка
Вокруг небесных губ.
Скажи, о чем шумишь-поешь,
Чудесный зелен-дуб?

Пою я свету белому
Нетронутой листвою:
Нависли тучи грозные
Над матерью-Землей.

Заблещут в тучах молнии,
Ударит грозный гром.
Спалит мою головушку
Туманом и огнем!

Цветет, растет могучий дуб
Над матушкой-Невой.
Стоит под дубом до-свету
Удалый часовой.

*

Я. ШВЕДОВ

* *
* *

„Встала зорька крутоярая
Золотою тучею у яра,
Встребенулась зоренька пожаром.

Пала зоренька в туманы за овсы,
Полям шел Владимир сын Ильин.

Пала зоренька в туманы за ладьи,
По полям он утром ранним проходил,

Загорелся месяц за оврагом,
Шел Владимир сын Ильин в простой сер-
мяге.

От подков каленых тихий перезвон,
Отдавали сосны с елками ему поклон,

Медведи не прятались в берлоги.
Шел Владимир наш нехоженной дорогой.

Он идет, идет подковами звеня,
Поклонился месяц ясный, как родня.

По селам глядел в оконушко,
Утром кланялось родному солнышко,

На болотах отбивал поклоны красноцвет.
Мужики ли выносили на ширинках хлеб,

Выносили в расписной солонке соль,
И еще свою обиду-боль,

Забирал сынок Ильин и хлеб и соль,
Забирал обиду злону-боль,

Хлеб ломал он на краюшки
И глядел мужичье горе по избушкам.

По дорогам расступались коряги
И не рвали серую сермягу.

Опускалась зоренька в туманы за лады.
По полям на зорьке ранней проходил,

По дороге низко кланялись овсы:
„Исполать тебе, Владимир, сын Ильин“.

От месяца пруды, озера заблестели,
Тонули за байраками запевки звонкие слеп-
цов,

И долго струны шустрые звенели
Под пой тревожных комаров.

Подтяните, братцы, левую струну,
Пропоеу ль я вам про старину.

Пой, звени, звонливая струна,
Гой-ты, Русь, родная сторона!

Любо гуселькам золоченым звенеть,
Подпевают сами струны мне.

Разойдусь я песней новой, старина,
Пой на гусельках золоченых, струна!

Пой на домре, мой годок-браток Пузырь,
Подпевай ядреней, поводырь!

Любо гуселькам золоченым звенеть,
Подпевают сами черти мне.

Поднастройте, братцы, музыку мою,
Я про волю вольную спою.

Любо гуселькам кимареным звенеть,
Подпевают золотые струны мне.

Гой, ребятки, мне ль подпойте,
Гой, ребятки, музыку настройте!

Отянулася тяжелая струна,
Подпевай, Васильич, старина!

Гой, да как в поле, да во чистом полюшке
Хоронили там бояре волю волюшку.

Гой, да в рост могилу яму рыли,
Волю вольную песком закрыли,

Бугорок один остался в чистом поле,
Под бугром родная воля.

Гой, да как во поле понавис туман,
Ходит, бродит Волгой Стенька атаман.

Опустились книзу черные казацкие усы,
Гой, удымал Степан Тимохин сын.

Долго Стенька тропками шагал,
В чистом поле волю отыскал.

Гой, вы струны, что вы зарыдали—
У Степана волю вольную отняли,

У Степахи волю вольную отняли,
Глубже в мать-землицу закопали.

А у Лобного палач бродил у плахи,
Отрубил он голову Степахе.

Схоронили Стеньку, где Москвы конец.
Исполать Степан—желанный молодец.

По Руси проплакал не совиный плач,
Пролетел над Яиком Пугач.

Он Пугач ли заступ в руки брал,
Волю вольную сыскал.

Отыскал родную волю Емельян,
Повернулся с боку на бок казенный Степан.

Гой вы струны, что вы зарыдали?
У Емельки волю вольную отняли.

У Емельки волю вольную отняли,
Глубже в землю волю закопали.

Гой, вы струны, что заныли?
Емельяну голову на плахе огрубили.

Володимир сын Ильин тяжелый заступ брал,
Волю вольную в земле искал,

Волю вольную в земле сыскал,
Всем крестьянам волю передал.

Сделал темной почкой, да один.
„Исполать тебе, Владимир сын Ильин!“

От луны скользили тени,
Где-то филин прокричал,
А из струн звонливо выходили поколения,
И знакомый образ Ильича.

В струнах я услышал скрип телеги
И знакомую родную грусть,
Те года, когда татары, печенеги
Нападали на родную Русь.

В темноте мелькнули чьи-то очи,
Много песенных былии услышал я:
Промелькнул Добрыня и Попович
И крестьянский богатырь Илья.

Спели струны про Степана и про кручи,
Разливались звуки звонкие волной.
Я ушел...
Луна—попугчица
Зашагала вслед за мной.

Я ушел в леса рябинные,
Где лишь филии посвистом кричал,
И на насыпи слова былинные
Пелись, пелись про родного Ильича.

Схоронились от луны в лесах седые ели,
Засветил я головни костров,
А в тумане далеко звенели
Голоса певучие слепцов.

*

Владимир ЗАВОДЧИКОВ

СКАЗ О ПАРТИЗАНЕ

Г л а в а п е р в а я

1. ОТЪЕЗД

— Слушай, милый, родной племяш,
Как жил и умер товарищ наш,
Как бросил он дома детей и жену,
Ушел в партизаны, потом на войну.—
Хоть спать и хотелось мне очень в ту ночь,
Но дядю послушать я был не прочь.
Ночь звездная щерила тысячи глаз...
И дядя сурово начал рассказ:
— Старый тулуп стащил с печи,
Плачущей бабе сказал: „Молчи...
Будет... Довольно тебе реветь...
Стыдно, не видя беды, робеть...
Эх, не глядел бы, болит душа“.
Снял со стены, затянул кушак,
Старую шапку надел набекрень
И, постоявши, вышел за дверь.
Думал Кузьма: „Надо ехать к полдням,

Надо кормить и поить коня...
Штаб партизан в тайге далеко,
Семьдесят верст тайгой тайком,
Может, сегодня повесят, как знать?
Вслух рассуждал мужик Кузьма:
„А петли захочет какой дурак?
Конь уж готов, отправляться пора,
А уж потом, что будь не будь...“
— Эй, выходите!—крикнул в избу.
Вышли родимые, всех обнял,
Поцеловался, сел на коня...
Может, увидятся, может, и нет...
Кто угадает в проклятой войне?
Сердце болело лишь за детей:
Может, придется осиротеть.

2. В ТАЙГЕ

Около суток тайгой колесит,
Нет ни души, чтоб дорогу спросить.
Хлынул дождь. Кузьма продрога...
К штабу ж добраться никак не мог.
Ели да сосны—тропы не видать,
В зарослях вязнет. Ехать куда?
Сети из листьев сплела тайга;
Сети опасней живого врага
Сам утомился, устал и конь.
Надо слезать, разводить огонь.
Слез, на веревку коня привязал,
Дождь моросил, но стихала гроза.
Вынул топор, нарубил кустов,—
Десять минут—балаган готов.
Много валежи в таежной глуби,
Мигом готовых дров нарубил.
Сел, словно „князь во зеленый шатер“,
Нет лишь лакеев разжечь костер,
Нет и не надо. Есть две руки,
Места им надо? — Башкой прикинь...
После дождя и дрова не горят,
Сколько ни бился, а бился зря...

...А, догадался, какой дурак,
Было давно догадаться пора.
Шапку, ведь, носит моя башка,
Что б ей сказать, что там много хлопка,
Видно, башка, ну, как есть, пуста.
Срезал подкладку—хлопок достал,
Руки одну о другую потер,
Спичку зажег—загорелся костер.
Прежде, чем суп в котелке варить,
Вынул кисет и решил закурить.

3. В ШТАБЕ

После ночевки бродил три дня,
Сам обессилен, загнал и коня,
Пусто в кисете и сумка пуста,
Волком голодным приехал в штаб.
В штабе вопросы:
— Кто ты таков?
Он отвечает:
— Кузьма Иванов.
— Ну, а сюда ты приехал зачем?
— Не заживает рубец на плече.
— Что за рубец?—Бородач закричал.
— Да подарил мне на днях Колчак...
Ну, да уж прямо скажу—не смолчу:
Я партизанить с вами хочу.

4. О ДРОБОВИКЕ

Дали сначала дрянной дробовик,
Но к нему очень скоро привык.
Все дробовик—партизанская жизнь,
И партизан о нём песню сложил:

Песня про дробовик

Шумел, горел пожар московский,
Там кто-то головой поник,
А партизан поет таежный
Не про пожар—про дробовик.

Стучи, мой дробовик тяжелый,
И белых зайчиков пугай,
За мой заряд в тебя веселый
Ты мне винтовочку подай!
Возьму ее, тебя не брошу,
Тебя возьмет приятель мой,
Пускай твою дрянную ношу
Таскает ктонибудь другой!
Когда же всем винтовки будут,
Тебя заброшу я в тайгу,
Тогда мы грохотать не будем,
А пули в лоб садить врагу!

5. КРАСНАЯ АРМИЯ

С запада двигался красный буран,
Шли пролетарии разных стран —
Русский, китаец, еврей, армянин...
Шли за свободу все, как один.
Весь этот красный, бурливый поток
Гнал Колчака за Амур, на восток.
Много их пало в лихих боях,
Много падет в снеговых краях.
Знают: будет много потерь,
Знают: лучше неволи — смерть.
А партизаны красных ждут,
Бьются, хоть не в силах, и терпят нужду.

6. ПОСЛЕ БОЯ

Полыхнул огонь,
Заклубился дым,
Завывал орудийный гул...
Гарь пороха... вонь...
— Хоть каплю воды,
Помогите... терпеть не могу...
Тяжело...
Не по силам солнце пить,
Кровь ручьится с треснувших губ.
Все сожгло,
Ни травинки в широкой степи,
Как полоску — видать тайгу.

И ходили, плясали круги в глазах...
Партизаны ушли далеко.
Рой пчел стальных перестал визжать,
Одному терпеть нелегко...
Затихла степь, рассеялся дым,
Утих орудийный гул,
Стонал Кузьма:
—Хоть каплю воды,
Помогите...
Терпеть не могу...

Стала синей в сумерках дорога,
Шел отряд дорогою в степи...
Кто-то раненого за плечо потрогал,
Дал красноармеец партизану пить.
Оживила, охладила влага,
Захватили те Кузьму скорей,
Загудела от шагов дорога...
И Кузьме не дали умереть...

Глава вторая

1. РАСПРАВА

Шли, отступали день—другой...
Страшной, лохматой, седой тайгой.
Знали: и здесь их враги сторожат,
Много успело с позором бежать...
Дальше не знали, куда итти,—
Рвали погоны, кокарды в пути...
Но ненавидит врагов тайга,
Рано ли, поздно, а выдаст врага.
Сердце тайги—партизанов стан,
Любит тайга лихих партизан

Стало смеркаться. Недолго шли,
Кто-то скомандовал близко: „Пли!..“
Рявкнуло близко... Резнул свинец.
Все свой кровавый нашли конец...

Некому раненых в госпиталь брать.
Страшно. Ох, страшно живым умирать...

Боязно... Страшно...
И скажешь:
„Ну, что ж,
Помним долги. Получайте платеж!..“

2. ПЛАКАТ

Так пал Колчак... Сибирский трон...
Но есть охотники до трона.
Орал плакат:
В Крыму барон!..
Товарищи!
Добьем барона!..
Злость — кипяток у Кузьмы в груди:
— Подлый барончик... Добра не жди...

3. ПРОВОДЫ КУЗЬМЫ НА ФРОНТ

Уезжал на фронт
Кузьма Иванов,
Деревенский мужик — партизан.
На вокзале звенел
Второй звонок.
Запыхавшись людьми вокзал.
Красной лентой
Вагоны
Повытянулись,
Паровоз спереди — кайма.
Как свинцовый сплав,
Облака плыли,
Силясь солнце в сеть поймать.
Провожали Кузьму
На советский фронт.
На платформе жена и дочь,
Как повесил им кто
На глаза полотно.
В сердце слезная, темная ночь.
Ударил сторож три звонка.
Быстро маятник сердца стучал...
Лишь сказал родным:
— Ну, прощайте пока...—
И поезд Кузьму умчал.

4. В БОЮ

Гулко лаяли пушки
И плавал дым,
Лебезил пулемет-трескун.
Иванов сказал:
— Тот лишь непобедим,
Кто готов, кто стоит на чеку!
И когда огнем
Стальная пчела
Полыснула мужичью грудь,
Иванов прошептал:
„Жил как вол вчера,
Человеком сегодня умру“.
И, когда умирал,
Спокоен был,
Хоть клубилась багровая жуть,
Не страшился бессмысленной тьмы могил.
У детей его светел путь.
Не впервые им
От отцов сиротеть,
Но не гнуть им
К земле головы!..
После боя казалась
Испуганной степь,
Перестал шуршать ковыль.

ЭПИЛОГ

Тут дядюшка кончил и замолчал.
Светало. Вот первый петух прокричал.
А вслед ему крикнул другой петух.
Заря полыхнула, трубил пастух.
И выросла в солнце зари полоса,—
Стеклом заблестела от солнца роса.

*

ПЕСНЬ О ВЕЛИКОМ ПОХОДЕ

Эй вы, встречные,
Поперечные,
Тараканы, сверчки
Запечные!
Не народ, а дрохва
Подбитая;
Русь нечесаная,
Русь немытая!
Вы послушайте
Новый вольный сказ,
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было;
А второй—про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив, и смел;
Был мастак слагать
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.

.

Через двести лет,
В снеговой Октябрь.
Затряслась Нева,
Подымая рябь.
Утром встал народ
И на бурю глядь:
На столбах висит
Сволочная знать
Ай, да славный люд!
Ай, да Питер-град!
Но с чего же там
Пушки бьют, палят?

Бьют за городом,
Бьют из-за моря.
Понимай, как хошь,
Ты, душа моя.
Много в эти дни
Совершилось дел.
Я пою о них,
Как спознать сумел.
Веселись, душа
Молодецкая!
Нынче наша власть,
Власть Советская.
Офицерика
Да голубчика
Прикокошили
Вчера в Губчека.
„Ни за Троцкого,
Ни за Ленина,
За донского казака,
За Каледина“.
Гаркнул „Яблочко“
Молодой матрос:
„Мы не так еще
Подотрем вам нос!“

А за Явором,
Под Украйною,
Услыхали мужики
Весть печальную.
Власть Советская
Им очень нравится,
Да идут войска
С ней расправиться;
В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.
А на помог им,
Как лихих волчат,
Из Сибири шлет отряды
Адмирал Колчак.

Ах, рыбки мои,
Мелки косточки!
Вы крестьянские ребята,
Подросточки!
Ни ногой вас не взять,
Ни рязанами.
Вы гольём пошли гулять
С партизанами.
Красной армии штыки
В поле светятся.
Здесь отец с сыном
Могут встретиться.
За один удел
Бьется эта рать,
Чтоб владеть землей
Да весь век пахать.
Чтоб шумела рожь
И овес звенел.
Чтобы каждый калачи
С пирогами ел.

Ну, и как же тут злобу
Не вынашивать?
На Дону теперь поют
Не по-нашему.
„Пароход идет
Мимо пристани,
Будем рыбу кормить
Коммунистами“.
А у нас для них поют:
„Куда ты котишься?
В Вечека попадешь,—
Не воротись“.

От одной беды
Целых три растут.
Вдруг над Питером
Слышен новый гуд.
Не поймет никто,
Отколь гуд идет:
„Ты не смей дремать,

Трудовой народ,
Как под Питером
Рать Юденича!
Что же делать нам
Всем теперича?
И оттуда бьют,
И отсель палят.
Ой ты, бедный люд,
Ой ты, Питер-град!

Но при всякой беде
Веет новью вал.
Кто ж не вспомнит теперь
Речь Зиновьева?
Дождик лил тогда
В три погибели.
На корню дожди
Озимь выбили.
И на этот год
Не шумела рожь.
То не жизнь была,
А в печенки нож.
А Зиновьев всем
Вел такую речь:
„Братья, лучше нам
Здесь костями полечь,
Чем отдать врагу
Вольный Питер-град
И итти опять
В кабалу назад“.

А за синим Доном
Станицы казачьей,
В это время волк ехидный
По-кукушьи плачет.
Говорит Корнилов
Казакам поречным:
„Угостите партизанов
Вишеньем картечным.
С Красной армией Деникин
Справится, я знаю.

Расстелились наши пики
С Дону до Дунаю“.

✓ Ой, ты, атамане!
Не вожак, а соцкий,
А на что-ж у коммунаров
Есть товарищ Троцкий?
Он без слезной речи
И лихого звона
Обещал коней нам наших
Напоить из Дона.
Вей сильнее и крепче,
Ветер синь-студеный,—
С нами храбрый Ворошилов,
Удалой Буденный.

Если крепче жмут,
То сильнее орёшь.
Мужику одно:—
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина—
В сотни верст легла
Прямо вник она.
Над такой бедой
В стане белых ржут,
Валят сельский скот
И под водку жрут.
Мнут крестьянских жен,
Девоч лапают.
„Так и надо вам,
Сиволапые.
Ты, мужик, прохвост!
Сволочь, бестия!
Отплати-кось нам
За поместья.
Отплати за то,
Что ты вешал знать...
Эй, в кнуты их всех,
Растакую мать!“.

Ой, ты, синяя сирень,
Голубой палисад!
На родимой стороне
Никто жить не рад.
Опустели огороды,
Хаты брошены.
Заливные луга
Не покосены.
И примят овес,
И прибита рожь.—
Где ж теперь, мужик,
Ты приют найдешь?

Но сильнее всего
Те встревожены,
Что ночью не спят
В куртках кожаных.
Кто за бедный люд
Жить и сгибнуть рад.
Кто не хочет сдать
Вольный Питер-град.

Там, под Лиговом,
Страшный бой кипит;
Питер траурный
Без огней, не спит.
Миг, и вот сейчас
Враг проломит все,
И прощай мечта
Городов и сел...
Пот и кровь струит
С лиц встревоженных.
Бьют и бьют людей
В куртках кожаных.
Как снопы, лежат
Трупы по полю;
Кони в страхе ржут,
В страхе топают.
Но напор от нас
Все сильнее, сильнее.
Бьются восемь дней,

Бьются девять дней,
На десятый день
Не сдержался враг...
И пошел чесать
По кустам в овраг.
Наши в зад им — „крой!“
Пушки бьют, палят...
Ай, да славный люд!
Ай, да Питер-град!

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.
Бедный люд в Москву
Босиком бежит;
И от стога, и от рева
Вся земля дрожит.
Ищут хлеба они,
Просят милости.
Ну, и как же злобной воле
Тут не вырасти?
У околицы
Гуляй-полевой
Собиралися
Буйны головы.
Да как стали жечь,
Как давай палить,
У Деникина
Аж живот болит.

Эх, песня,
Песня,
Есть ли что на свете
Чудесней?
Хоть под гусли тебя пой,
Хоть под тальяночку.
Не дадите ли вы мне,
Хлопцы,
Еще баночку?

Ах, яблочко
Цвета милого!
Бьют Деникина.
Бьют Корнилова.
Цветочек мой,
Цветик маковый!
Ты скорей, адмирал,
Отколचाкивай!
Там, за степью, гул,
Там, за степью, гром.
Каждый в битве защищает
Свой отцовский дом.
Курток кожаных
Под Донцом не счесть.
Видно, много в Петрограде
Этой масти есть.

В белом стане вопль,
В белом стане стон.
Обступает наша рать
Их со всех сторон.
В белом стане крик,
В белом стане бред.
Как пожар, стоит
Золотой рассвет.
И во всех кабаках
Огни светятся..
Завтра многие друг с другом
Уж не встретятся.
И все пьют за царя,
За святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть.

В красном стане храп,
В красном стане смрад.
Вонь портяночная
От сапог солдат.
Завтра, еле свет,
Нужно снова в бой.
Спи, корявый мой!

Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

На заре, заре,
В дождевой крутень,
Свистом ядерным
Мы встречаем день.
Подымая вверх,
Как тоску, глаза,
В куртке кожаной
Коммунар сказал:
„Братья, если здесь
Одолеют нас,
То октябрьский свет
Навсегда погас.
Будет крыть нас кнут,
Будет крыть нас плеть;
Всем весь век тогда
В нищете корпеть“.
С горьким гневом рук,
Утерев слезу,
Ротный наш с тех слов
Сапоги разул.
Громко кашлянув,
„На,—сказал он мне,—
Дома нет сапог,
Передай жене“.

На заре, на заре,
В дождевой крутень,
Свистом ядерным
Мы сушили день.
Пуля входит в грудь,
Как пчелы ужал.
Наш отряд тогда
Впереди бежал.
За лощиной пруд,
А за прудом лог;

Коммунар ничком
В землю носом лег.
Мы вперед, вперед!
Враг назад, назад!..
Мертвецы пусть так
Под дождем лежат.
Спите, храбрые,
С отзвучавшим ртом.
Мы придем вас всех
Хоронить потом.

Вот и кончен бой.
Машет красный флаг.
Не жалея пят,
Удирает враг.
Удивленный тем,
Что остался цел,
Молча ротный наш
Сапоги надел.
И сказал: „Жене
Сапоги не враз.
Я их сам теперь
Износить горазд“.

Вот и кончен бой.
Тот, кто жив, тот рад.
Ай, да вольный люд!
Ай, да Питер-град!
От полуночи
До синя утра
Над Невой твоей
Бродит тень Петра,
Бродит тень Петра,
Грозно хмурится
На кумачный цвет
В наших улицах.
В берег бьет вода
Пенной индევью...
Корабли плывут
Будто в Индию.

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПЕСНЯ ДЕДА СОФРОНА

Ты играй, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, иду, я все иду,
Я все иду,
По дорожкам, по проселочкам плетусь,
Плетусь, плетусь...
Приюти меня, прими, родная Русь,
Родная Русь!
Побреду я от деревни до села,
И до села,
Зазвоню я, дед, во все колокола,
Колокола.
Ой, ты медь, ты медь певучая, гуди.
Гуди, гуди.
Всю Рассеюшку набатом разбуди,
Да разбуди.
Как я гряну во все сорок сороков,
Да сороков,—
Как я кликну на Москве всех батраков,
Всех батраков:
Гей, ты черный люд, рабочий, трудовой,
Люд трудовой,
Встань за вольную отчизну головой,
Встань головой!
Лютый ворог стал ногой в родной земле,
В родной земле!
Гей, не быть — не быть нам, братцы, в ка-
бале,
Да в кабале!
Не потерпим вновь татарской злой поры,
Лихой поры!
Гей, точите-ко вы, братцы, топоры,
Да топоры!
И чтоб вышли ваши косы все остры.
Да все остры.—
Чтоб готовы были вы зажечь костры,
Зажечь костры,

И по первой по тревоге боевой,
Да боевой,
Заградить себя стеною огневой,
Да огневой.
То-то вороги заскачут! Их-ха-ха!
И эх-ха-ха!
Как мы красного им пустим петуха,
Да петуха.
Гей, ты Русь, ты Русь родная, вольный
край,
Наш вольный край,
Боевую свою силушку собирай,
Да собирай!

Ты дуди, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, проселками иду,
Иду, иду..
Ге-ей!! .

* * *

С О В Е Т С К А Я Д Е Р Е В Н Я

М. ГЕРАСИМОВ

ИЗ ПОЭМЫ „ОКТЯБРЬ“

Октябрь постучал в околицу,
На крыльях принес весну,
А рига склоненная молится,
Не видит—огонь блеснул.

Схватил за нечесаны волосы,
Мотнулась ее голова,
И крикнул он зычным голосом:
Соломенная, вставай!

Довольно к поповым подметкам!
Весна в октябре расцвела...
И голос, властный и четкий,
Звенит по соломе села.

Довольно биться кликушей
О барское крыльцо,
Плеснуло солнце в души
И слезное лицо.

Рыданья под сугробами
Цветами проросли,
И зерна звезд мы торбами
Рассеем в новь земли.

Мы огненными косами
Надреем снежный дым,
Чтоб прорастали розами
Мужицкие следы.

*

Н. КЛЮЕВ

* * *

„Безответным рабом
Я в могилу сойду,
Под сосновым крестом
Свою долю найду“.

Эту песню певал
Мой страдалец отец
И в наследство отдал
Допевать мне конец.

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит.

Не безгласным рабом,
Проклиная житье,
А свободным орлом
Допою я ее.

*

П. ДРУЖИНИН

ПО РОДНЫМ ДЕРЕВУШКАМ

По родным деревушкам и селам,
По распаханным пажитям нив
Я иду, молодой и веселый,
Славя каждую былку и пни.

На ногах шерстяные онучи,
Подорожная пыль на лаптях,
И поют мне зеленые кручи,
Улыбается травка в кустах.

Заливаются звонкие птицы,
Манит путника каждый долок,
И играет в посконной рубахе
Шаловливо степной ветерок.

Из кудрявого смольного бора
Мне навстречу—малиновый звон...
А вдали громыхающий город
Расколол заревой небосклон.

В синем куполе звезды далече
Зажигает вселенная-мать,
И курит благовонием вечер,
И дымится за мельницей гать...

И иду я, большой и веселый,
Сердцем радостным радость хваля,
По родным деревушкам и селам,
Потонувшим в лохматых полях...

Ветром—полем обветренный дымно,
С ясным взором степями иду
И пою благодарные гимны
Избавителю мира—Труду.

*

А. ДОРОГОЙЧЕНКО

ИНАЯ ДЕРЕВНЯ

Иную вижу я деревню,
Она моим глазам дана—
Там
Гуд самопрялочного цевня,
Унывный стон веретена
Загромлен рокотом динам.
Бушуют шумные турбины,
От них сгущенный льется свет,
Прямятся согнутые спины.
Весь залит светом волсовет.
А свет—

И в избы и на сени
С напряженьем энных сил.
Недаром же товарищ Ленин
Мечту лелеял и носил.
Он говорил:
— Все переменится,
Пройдут недолгие года.
И вот—
Ко деревенской мельнице
Идут прямые провода.
Включи—
И ходкая лебедка
Корчует вековые пни.
Электроплуг глубоко, четко
Переворачивает гниль,
А молотилка все-то лето
Гудет:
Давай снопы-ы-ы...
Снопы дава-а-ай...
И через центр деревни этой
Идет из города трамвай.

*

Ф. ШКУЛЕВ

ЗДРАВСТВУЙ, РУСЬ

Пробудилась Русь сермяжная,
Алой вспыхнула зарей,
Оживились степи влажные,
Блещут радостной красой.

Полилися песни звонкие
Краше солнца по полям,
Заиграли косы тонкие
По ликующим лугам.

Люди бодры, грудь открытая,
Взоры, трепеты лучей,
По лугам скотина сытая..
Нет проклятых палачей.

Чорт-исправник с тройкой бешеной
Не спихнет телегу в рожь,
Счастьем родина утешена,
Мир стал волен и хорош.

Позажили раны гнойные,
Распрямилися горбы,
Люди—граждане достойные,
А не жалкие рабы.

В хатах сытая, довольная,
Веселится детвора..
Здравствуй, Русь родная, вольная,
С чашей полною добра.

*

С. ФОМИН

В ДЕРЕВНЕ

По ухабам еду ночью я в телеге.
Крикнул в тьму—сорвал с души своей запрет,
Лес червонцами осыпал в тряском беге,
Эхо дрогнуло и ухнуло в ответ.

Наяву, а будто длинный сон я вижу,
Вспоминаю лета солнечные дни..
— Эй, кати быстрее, клячонка, где поближе,
От деревни до деревни, на огни!..

Как тих закат и как дремотно
Заколыхались в поле ржи.
Иду один я беззаботно
Тропинкой узкой вдоль межи.

С цветущих лип пахнуло медом,
Вокруг свежо и зелено.
Срываю колос мимоходом,
Вкушаю спелое зерно.

Вот старая родная хата,
В кругу берез заросший пруд.
На купырях, в лучах заката,
Золотострунный тихий гуд.

Отец бьет косы у сарая.
Турлычит за лесом рожок.
Не надо мне иного рая,
Чем этот мирный уголок!

И опять ущелье... Вижу: бисер звездный
Разметала рокотливая река.
Ах, я знаю этот путь... Над вечной бездной,
Рано ль, поздно ли, сомкнутся берега!

Но всегда мила мне глушь родного края:
Расцветет рассвет—павлиний сизый хвост,—
Побреду с отцом я к риге и сараю,
Зазвенит былиной дедовский погост!

*

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

ДЕРЕВНЯ

Две жизни в холодной избе,
Два сердца—родных и враждебных,
Одно закалилось в борьбе,
Другое прогнило в молебнах.

Одно и под снегом живет
И бьется так сильно и звонко,
Другое, немое, как лед,
Изглодано злой самогонкой...

А ветер в осевших снегах
Поет о просторе знакомом
И треплет развернутый флаг
Над волостным исполкомом.

Все те же ветлы сучья клонят,
Но зимний день уже не тот,
Собачий лай в метельном звоне
Тоскою душу не зальет...

И пусть в глазах сухих и строгих
Еще не выветрилась муть,
Распятый на глухих дорогах,
Ты солнечный увидел путь...

И пусть в избе заиндевелой
Услышишь ропот старика,
Ты не расквесишь, что сделал
Народный Дом из кабака...

Пусть хлеб замешен на соломе,
Пусть лапоть вместо сапога,
Но никогда уже не сломит
Твою настойчивость пурга...

И никогда в метельном звоне,
Среди овьюженных коряг
Твои ладони не уронят
Завоеваний Октября...

И. ДОРОНИН

СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

Деревня по-над лесом
Лесной листвою хмельна,
Полесьевым навесом
Прикрылася она.

Рябина у окошек,
У каждого двора,—
Рябинушке хорошей
Гореть уже пора.

И сочная рябина
На смуглое плечо
У каждого овина
Плескает кумачом.

Смеются в маках бабы,
А маку краю нет...
Ах, если бы да кабы
Мне выпить маков цвет.

Ах, если бы да кабы
Обнять цветную ширь...
Ой, хороши вы, бабы,
Молодки, хороши.

Селища коноплисты,
Коноплевы селища.
Поют про коммунистов
Детишки в коноплицах.

Советы... Исполкомы...
Страна, моя страна,
Везде, везде знакомые,
Родные имена.

В частушках мудрый Ленин,
В частушках... вот те на...
Пришла в мужичьи сени
Рабочая весна.

Сады, сады... Сады, сады..
Бреду от сада к саду..
Куда-куды, куда-куды
Девать мою мне радость?

Шатаюсь, как пьяный, я,
Как будто ночь не спал..
Попал, попал в бурьяны я,
Нечаянно попал.

Егорыч у канавы.
— Здорово, старина!
— А... Ваня, Ваня!.. Право,
Тебя и не узнать...

Давишенько не заглядывал —
В деревне, знать, хуже?..
А Дунюшку-то Лядову
Мы выдали уже.

И матку схоронили..
Ну, что же... не горюй..
— Вы мне, Егорыч, снились, —
Ему я говорю.

Я вами бредил, вами,
Скучал я по лесам,
Я вашими словами
Звенел по корпусам...

Задумался крестьянин..
Ну, что я, что сказал..
У липы, на поляне
Качнулася лоза.

Запахло самогоном —
Молчим со стариком..
И вдруг... в лицо с прогона
Пахнуло ветерком.

Бежит, бежит веселый,
Задорный Комсомол,
Несет от Комсомола
Гудящим духом смол.

— Егорыч, это что же,
Дубиной те с плеча...
Да разве так-то гоже
Гостей-то привечать?

Дурак ты, што ль, набитый,
В башке аль мозгу нет —
Да это знаменитый
Наш, слободской поэт.

Качать его, ребята,
Качать его, качать!..
Над выгоном кудлатым
Кудлатые кричат.

И я кричу, кричу я,
Топчу я лопухи:
— Ребятуськи, хочу я
Вам прочитать стихи.

— Читай, читай, Ванюха,
Послушаем... даешь...
И вот у тына глухо:
Затихла молодежь.

Читаю я, читаю...
Да это не во сне ль?..
Глаза ребячьи тают,
Как льдинки по весне.

Горю, горю я рьяно,
Себя забыл я сам...
Глаза ребячьи тянут
К гуляющим овсам.

А там опять просторы
И рдеют и цветут...
Ой, поскорей бы, Город,
Ты поселился тут...

.
.

О, ширь ты, ширь степная,
Советская равнина,
Куда ни глянь: хмельная
Качается калина.

Куда ни глянь: раздольем
Роняет ветер лист,—
Лесное комсомолье
Лесами гонит свист.

*

СЕРГЕИ ГОРОДЕЦКИЙ

ДЕРЕВЕНСКАЯ КОММУНА

Чудеса по небу лазали,
Да спустились, видно, на землю:
Из замшелой, темной, рваненькой
Деревеньки, вечно пьяненькой,
Вышла трезвая, тесовая,
Как зеленый бор, здоровая,
Веселая, живая
Коммуна трудовая.
Дети чистеньки да мытеньки,
Распричесаны волосья.
Аржаные правят митинги
Толстозерные колосья.
Зацвела гречиха розово,
Вдоль опушки, вдоль березовой
Две задорные кобылки
Тащат деда на косилке —
В первый раз.
На машине глаз да глаз:
Тут нажми, а там подтыкни,

Ну да нечего, привыкнет,
Хоть и стар,
А, ведь, крепкий коммунар.
В братской кухне бабы хлеба
Напекли.
За окошком, мимо неба,
Пчелы меду принесли.
Ведро, полное удою,
Девки к погребу тащат.
Кузни дятлами трещат.
Машет мельница руками
Восемью:
Все за нами, все за нами
В нашу красную семью!
А над борами поодаль,
Обдуваем ветерком,
Поп на облаке верхом
Проплывает, старый лодырь.
Весь тревогой злобной вз'ершен.
С виду пугала смешней,
Ищет взорами, как коршун,
Деревеньку потемней,
Где б свечами да водицей
Можно было торговать,
Нашу совесть воровать.
Хоть летай по небу птицей,
Хоть рыщи по лесу зверем,
Не поверим
Ни иконе, ни тебе.
К новой огненной судьбе
Мы взлетаем. Шире груди!
Раздышитесь вольно люди.
Счастья много.
С топорами, с молотками
Все за нами
Красною дорогой!

*

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ

Обновилась деревня,
Позабыт проклятый строй:
Как дрожал и млад и древний
Перед словом — „становой“.

Омрачались будни, праздник,
Детвора пускалась в плач,
Коль появится урядник
С наглой рожей, как палач.

Даже бедные телушки
При приходе старшины
Забивались в клетушки,
Страх-ужаса полны...

Черных дней как не бывало,
Расцвелися поля,
В дни весны под дымкой алой
Дышит радостно земля.

По лугам родного края
Вольно ходит тучный скот,
Пышный колос наливая,
Рожь смеется и поет.

Льются песни над полями,
В сердце радостно, светло,
В осень гордыми скирдами
Опоясано село.

В службу красную, как прежде,
Сына мать с слезой не шлет,
И не хмурит с грустью вежды,
Что муж пьяненький побьет.

В хате сытые ребята,
Дочь-красавица цветет,
Даже дедушка горбатый
Тихо песенки поет.

В зимний вечер посиделки
Почитаются за стыд,
А по хатам не коптелки —
Электричество блестит.

Молодежь идет в читальню,
Там картины, груды книг,
В них познание, как хрустальный
Счастья зиждется родник.

✱

Г. ДЕЕВ-ХОМЯКОВСКИЙ

КРЕСТЬЯНСКИЙ МАРШ

Полно вам убаюкивать спящих,
Заалелася зорька давно.
Остановитесь, кто верит в трудящих,
Старину нам сломать суждено.

Припев: Месяц ночью,
Солнце днем,—
С красным знаменем идем.

Долго нас продавали тиранам,
Убаюкивал поп и купец,
И, как скот, загоняли к дворянам;
Под кнутом умер дед и отец.

Припев.

Пробежали века паразитов;
Сгибло много рабочих, крестьян;
Были хаты у нас непокрыты,
В доме, в поле был всюду из'ян.

Припев.

Но взошло теперь новое солнце
Над великой крестьянской страной;
Смело глянуло к нам под оконце
И зазвенело могучей весной.

Припев.

Гордо высится красное знамя
Над скирдами в родимых полях,
И свободы могучее пламя
Озарило у нас в деревнях.

Припев.

Будем строить мы новое зданье
Без кнутов и нагаек труду;
Все окончились наши страданья.
Паразитов погоним к суду.

Месяц ночью,
Солище днем,—
С красным знаменем идем.

*

Н. ПОЛЕТАЕВ

* * *

Перевешу сапоги на плечи,
Положу в котомку сухарей
И пойду от раскаленной печи
В беспредельную тоску полей.

Синева и зелень не задушат
Задымленного в огне печей,
Я иду не бор зеленый слушать,
Не звенящий в сумраке ручей.

Я пойду в немытую деревню,
Я пойду к забытому отцу —
Не скулить, не каяться плачевно,
Не кадить корявому лицу.

Я грозой спалю мою деревню,
Я дождем смету тоску с полей,
Чтоб победней, веселей, напевней
Засверкал и зазвенел ручей.

Чтоб в глаза покорные коровьи
Бросил он серебряную дрожь,
Чтоб пожаром вспыхнула на нови
Золотом бушующая рожь.

Чтоб на месте земляных конурок
Солнечные вздыбились дома,
Чтобы, сбросив бабий плат понурый,
Солнцем захлебнулась синева.

*

В. НАСЕДКИН

У Л И Ц А

Избы в сонной паутине
Спят, ресниц не шевеля.
С поля веет ветер синий
Сладким соком ковыля.

Лунный свет и пьян и смутен,
Словно желтый самогон.
Льют лады в ночную сутемь
Песню-трель о дорогом...

Эти песни, эти трели
Голосами на рассвет
В наших селах зазвенели,
Как довольной жизни след.

Слышу в них, как снова едем,
Золотую меря гладь.
Если край сегодня беден —
Завтра края не узнать.

Кружат пляски, визг и крики,
Молодую кружат вязь.
Даже месяц медноликий
Расплывается, смеясь.

Даже темным старым ветлам
Вдоль приникших берегов
Снится радостный и теплый
Край, не знающий снегов.

Ну, и мне приснилось ныне
Под задорный звон и гам:
Будто еду по равнине,
По нескошенным лугам.

Будто еду, где — не знаю.
Только радость так светла,
Что ору, как дети в мае,
На елани у села.

А проснулся — тихо. Брезжит.
Где-то — слышно — говорят.
С поля веет ветер свежий.
Петухи. Рассвет. Заря.

*

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

ДЕДОВА ПАХОТА

Бел туман спадает с выси,
На селе кричат грачи;
В седины его впелися
Солица раннего лучи!

Коня ивенкой сухою
Понукает он порой...
Славны думы за сохою!
Светлы очи пред зарей.

Запахал дед озимое,
Поясной поклон сложил,
Обошел кругом с сумою,
Хлебной крошкой обсорил.

За день дед не сел у пашни.
Распрявился и окреп...
Тепел вечер был вчерашний,
Мягок будет черный хлеб.

Не с того ли, яровая
В поле скатерть за селом...
Будет всем по короваю!
Всем по чарке за столом!..

*

ИВАН ДОРОНИН

УТРО В ХАТЕ

На печи, в углу,
За кирпичем
Собрались на митинг
Тараканы,
На стене
Картина с Ильичем,
Под божницею —
Угодник драный.

За столом
Седая голова,
Как сноп гречишный,
Роняет зернами слова
Чуть слышно.

На задней лавке
Прялка с донцем,
Обняли друга по труду,
Куделю.
А с улицы
В раскрытое оконце
Бабочки солнечные налетели.

А с улицы
Пахнуло ветерком,
А с улицы
Ворвалось:
Ти-ли-ли...

Заходило солнце челноком,
На душе
Лужайки зацвели.
А перед печью,
Где угольков рыжики,
Ребятишки,
Словно чижики,
Про коммуну щебечут.

Даже Васька-кот
И тот,
Золотистую разрыв солому,
Улыбнулся утру голубому.

Здравствуй, утро,
Здравствуй, Май,
Здравствуй, зелень вешняя.
В месяц май
Не вспоминай
Думушки давнишние!

Ну и пусть
Настанет вечер,
День свечою догорит,—
Ноши,
Ноши просят плечи!
Силу труд не уморит!

*

С. ОБРАДОВИЧ

ИЗБА

Веками сон, сугробный, потный, древний,
С мятелями под свист сверчка;
Тоска над смутною судьбой деревни,
Проселочная тоска.

Молчит изба. Подслеповатым оком
Насупилась, натужив слух,
Запахиваясь глубоко
В заиндевелый полушубок вьюг.

Застрех седые сдвинутые брови
Тревожно и тяжело нависли;
И тяжелы и долги, как долог взор коровий,
Ее соломенные мысли.

Сугулится и чутким краем крыши
Подслушивает сквозь вьюжный пляс,
Как за полями грузно город дышит,
Как близится железный лязг;

Подглядывает, как по губернским трактам
Чугунной поступью колес
К селу шагает, громыхая, трактор,
Звенит цепями грузовоз.

Гул вьюжный все настойчивей, суровой,
И вдруг—повеяло голубой весной:
В полях воли стальные наготове,
И ждет жена покорною женой;

И так по вешнему пахуч бензин;
На шумный клуб дед променял полати,
Ушел, ушел от воркотни лучин,
С глазастым солнцем сел в соседней хате.

И над бревенчатую дремою,
Избы былинный сон прервав,
Повис поюще струною
Неугомонный телеграф.

Стара!.. Еще не верит, и в неверьи,
В раздумьи клонит седину:
— Какой дорогою, в какие двери
Встречать невиданную Весну?..

И так, вздыхая, видит долгим взором,
Как, натянув узду, в огне
К ней скачет топами и косогором
Гранитный на стальном коне...

*

ПЕСНЯ О ЖЕЛЕЗНОМ МЕРИНЕ

Ну, тащись, Пегашка,
Пашней-полосой.
Кончится запашка,
Отведу домой.

Что-то, брат, ты мелко
Нынче стал пахать,
Надо б в переделку
Мне тебя отдать.

Переделать спину,
Брюхо на котел...
Экую машину
Я б тогда завел.

Там уж не четыре
Были бы ноги:
Шестеренки три,
Ну и... рычаги.

Мы бы не устали
Целый день, мой конь,
Был бы ты из стали,
А в нутре—огонь.

Дал бы керосину.
Свистнул и помчал,—
С сотню б, десятину
Не одну б вспахал.

Я б тебе копышню
Чистую б завел.
Ты на ней послушно
Ночку всю провел.

А теперь ночное:
Бегай за тобой
В лес... и все такое—
Ты, ведь, брат, шальной.

.
.

А уж там, конечно,
Спрятали б под спуд
Вечный наш, заплечный,
Всероссийский кнут.

Ну, шагай, Пегашка,
Прибавляй-ка ход!
Кончится запашка—
Прямо на завод.

*

И. ДОРОНИН

НА ПОКОСЕ

Только зорька занялася—
Выехали в поле мы,
Переехали лесочек,
Речку переехали.

Миновали пустыри,
Горки миновали;
Тут сказал Ерема:— Ну,
Эта не трава ли?—

В самом деле, по траве
Не протацишь вилы.
Бору в пору устоять
Против этой силы.

Почернел зеленый луг
Тучей грозовою.
Не проехать, не пройти
Луговой травой.

.
.

На лугу, лугу, лугу
Потерял мужик дугу,
Дуга точеная,
Позолоченая.

.
.

В лог широкий стали. Та ли
Стала наша Пегая?
Те ли мы, и та ли кровь
В жилах наших бегаёт?

Наточили косы. С плеч
Сбросили рубашки.
Зашептались у меж
С полыном ромашки.

Зашатались осоки,
Наклонились косо.
Косы в росы. На прокосы
Брызжут косы росы.

В небе перепел звенит,
Сыч кричит у речки.
Ветер стебли на рядах
Засучил в колечки.

Косим, косим. На пригорке
Показалось солнце.
Золотые косы ленцем
Перевило солнце.

Сходит солнце на долину
Под кудрявую рябину.

Будто стало солнце наше
Комсомолкою Дуняшей.

.....
.....
Косим, косим. Дядя Осип
Под обед приедет.
С ним и Дуня. Бойкой Дуней
Мое сердце бредит.

Слышь, Ерема, Еремей,
Полюбил я Дуню.
С Дуней шел из волсовета
Ржами в полнолуние.

Говорила Дуня:—Колька,
На рабфак поеду,—
Эх, Ерема, счастья сколько
С Дуней за беседой.

Эх, Ерема, не забудешь
Душеньку-Дуняшу...
Не запамätуешь скоро
Эту ночку нашу...

.....
.....
Косим, косим. Солнце просим
Подойти помочь нам.
Солнце медлит, медлит солнце,
Медлит, как нарочно.

Косим, косим, двое косим,
Кончить надо срочно.
Много дела этим летом
В луговинах сочных.

В луговинах, на низинах,
На болотах точно.
Косим, косим. Солнце просим
Подойти помочь нам.

.....
.....

Вот и солнце на покосе,
С нами сено солнце носит,
Гонит шорох сенный в уши,
Солнце сено сушит.

Солнце сеном шебуршит,
Уходить и не спешит,
Будто солнце на лугу
Заночует на стогу.

Заночует солнце с нами
Под зелеными соснами.

Будто стало солнце наше
Комсомолкою Дуняшей.

.
.
Косим, косим. Завтра только,
Чуть займется зорька,
Переедем мы лесочек,
Речку переедем.

Пустыри минуем, горки
Серые минуем.
Тут Ерема скажет:—Ну,
Запоем родную.

.
.
На лугу, лугу, лугу
Потерял мужик дугу.
Дуга точеная,
Позолоченая.

*

Я. ШВЕДОВ

П О Л Е В О Е

Дожинала Арина полоску...
Пот стирала концами платка,
Родила у крестца, у березок,
Крикунка — синеглазку сынка.
„Спи, усни, мой хороший сыночек,

Спи, родимый, хороший сынок,
Истиранил меня василечек,
Дожинать надо целый платок".
Уколовшись за межки-загнетки,
Принимался ребенок звенеть,
Приходили с дожинок соседки
Паренька-криунка поглядеть.
Серп звенел отзубаченным жалом,
Поджидали соседки отца.
А Арина, ворча, дожинала
Всю полоску—платок до конца.
В поле рысью лошадушка пегая,
С перебранкой лихой бормотка...
Принимал отец на телегу
От соседок визгушку-сынка.

*

ПАВЕЛ РАДИМОВ

П А Ш Н Я

Гром прогремел стороною, лягушки в пруду раскричались.
Крупный, как белый горох, дождь застучал по траве.
Дальний порядок села занавесился частою сеткой.
Миг,—и ушло на поля облако дымом седым.
Снова разведрился день, и сверкает зеленой щетиной
С красною былкой в корню озимей пестрый ковер.
— Быть урожаю! — решили тогда же в беседе на бревнах
В голос один мужики — время с сохой поспешить.
Утром, чуть-чуть жаворонок запел над полынной межою
И, трепыхаясь, в зенит выше и выше пошел,
Поле пестрело народом: шагая прямой бороздою,
Пахарь за лошадью шел, звякал палицей в сошник.
Рядом, лукошко с овсом перекинув на ленте суровой,
Сеятель в землю бросал горстью наотмашь зерно.
Возле телег молчаливо собаки дремали и лаем
Не нарушали почин важного сельского дня.
Только грачи из ночевки, с церковных берез подымаясь,
Крякали в небе пустом, после за пахарем шли.
Следом за ними стрижи прилетели, и долго их стая,

Воздух пронзая крылом, реяла на вышине.
Знать, и они захотели почтить земледельца работу,
Ревностный пахаря труд, дело святое земли.

*

ПАВЕЛ РАДИМОВ

МОЛОТИЛКА

Стуком стучит, громыхает нутром и плюется мякиной
Прямо в плетень барабан, хрустая снои за снопом.
Павлов, старик, припускает рукою умелую колос.
Ходит ремень на валу черной и длинной змеей.
Ровно состав шестерни перестукивает обороты.
Около риги, стоптав круг на полынном пару,
Ходят два мерина, кнут терпеливо снося от Ивана,
Парня пятнадцати лет, в шапке русских кудрей.
Тянут они за подвертку усердно и след катяхами,
Сбитыми точно ядро, стелют под ноги себе.
Подле растет непомерно гора перемятой соломы.
Два мужика на цепях носят вязанки, как воз.
Баба, на тело покрепче, поверху омет уминает,
Вилами чешет с боков, точно волосья свои.
В риге работа в разгаре: старуха Устинья в обмотках
На голове и руках, чтоб пропылиться не всей,
От барабана солому сгребают. Под зубьями льется
Сплавом шуршащим зерно, ворох в сторонке растет,
Это лопатой Никитка, смысленный подросток, равняет.
В угол мякина летит, в рот попадет, и в глаза.
Фенька - солдатка, как ведьма, теперь почернела, румянец
Скрылся под пылью густой, только белки на лице.
Вот рассмеялась при деле, на Клима зубами сверкнула.
Тот же, снимая снопы, связлом ее подстегнул,
Да и на девок прикрикнул, пускай подождут баловаться:
Солнце на полдень взойдет, остановиться тут след.

*

ВАСИЛИЙ КАЗИН

КАК Я СТРОИЛ ДОМ

Мне, ведь, снилась каждая тесина,
С каждой планкой был я заодно,
Бережней, нежней, чем сына,
Клал я каждое бревно.
Эх, да что там говорить про бревна —
Лишний сук я тронуть избегал,
Потому, что знал я, знал я кровно,
Что не сук, а родинку срубал.
Лишь могла бы потная рубаха
Рассказать про мой рабочий дар,
Как, срубая, радугами размаха
Улыбался мой удар.
Как, срубая, пьяным колыханьем
На дыханье смольное дышал.
Как дыхание с дыханьем
Я, взволнованный, мешал.—
Я дрожал, от счастья задыхался,
Как мой домик крепнул день за днем.
Как мой дом в плечах приподымался,
Как мужал мой новый дом.
И следил, следил ревнивым глазом,
Как сквозь окна брезжил чудный ум,
Брезжил чудный человеческий разум,
Чудное брожение вечных дум.

*

ВАСИЛИЙ КАЗИН

* * *

Живей рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.
Ой, вейтесь, осыпайтесь на пол
Вы, кудри русые, с доски!
Ах, вас не мед ли где закапал:

Как вы душисты, как сладки.
О, помнишь ли, рубанок, с нами
Она прощалася, спеша,
Потряхивая кудрями
И пышно стружками шурша.
Я в то мгновенье острой мукой
Глубоко сердце занозил.
И после тихою разлукой
Тебя глубоко запылил.
И вот сегодня шум свиданья —
И ты, кудрявясь второпях,
Взвиваешь теплые воспоминанья
О тех возлюбленных кудрях.
Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

*

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

КУЗНИЦА ПРИ ДОРОГЕ

Вот кузница при дороге
Стоит, как гриб, разбухший под дождем.
Кузнец — Игнат. Уже старик. Безногий,
Дрожащий над ухватом и гвоздем.
Глаза белесые. В заплатанной рубахе.
Уже с утра он под осадой баб.
Кричат, ругаются. Но жизнь — в тяжелом взмахе,
В презрении на высохших губах.

А на полу среди плевков и сора
Заклепка к плугу, зуб от бороны,
Заржавленная старая рессора
И штык с войны.

Игнат суров. Лицо в угрюмых складках,
Да и тяжел теперь он на под'ем,
Вот к непогоде колет под лопаткой,
Весь дребезжит. Пора уже на слом.

Но смерть молчит. А жить, так жить — у горна.
Неделя, две — и захрустит ледок,
Все также равномерно и упорно
Заходит по подковам молоток.

И кузница стара. Вся на подпорках,
Но и она кряхтит, а не сдает.
Молчит Игнат. Он подымит махоркой
Неделю. Месяц. Может быть — и год.

Живет старик, живет. Седеет редкий волос.
Согнувшись, охает. Работает молчком.
Но всю мужицкую соломенную волость
Он держит под железным молотком.

*

Н. С. ТИХОМИРОВ

П А Х О М

Собрался в Москву на выставку Пахом,
Весь обросший волосами, точно мхом,
Расчесал он бородищу пятерней,
Попрощался со скотиной и семьей.

— Ну, старуха, будь здорова, не ворчи,
Вот от клетки и от житницы ключи,
Поросенку лишка хлеба не давай,
Ну, так, значит, поплетуся, прощай!

И, холщевый вскинув на спину мешок,
Зашагал к чугунке быстро мужичок.
На вокзале мужичья — неprovорот.
Паровоз дымит, вздыхает и плюет.

Влез Пахом в теплушку с криком, аж вспотел, —
Тут и поезд с места тронул, загремел.
А на утро, вместе с солнцем, поезд встал.
Тут Пахом себе загривок почесал.

Видит: лезут из теплушки земляки,
Пялят на спину холщевые мешки.
Вылез с ними и Пахом: должно, Москва.
Закружилась с непривычки голова.

Эх, домины-то, домины к небу прут;
Синеблузники на фабрику идут,
Закусил на скору руку наш Пахом.
С земляками шел на выставку пешком.

Подошел, и рот разинул, закурил.
И до вечера по выставке ходил.
Полеводство, скотоводство оглядел;
Все узнать, понять, как следует хотел.

А машины-то, машины—сколько их,—
Иностранных молотилок и своих.
Навезены горы целые добра:
Вот моторы, рядом с ними трактора,

Косы, плуги, сепараторы, станки...
Рты разинули от дива мужики.
Оглядел Пахом Россию за пять дней.
Посмотрел он на кавказцев, лопарей,

На киргизов, на хохлов и на татар...
Нет на выставке помещиков и бар;
Только кепки да мужичьи картузы,
Сплошь сермяжные народные низы.

Отошло, должно быть, время старине.
Что-то новое рождается в стране.
Где ж Пахому осознать великий сдвиг,
Он неграмотный, нечесанный мужик!

Но нутром он больше чувствует, нутром.
Что недаром грохотал Октябрьский гром,
Не напрасно подразверстку, продналог,
Знать, платил в лихие годы мужичок:

Все Пахому—все богатства, вся земля...
Только б Ленин встал скорее у руля!

*

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

Х О Д О К И

Со всех концов Республики труда
Спешат они с нуждой своей немалой...
Их каждый день привозят поезда
На шумные московские вокзалы.

Шинели. Полушубки. Армяки,
Под мышкою — плетеные котомки,
Сюда везут с собою ходоки
Свои непережитые потемки.

Они на разрешение привезли —
Сомненья, неурядицы и споры:
Раздел лесов и передел земли,
О тракторах — дела и разговоры.

Немало этих нужд у ходока
У каждого — за пазухой зашито..
Они хотят найти наверняка
И верный суд,
И верную защиту!..

По общежитьям долго льется свет.
Беседы далеко заходят за ночь.
Спокойны ходоки:
На все им даст ответ
Любимый вождь и друг —
Михал Иванович.

*

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

У ЛЕСНОЙ ОПУШКИ

Что ж, привольно дочке лесника!
Жизнь легка. Но вот одно обидно:
За опушкой — степь да облака
И другого
Ничего не видно.

Накопилось много нужных слов
И немало всяческих вопросов.
Но кому сказать:
Стволам деревьев?
Птицам легким или звонким росам?

С ними обо всем говорено.
Все, что знала, выдала кукушка.
Приходило утро под окно,—
Уходила Настя на опушку.

У опушки пела и ждала,
Песнями покой лесов тревожа:
Может быть, из дальнего села
Завернет проезжий иль прохожий?

Ай люли, да ай люли, люли!
Успокойся, сердце, замолчи ты.
Не стучат ли где-нибудь вдали
По дороге конские копыта?..

И однажды, майским вечерком,
Этакое может лишь присниться,—
Над курчавым покружась леском,
Проплыла
Диковинная птица.

Проплыла. Уткнулась в синеву.
Вниз потом, налево и направо!..
Нет! Не в сказке это — наяву!..
А потом—
Разгрохоталась браво
И спустилась.
Прикурнув в траву.

Подо мной качнулася земляца.
Чуду я и рада и не рада:
Верьте мне — из этой самой птицы
Вышел... парень.
Парень, что и надо!

Говорил он весело и ловко
О таком, чего я в век не знала б.
Говорил: спустился на ночевку,
Хорошо б и ты заночевала...

Ночь черна. И месяца не сыщешь.
Скрылся где-то в небе парусинном.
У него... как эта ночь — глазищи.
Только руки
Пахнут керосином.

Прогуляли, я не знаю сколько.
А потом, — ведь, сердце непослушно;
Я его уж называла: Колька.
Он меня так ласково: Настюша...

Ночку, как в тумане, провели.
Может быть, таких не будет почек?..
Ай люли, да ай люли, люли..
Ах ты летчик, удалой молодец!..

Утром встала.
Что ж, трава мягка..
Жизнь легка. Но лишь одно обидно:
За опушкой — степь да облака.
Ну, а больше
Ничего не видно.

*

А. БЛАГОВ

ПИСЬМО ДРУГУ ИЗ ДЕРЕВНИ В ГОРОД

Мой милый друг!
Ты хочешь знать.
Что я в деревне наблюдаю?
Твое желанье исполняю,
Я рад с тобой потолковать.
На твой вопрос о просвещеньи
Деревни. я одно скажу:
К науке быстрое движенье

Я здесь повсюду нахожу.
Здесь мужички одно толкуют:
„Нам землю дал Советский строй,
А потому за власть такую
Стоять мы рады головой!..“
Теперь газет на папиросы
Они, как прежде, не дерут,
Пока статьи на все вопросы
В газете новой не прочтут.
И не жалеют, что казенки
Для них погибли навсегда.
И меньше гонят самогонки,
Чем было в прошлые года.
А бабам новые законы,
Как для голодных хлеб и соль:
„Смотри, Иван, —твердит Матрена,—
Ты, брат, скандалить не изволь;
Бывало, чуть, так ты и в харю
Готов заехать кулаком,
А нынче... Слышал ты про Дарью,—
Ведь развелася с мужиком.
Теперь не больно с вашим братом...
Вон самогонку Сидор гнал,—
Его кума и с аппаратом
Гулять послала в трибунал!
Довольно видели напастей,
Прошли худые времена,
А все спасибо новой власти:
Глаза открыла нам она“.
И молодежь, конечно, тоже
На месте не стоит у нас:
Союзом нашей молодежи
Спектакли ставились не раз.
Она по ленинской дороге
Идет уверенно вперед.
От жизни темной и убогой
Деревню к новому ведет,—
Клеймит негодную трехполку
Ее задорная толпа,
И говорит не втихомолку

О бесполезности попа,
Свои безбожные частушки
Она поет по вечерам.
И горько крестятся старушки:
„Пришла последняя пора...“
На твой вопрос о просвещении
Скажу одно тебе, мой друг:
К науке быстрое движение
Я замечаю здесь вокруг.
В другом письме я постараюсь
Писать подробней обо всем,
Сейчас же некогда,—сбираюсь
Я на спектакль в Народный Дом.

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЕ

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ БЕЗГРАМОТНЫХ БРАТЬЕВ

Власть царская народ держала в нищете,
И в нищете, и в темноте.
Народной темнотой держалось наше горе.
Друзья, подумайте о том, что на Руси
Люд грамотный—что капля в море.
Иного мудрость вся—три буквы на заборе
Да „отче наш, иже еси“.
И вас, читающих простые эти строки,
Молю я: взяв из книг хорошие уроки,
Делитесь потом усвоенным добром
С тем, кто с хромым умом и кто с душой слепою
Бредет, безграмотный, извиистой тропею.
Не по своей вине наш брат и слеп и хром.
Пусть солнца луч блеснет пред темною толпою.
Нам тяжело, а слепым—им тяжелей вдвойне.
Кнут, коим били нас, гулял по их спине,
И ту же, что и мы, они испили чашу.
Так пусть же, братья, в эти дни
Плоды свободы, радость нашу,
Прозрев, разделят и они,—
Разделят и поймут, итти с кем надо в погу,
Чтоб выйти на простор, на светлую дорогу.

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПРЕЖДЕ И НЫНЧЕ

Прежде парни горевали,
Службы царской не любили,
Зубы с челюстями рвали,
Пальцы пачками рубили,—
Тот беззуб, а тот беспал—
Да в солдаты не попал!

Прежде царские солдаты
По полковничьему знаку
„На враги и супостаты“
В боевую шли атаку,
Шли на братьев, матерей:
„Усмиряли бунтарей“.

Прежде мысли все живые
У рабочих убивали.
Пристава, городовые
„Прокламашки“ накрывали.
Дальше— „дело суд смотрел...“
Ссылка... каторга... расстрел...

Прежде, стоном песне вторя,—
— „Ах, заели жизнь нам, черти!“ —
Бедный люд с тоски и горя
Запивал до полусмерти;
— „Пей, ребята, — все равно!“
„Только счастье, что вино!“

Нынче песенка другая:
Трутней сбросили мы с шеи.
Власть Советскую ругая,
Вон как мчатся богатеи
От народного суда!
— Не взыщите, господа!

Нынче метят в дезертиры
Лишь одни враги народа.
Нынче—в честь для тех мундиры,
Для кого мила свобода,
Кто готов стоять горой
За советский вольный строй.

Нынче в школе, в сельском клубе,
Распростившись с горем, скукой,
Все крестьяне вкупе, влюбё
Просвещают ум наукой:
Обретая в знаньи—клад,
Строят жизнь на новый лад.

Сбросив к чорту сброд дворянский,
Овладевши властью с бою,
Люд рабочий и крестьянский
Нынче правит сам собою.
Скоро, скоро край родной
Превратим мы в рай земной

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Как хочется забыть недавний наш позор,
„Дни царские“, когда, преступный теща взор,
Венчанного короной идиота,
По полю Марсову шла „гвардии пехота“.
Толпились вокруг царя вельможи-подлецы,
И зычно, голосом пропойным,
Горланил царь колоннам стройным:
— „Зда-ро-ва, ма-лад-цы!!“
Пред рожей выроodka, безмозглого кретина,
Зло помыкавшего народною судьбой,
В шинелях серых шла под барабанный бой
Святая серая скотина“¹⁾.

¹⁾ Так величали прежде преданных им солдат царь и его прислужники.

По „рюмке водки“ ей дарили палачи,
Несли рублевые „гостинцы“.
— Ура, Семеновцы!—Спасибо. Москвичи,
Преображенцы и Волинцы!—
Мундиры разные и разные полки.
И вышибло совсем из царского понятия,
Что различаясь „формой платья“,
Полки—единая трудящаяся братья,
„Одной деревни мужики“.
Что от родной сохи оторванный бедняга
Не краскою петлиц свою окрасит цель, —
Что мужику мила не серая шинель.
А серая сермяга.
Собаке—цепь, волу—ярмо, коню—узда!
Вот серая шинель была чем для солдата.
Шинели серой путь туда,
Куда ушло все то, чему уж нет возврата,
Не разные полки, а всенародный полк.
Ты обмануть себя не дашь в огне и в буре,
И не допустишь ты, чтоб злой твой враг, как волк,
Пролез к тебе в поддельной шкуре.
Не верь отравленным листкам клеветников,
Не верь словам лукавой лести.
Сквозь нежные слова ты слышишь звон оков
И шип змеиный тех, кто жаждет страшной мести?
Не вычерпать зараз сплошного моря зла,
Мир, воля и земля—их не получишь даром;
Наследья тяжкого, проклятого узла
Не рассечешь одним ударом;
Еще не скрыты до конца—
Работа рабских рук—темницы нашей стены.
Но торжества залог—в отважности бойца.
И пусть запомнят те, чьи робкие сердца
Отравит яд врага-льстеца.
Что робость их—сестра измены!

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПРОВОДЫ

(Красноармейская песня)

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

— „А куда-ж ты, паренек.
Ах, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Во солдаты.

В Красной армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь,
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела,
Эвон в поле и в избе
Сколько дела.

Как дела теперь пошли:
Любо-мило.
Сколько сразу к нам земли
Привалило.

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше-б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился".
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
У порога:
„Не скулите вы по мне
Ради бога.

Будь такие все, как вы,
Ротозей,
Что б осталось от Москвы,
От Расей?

Все пошло-б на старый лад,
На недолю.
Взяли б вновь от нас назад
Землю, волю;

Сел бы барин на земле
Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
Самой лютой.

А иду я не на пляс—
На пирушку,
Покидаючи на вас
Мать старушку:

С Красной армией пойду
Я походом.
Смертный бой я поведу
С барским сбродом.

Что с попом, что с кулаком—
Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
Мироеда.

Не сдаешься? Помирай,
Шут с тобою,—
Будет нам милее рай
Взятый с бою,—

Не кровавый, пьяный рай
Мироедский,—
Русь родная, вольный край,
Край советский!“

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Б А Т Р А Ц К А Я

(Песня)

У окошечка сию
Да в окошечко гляжу.
Эх-ма!

Три деревни, два села...
Ну ж, ребяташки, дела!
Эх-ма!

Из деревни от отца
Поджидаю письмеца.
Эх-ма!

Как письмо я получу,
Сундучок заколочу.
Эх-ма!

По дорожке по прямой
Едет молодец домой.
Эх-ма!

Поклонюся я родне.
И сохе и бороне.
Эх-ма!

И сохе, и бороне,
Всей родимой стороне.
Эх-ма!

Окружит меня родня,
Будет спрашивать меня.
Эх-ма!

Поведу с родней я речь,
Как нам волю уберечь.
Эх-ма!

Где налечь и где нажать,
Чтоб земельку удержать.
Эх-ма!

Чтоб не взгрел нас барский бич,
Кликну я по селам клич.
Эх-ма!

Кликну клич средь мужиков:
— Все в ряды большевиков!
Эх-ма!

Все — в ряды большевиков!
Собирай всех батраков!
Эх-ма!

Собирай всех батраков!
Напирай на кулаков!
Эх-ма!

*

ПЕТР ОРЕШИН

Б Е З Ц А Р Я

Не на стонах ли брата убитого
Стали жить мы, товарищи, заново?
Ни тебе — станowego сердитого,
Ни тебе — Николая Романова.

Ни Распутина в шелке да бархате,
Ни царева слуги Сухомлинова.
Ой, не плачьте, грачи, и не каркайте, —
Нет в России врага, ни единого.

Много, братцы, царем перевешано,
По указу цареву расстреляно.
А приказы — стрелять — не от лешего,
Государем расстреливать велено!

Догорело цареву судилище,
Отгуляли царевы присяжные.
Под судом Двуголовый Страшилище,
Под судом воеводы продажные.

Не попы ль, златоусты духовные,
Заседали когда-то на судбищах,
Как гуляки, картежники кровные,
На царевых потехах и гульбищах.

Выходили на казни кровавые
С золотыми словами-подвохами.
Ко Христу приобщали, лукавые,
В алых винах омытыми крохами.

Перед богом и миром лукавили,
Отдавали на казни невинного.
Не с царем ли вы, пастыри, правили,
Все попы, сколько есть, до единого?

Образумились, пастыри божии,
Открестились от зла-навождения.
Занимается время погожее,
Время светлых молитв и радения.

Краше лбом о глухую булыжину,
Чем царева неправда проклятая.
Ухватила за белую хижину
Рать попов-дьяконов бородагая.

Становые да стражники лютые,
Точно ханы гуляли по волости.
По ухваткам не сравнишь с Малютою,
По ухваткам неслыханной вольности.

Вся деревня, бывало, попрячется,
Как пройдет полицейское чучело,
Только храбрая баба-кабатчица
Никого, кроме чорта, не трусила!

Выходили на сход разорители:
— Кто там подать не платиг? в холодную!
На иконах потели святители,
Пели хором кому-то отходную.

Допекала царева опричина
На полях позабытые хижины,
У того, глядь, спина вся иссечена,
У того — ползатылка острижено.

Жил урядник без друга-приятеля,
Серым волком вынюхивал крамолу,
Протоколил нас всех без из'ятия,
Продавал свою душеньку дьяволу.

Да пришла Мать-Свобода великая,
Провалилась вся гадь в преисподнюю,
Разбежалась опричина дикая,
Как бесовщина в ночь новогоднюю.

Братцы, есть лишь один ворог истовый:
Богачи, государевы бражники.
Богачи во миру хуже пристава,
Хуже всякого царского стражника.

У него от рожденья до старости —
Ни души, ни любви, ни содружества.
Но зато уж на всякие гадости,—
Без рубахи пустить! —хватит мужества.

У богатых изба — двухэтажная,
У богатых земли — больше волости,
Оттого у тебя, Русь сермяжная,
Не бывало на сердце веселости.

Без казны, без земли и без хижины
Ты кочуешь по нивам-распаринам.
Богачами ли мы не обижены,
Как в суровую барщину барином?

От него, богатея-распутника,
Береги, брат, добытую волюшку.
Не ищи в нем ни брата, ни спутника,
Не поможет он нашему горюшку.

Не ходи ко всесветному знахарю,
Не пытай колдуна, не выпрашивай.
Помни крепко: земля—только пахарю,
Златокудрому пахарю нашему.

Алый стяг над хибарами серыми,
Как над лесом заря, занимается,
Новый хлеб преогромными мерами
В закрома по зерну убирается.

*

А. БЛАГОВ

Б О Г И

Творец богов — владимирский маляр,
На рынок вывозя товар,
Дорогою попал в ухаб огромный
(А дело было ночью темной).
Воз опрокинулся, и сам творец
Чуть не попал под колесо, а боги,
Бессильные, в грязи лежали на дороге
И был помят изрядно бог-отец.
Маляр в сердцах: „теперь получишь чорта!
Считал барыш, ан вышло вот не так,
Богов наделал первого я сорта,
Теперь полвоза будет брак“.
И он недаром был в кручине:
Одних богов он продал по полтине,
Других за штуку четвертак.

А бог-отец совсем не продавался —
Так колесом изранен был.
Недели две под лавкой провалялся
И после в печку угодил.

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПАУКИ И МУХИ

(Песенка почти детская)

Дили-бом!.. Дили-бом!..
Стоит церковь — божий дом,
А в том доме — паучок,
Паучок - крестовичок,
Паучок семи пудов,
„Все от праведных трудов“.
Нахлобучивши клобук,
Ухмыляется паук
И трезвонит целый день:
Делень-день!.. Делень-день!..

*

Паук весело живет,
Паутиночку плетет —
В паутину ловит мух:
Молодаек и старух,
Молодцов и стариков —
Богомольных мужиков.
Мухи жалобно жужжат,
Пауку несут деньжат,
Все, что нажили горбом,
Дили-бом!.. Дили-бом!..

*

Ай вы, братцы-мужики,
Горемыки-бедняки,
А давно уж паука
Взять пора вам за бока:
Ваши души он „спасал“ —

Вашу кровушку сосал
Да кормил жену и чад —
Паучиху, паучат,
И пыхтел, осклабив рот:
— „Ай, дурак же наш народ!“

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПОПЫ-ТРУТНИ ЖИВУТ НА ПЛУТНИ

Мужик — бедняк, худой-худой,
Трясет седою бородой:
— „Вот, батюшка, хохлаточка...
Хохлаточка... хохлаточка...“
На мужике, на что ни глянь,
Шапчонка — рвань, лаптишки — дрянь,
И на плече заплаточка...
Заплаточка... заплаточка...

*

Стара бабенка и слаба,
Согнулась божия раба:
— „Вот, батюшка, пеструшечка...
Пеструшечка... пеструшечка...
Яичек тож десятка два...“
И на ногах стоит едва
Убогая старушечка..
Старушечка... старушечка...

*

Попу расперло рожу — во:
— „Хохлатка, правда... ничево...
Яичек я попробую...
Попробую... попробую...
Авось, еще кто принесет...“
Смеется батя и трясет
Оплывшею утробою...
Утробою... утробою...

*

Досель в духовной кабале
Кротоми темными в земле
Крестьяне наши роются...
И роются... и роются...
Когда ж разбудит их гроза?
Когда ж, когда ж у них глаза
На трутней всех откроются..
Откроются... откроются?!

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Т И Т - Л О Д Ы Р Ь

- „Тит, иди молотить.“
- „Брюхо болит!“
- „Тит, иди кисель есть“.
- „А где моя большая ложка?“

Народное

Перезвон звенит пасхальный:
— „Делень-делень-делень-день,
Делень день,
Делень день,
День,
День!..“
На полатях Тит печальный
Дрыхнет, дрыхнет целый день,
Целый день.
В голове у Тита пусто,
В животе — не густо.
— „Тит!“
— „Проваливай отсель!“
— „Тит, советский ел кисель?“
— „А каков на вкус-то?“
Тита голод ущемил,
Коммунизм ему не мил.
Лодырь прав отчасти:
Ждал он сладких пирогов,
Ягод сочных,
Рек молочных

И кисельных берегов
От Советской власти,—
Дождася-ж. . напасти.
Это ль Титу манифест:
— „Кто не трудится — не ест“ —
Истинные страсти!
Сколько Титов на Руси
На полатях дрыхнет?
К Титу порох поднеси,
Ни за что не вспыхнет.
Тит — не мыт, на нем — кора,
А уж вошь — на племя!
— „Тит, почиститься пора!“
— „Ладно, будет время“.

*

— „День-делень-делень-делень,
День-делень,
День-делень,
Лень,
Лень!..“
На полатях Тит угрюмый.
— „Тит, подумай!..“
— „Думать лень!“
— „Думать лень!“
Тит лежит, лежит колодой:
— „Во! Попробуй, угрызни!“
С этой лодырской породой
Много будет нам возни!
Не жалея крови-поту,
На заглохшей полосе
Дружно ратью на работу
Встанут труженики все.
И когда рабочей рати
Час придет снимать плоды,
Тит, покинувши полати,
Влезет в первые ряды:
— „Братцы, я... да всей душою!..
Что коса мне, что метла!“
Сядет с ложкою большою

Тит у общего котла.
Но... обильною окрошкой
Вряд ли Тит набьет кишку:
Кто-нибудь его же ложкой
Разобьет ему башку!

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

С В О Е

- „Земляк!.. Слышь? А земляк!“
Кричал Сурку Хомяк:
„С чего ты мечешься день целый,
Как ошалелый:
Туда-сюда, туда-сюда.
Как будто за тобой погоня?“
— „Ой“, засвистал Сурок: „тут верная беда.
„Ведь, мужики-то“...
— „Ну?“
— „Вот нукнешь, чортов соня,
Когда кругом начнут помещиков палить!“
— „Помещиков? И пусть! Тебе ж чего скулить?“
— „Окстись! Начнут панами,
А кончат нами!“
— „Постой. У бар и мужиков,
Я чай, война спокон веков.
Отцы их грызлись и деды.
А нам за что терпеть-то беды?“
— „За что? Видали дурака?“
Накинулся Сурок на Хомяка:
„Да мы-то что ж для мужика?
Друзья-приятели?.. Чай, те же дармоеды!“

Всю речь я, собственно, друзья, к чему веду?
Сурок предчувствовал помещичью беду
И бил не попусту тревогу:
Кой-что случилось, слава богу!
Но дни теперь уже не те,

Чтоб снова прибегать к разгрому и поджогу
Пришлось сельской бедноте.
Слов нет, помещики — зловеднейшее племя.
Однако ж гнезда их палить — прошло уж время.
Всем ясно: кончено их барское житье.
И мужикам не грех план изменить бы малость,
Чтоб не брала их после жалость
Что изничтожили... свое!

*

С. ОГУРЦОВ

КАРУСЕЛЬ

Тренькай, тренькай, балалайка,
В голове веселый хмель.
— Эх-ма, ходу, ходу дай-ка,
Вихревая карусель!
Над звонливой каруселью
Солнце золотом цвело.
Колокольцы прозвенели,
Замолчали над селом.
Я лечу, лечу на гусе
В вихревой круговорот,
Вижу, вижу, как Маруся
Меня манит и зовет.
Распростился рано-рано,
Эх, Марусенька, прощай,
Я на гусе деревянном
Улечу в весенний край.
Колокольцы в небо вскинем,
Эх, зальются: дзиня-дзень!..
В край другой, где морем синим
Зацелован вешний день.
Тренькай, тренькай, балалайка,
Разожги живую трель!
— Эх-ма, ходу, ходу дай-ка,
Расписная карусель!

*

С. ОГУРЦОВ

СВАДЬБА

Прозвенело над полями:

— Ты-на,
— Ты-на,
— Ты-на,
— Ты-на!

Загудорила гармошка

У кудлатого овина.

Разгулялася деревня,

Захлебнувшись самогоном.

— Ловко сватают Матрену!
— Ловко сватают Петра!

Песни пьяные полощут над ромашковым загоном.

Прогуляют нынче долго, до зарнистого утра.

А гармошка:

— Ты-на,
— Ты-на!

Заливается певуче,

Звонко бубен серебрится и звенит, звенит, звенит!

У веселого Игната растрепались онучи:

— Эх, да ну, Игнат Семеныч, пожарчее звездани.

Сами ноги

Землю роют;

А гармошка:

— Ты-на,
— Ты-на!

Поженили Петьку с девкой

У кудлатого овина.

*

С. ОГУРЦОВ

ПОЖАРНАЯ КИШКА

Вьется кольцами

Вонючая махорка,

Синеватый дым

Играет в прятки,

Поет звонок
 У рыжего Егорки.
 — Призываю, граждане, к порядку!
 — Сперва вопрос поставим о машине,—
 Сказал советчик Силин Митрофан,—
 — Предоставляю слово Акулине,
 Живехонько записывай, Иван.
 — Чичас строчу,
 — Да брось звонить, Егорка!
 — Уши все, бродяга, прозвенел.
 Вьется кольцами вонючая махорка,
 Улыбается Калинин на стене.
 — Да, да, пускай нам скажет Акулина.
 — Она бедовая, лихая коммунарка!
 — Скажи, Акуля, мол, нужна машина!
 — Да брось звонить!
 — Приспичило!
 — Макарка!
 — Да как-же брось, коли порядку нет?
 Для того звонок, ведь, полагается.
 — Да брось, чурбан, не то дадим карету!
 — Да будет вам!
 — Довольно лаяться!
 — Да тише, черти!
 — Акулина, ну-ка!
 — Я скажу по поводу машины...
 Без машины сущая, ведь, мука.
 — Правильно!
 — По делу, Акулина!
 — Вестимо так: к примеру—загорится.
 Машины нет—не вымолвишь и слова,
 Пиши пропало—можно разориться,
 А тут кишка—сикнешь—
 И все готово.
 — Вот это здорово!
 — Сикнешь—пожару нету.
 — Качать, качать давайте Акулину!
 — Я предлагаю нашему совету
 Купить пожарную машину.
 — Постой, постойте, граждане, орать-то,

А ежели пожар не загорится —
 Тоды на кой пес и покупать-то?
 — Так говорить, Авдеич, не годится.
 — Ну, вот толкуй!
 — На кой она нам лешай,
 Машина-дьявол,
 Бог еще осудит!
 — Дозвольте мне,
 Хоша я старый, грешный,
 Но я во всем согласен с Акулиной.
 — Нет! Без разговора!
 — Не покупаем!
 — А ежели пожар?
 — Тоды купить.
 — Купить!
 — Да будет вам! То надо, то не надо,
 Зачем без толку внапрасну говорить?
 — Покупаем!
 — Дозвольте-кось, а я вот так смекаю:
 Купить-то купим, а тово не знаем,
 Ведь, нет у нас пожарного сарая.
 — Да это не беда.
 Машину Митрофану,
 Кишку дадим Овинину Степану,
 А ключ хранить заставим Акулину,—
 Пусть стережет пожарную машину.
 — А ежели пожар, тоды што делать будем?
 — Што делать? Вот-те на!
 Я думаю кишку в колодец—
 Дрызгай.
 — Дозвольте-кось, рассудливые люди,
 А вот кишку-те, кишку-те
 Обсудимте давайте!
 — Да в чем-же дело-то?
 — Да как-же? Колодец, ведь, глубокий,
 А кишка не будет и аршинов пять.
 — Пять!..
 — Так вон оно в чем дело-то!
 — Тоды не надо покупать...

*

С. ОГУРЦОВ

„С Л О Б О Д А“

На околице в расхлябанном сарае
Мужикам и парням в добрую угодую
Парамон Терентич в прошлом мае
Сделал чайную-столовую „Слободу“.

И на вывеске („оно, конечно, мода“)
Написали колесной мазью (удивляйтесь!):

„Помещается здесь чайная „Слобода“.
„Пролетария всех стран соединяйтесь!“

И когда приходит праздник — воскресенье,
Мужики идут ни в церковь, а в „Слободу“ —
Бабы кличут: „Дьявольское навождение...
...Вот смутьян-от православному народу“...

В чайной весело... Приятен и отраден
Кудреватый разговорец Парамона;
„Граждане, хоша патен мне даден,
Истинный господь, не держим самогону“...

Игривый русский шум... Посуды резкий звон..
По-заграничному загнув на лавку ноги,
Два мужика, Вавила да Парфен,
Ведут горячий спор о продналоге.

— Аи, Терентич, хорошо у тея тута“...
Мужички сидят, чай гоняют чинно,
И от утрени заглянет на минуту
Сам отец Макарий благочинный.

*

ПЕТР ОРЕШИН

СЕЛЬКОР ЦЫГАНОК

Поэма.

Промокла степь. На шею и на плечи
Закапало с соломенных ворот.
Осенний дождь запутанные речи
До темного над избами ведет.

Молчит гармонь. Сидят по избам девки.
Докучный дождь зашлепал тут и там.
Осенний ветер будто для издевки
В дороге бьет по мокрым лошадям.

Под скрип колес не дремлет, не спится.
Блеснул огонь, изба—из-за бугра,
Как будто бы соломенная птица
Среди пустого темного двора.

Но пролетела и она бесшумно.
Опять—черно, и дождь со всех сторон:
На огонек, на риги и на гумна,
На мельницу и на пустой загон.

Еще темны дорожные ухабы,
Вокруг—седая ветренная гать.
Но дождь прошел, и уж давно пора бы
Веселой зорькой полю заиграть.

Шинель промокла до костей, до тряса.
Заныло где-то глубоко в груди:
Сам по жене соскучился не к часу,
Да и жена соскучилась, поди!

Зовут ее веселым часом—Зорька.
Его—по деду!—кличут Цыганком.
Пушятся дни в избе полынью горькой.
Зеленым луком, да сухим репьем.

Нужда да горе Зорьку одолели,
Плечо в заплатах, ноги в худобе.
И плачут в дождь перед окошком ели.
Как Зорька плачет по своей судьбе.

Стареет Зорька, сохнет по ненастью.
Сердит и хмур кудрявый Цыганок.
Мужичья жизнь—без радости и счастья,
Мужичье счастье—горький полынок!

Одна утеха—разбитная дочка,
Два года ей минуло с Покрова.
Ни валенок, ни платья, ни платочка,
Растет, как в поле на меже трава.

В селе и браги, и ковриг не мало.
Едят и пьют, и полной чашей дом.
От браги весел председатель Чалый,
Нос в бороде румянится грибком.

Вишневым садом расцветает счастье,
Как вишня—взятка просится в карман.
А бражный дух и при Советской власти
Стоит над полем, как сухой туман.

Живет тепло, форсит шинелью серой
Иван Капуста—милицейский чин.
Околыш красный, и суров не в меру,
Усишки вверх, а рожа—чистый блин!

Заводит дружбу с толком и расчетом,
Где щи жирны, туда Капуста вхож.
Недаром в доме Чалых по субботам
Идет веселый под гармонь кугеж.

В закрытых окнах песни голосили,
Мутились брагой чашка и стакан.
Играла кровь и сытость в каждой жиле,
Гармоникой звенел ночной туман.

Ржаная знать перепилась на славу,
Тут даже бабы на пол полегли.
Вот где она—тяжелая отравы,
Зловещий сон, осенний сон земли!

Стал Цыганок задумчив поневоле.
В избе-читальне он сидит в углу
И, позабыв о книге, смотрит в поле
На частый дождь и на сырую мглу.

Кому тут можно рассказать тревогу,
Худую жизнь, беспутную тоску?
Советскую, веселую дорогу
Сокрыл туман, и жутко мужику.

Ночей бессонных кануло не мало,
Глядел на жизнь и плакал Цыганок.
И для уездной „Правды“ написал он
Десятка два густых корявых строк:

„Председатель—вечно пьян,
Из зажиточных крестьян.
Самогон—в любом углу,
Взятка ходит по селу.
Милицейский чин — Иван
Тоже — сволочь, тоже — пьян.

Поп Акакий—веру гнет,
В бога верует народ.

Школы нет, а Комсомол
В моду тоже не вошел.

Что тут делать, как тут быть:
Подыхать, аль волком выть?“

Нашлепал всласть. Послал тайком в газету,
Терпеть и плакать—до каких же пор?
Ждет Цыганок, проснется до рассвета,
Бесшумно выйдет на осенний двор.

Сияют звезды, кочет на нашесте,
Зарю почуяв, кукурекнет в гать.
Прошла неделя, а от „Правды“ вести
До сей поры и слыхом не слыхать.

Но вот однажды председатель Чалый,
Брюхат и рыж, приземист и сутул,
Ворвался в избу, печка задрожала,
И на столе газету развернул.

— Твоих рук дело?—Цыганок с тревогой
Прочел статью и вымолвил:—Моих!
Сознался враз, и председатель строгий
Пропал, как призрак, в сумерках ночных.

Читали дружно пахари газету.
Прослыл в селе героем Цыганок;
Враги решили сжить его со света.
Идет молва, клубится шопоток.

Земли ему нарезали—похуже,
Обидели и лесом, и травой.
И злая петля все тесней и туже—
Над Цыганком и над его семьей.

В осенний день не справился с налогом:
Свели силком конягу со двора.
Казалось: смерть по всем большим дорогам
Из-за кустов грозитя до утра.

Убить хотят, пошли деревней толки.
Но был всегда бесстрашен Цыганок.
В глухом лесу от взбешенного волка
Спасаться надо во-время и в срок!

Пошел к соседу, вымолил конягу,
Собрался ночью, да и в город—шашть.
Выл ветер полем, лесом и оврагом,
И дождь костил и заплетался в снасть.

В газете речь, как поле шелестела.
Очкастый поднял уши к потолку.
Прислушивался к пашне пожелтелой,
К лесной деревне, к желтому листку.

Бумагу дали, шлепнули печатью:
Оберегать до срока Цыганка.
— Оберегать!— ведь этакое счастье
Упало вдруг на долю мужика.

Свернул бумагу, спрятал, и под вечер
В обратный путь пустился Цыганок.
Осенний дождь пронизывает плечи,
Сечет дорогу вдоль и поперек.

Два дня прошло, как Цыганок из дому.
Вся голь ржаная прямо заждалась.
— Не может быть, чтобы житью лихому
Советская не подсобила власть!

Проехал тьму, и мельницу проехал,
Знакомый хутор, ветлы над прудом.
Заря над лесом—красная прореха,
Заря—прорехой, синева—крылом.

В кармане—дочке спрятанный подарок,
В разводах ситец и жене платок.
Взбодрил конягу легоньким ударом,
Взмахнул кнутом и свистнул Цыганок.

Чернеют избы. Огоньки — как искры.
— Ну, вот и дома! — куст пролепетал.
Вдруг — бац! — из вётел прокатился выстрел,
И Цыганка убили наповал.

Коняга издрогнул, растерял колеса,
Пришел во двор один без Цыганка.
Над мокрым полем луч мелькнул раскосо,
И солнышко забрезжило слегка.

Нашли его под вётлами, в трясине,
На грудь ему упала Зорька тут.
А через день на городской машине
По живине темной понаехал суд.

Судили долго, сухо, без задора.
И присудили шайку за разбой,
За смертный час кудрявого селькора,
Тем — каторгой, а этим — головой!

Ржаная голь туманится без друга,
В избушке — Зорька — вечной сиротой.
Но долго будут в добрый час досуга
Звенеть поля о жизни прожитой.

Не сгинет память в сельском Комсомоле,
Гармонь да песня — пахарю венки.
И будет жить в ржаном советском поле
Из века в век, как песня, Цыганок!

*

МАКАР ПАСЫНОК

ЖЕРТВА

Клим стегнул худую лошаденку
И махнул рукою на село;
За ночь в рыжеватой бороденке
Горе сединою проросло.

Вмиг он, здоровенный мужичина,
Превратился в плачущую мать,
Потому что смерть родного сына
Может и столетний дуб сломать.

Как понять и примириться с горем?
На фронтах боролся—не погиб,
А теперь, как только стал селькором,
Пал он от предательской руки!

Вспомнил Клим газетные статейки,
Взволновавшие весной крестьян,
Следствие и приговор судейский,
Скрытые угрозы кулачья.

И понятней становилась тайна,
Вскрылась, точно рана под ножом.
Да, убийца—он, хозяин чайной,
Торговавший день и ночь вином.

Это он вслед сыну рано-рано,
Будто в волость выехал вчера
И, нагнав у дикого кургана,
С яростью спустил его в овраг.

И такая боль пронзила сердце..
Если б грамоту он знал,—один,
Не боясь какой угодно смерти,
Продолжал бы то, что начал сын...

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПСОЙ

Псой—оборотистый мужик,
Когда-то лавочник был местный:
Теперь он—просто ростовщик

И плут известный.

Путь у него к наживе прост:
Паук пускал деньжатки в рост.
Росли деньжатки помаленьку.
Опутал мироед родную деревеньку,

Потом соседнюю, потом—
Округа целая ограблена плутом!
Люд бедный стоном стонет,
А Псой в довольстве тонет:

С спокойной совестью и без больших хлопот
Переливает, знай, в рубли народный пот.

Там урожай хорош ли, плох ли,

А Псою-то и это впрок:

Содрав положенный оброк,

Псой крестится: „не я б, так все б кругом подошли!“

Но под конец он так прижал всю бедноту,

Что стало ей непомогуту:

Ввалилися к нему голодные солдатки:

— „Ты, дьяволов ты сын, с'ел наши все достатки.

Нет на тебя, на пса поганого, ружья!

Вот погоди ужо, придут с войны мужья!“

Вцепиться в бороду готовы бабы Псою.

Псой перед бабами—лисою:

— „Спасибо, милые, за добрые слова.

Вот благодарность мне, я вижу, какова.

Такого ли от вас я чаял воздаянья

За все мои благодеянья?

Мужьями мне грозить? Не страшно. Я не трус:

Придут—там будет видно.

Мне, главное, обидно:

За что вы на меня?!“ — Наговорив турус,

Псой выпроводил баб,—и в первую же ночку,

С собою прихватив сундук, жену и дочку,

Удрал—куда? — бог весть,

Сумел следы замести.

В собрание одно на - днях попав случайно,

Был удивлен я чрезвычайно:

Псой объявился тут. Растрепанный и злой

Кричит: — „долой! долой!“

Бранит большевиков и чем-то их страшает,

Эс-эров очень восхищает,

Интеллигентики от Псоя без ума:

Вот, дескать, мудрость где народная сама!

А то скрывают крохоборы,

Что мироед у них пришел искать опоры!

*

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Я посетил родимые места,
Ту сельщину, где жил мальчишкой,
Где каланчей, с березовою вышкой,
Взметнулась колоколыня без креста.

Как много изменилось там,
В их бедном неприглядном быте;
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам.

Отцовский дом не мог я распознать.
Приметный клен уж под окном не машет,
И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят круличатою кашей.

Стара, должно быть, стала!
Да... Стара...
Я с грустью озираюсь на окрестность.
Какая незнакомая мне местность!
Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы высокий камень...

Здесь кладбище...
Подгнившие кресты,
Как будто в рукопашной мертвецы
Застыли с распростертыми руками.

По тропке, опершись на подожок,
Идет старик, сметая пыль с бурьяна.
— Прохожий! Укажи, дружок,
Где тут живет Есенина Татьяна?.

— Татьяна? Гм... Да вон за той избой...
А ты ей что? Сродни?
Аль, может сын пропащий?
— Да сын! Но что, старик, с тобой?
Скажи мне, отчего ты так глядишь скорбяще?

— Добро, мой внук!

Добро, что не узнал ты деда!

— Ах, дедушка! Ужели это ты?

И полилась печальная беседа

Слезами теплыми на пыльные цветы.

— Тебе, пожалуй, будет скоро тридцать,

А мне уж девяносто... скоро в гроб...

Давно пора бы было воротиться...

Он говорит, а сам все морщит лоб.

— Да! Время... Ты не коммунист?

— Нет!

— А сестры стали комсомолки...

Такая гадость, просто удавись.

Вчера иконы выбросили с полки...

На церкви комиссар снял крест...

Теперь и богу негде помолиться.

Уж я хожу украдкой нынче в лес.

Молюсь осинам... Может, пригодится.

Пойдем домой, ты все увидишь сам...

И мы идем, топчя межей кукольной.

Я улыбаюсь пашням и лесам,

А дед с тоской глядит на колокольню...

Здорово, мать! Здорово!

И я опять тяну к глазам платок.

Тут разрыдаться может и корова,

Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.

Здесь жизнь сестер...

Сестер, а не моя!

Но все ж готов упасть я на колени.

Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи... женщина с ребенком...

Уже никто меня не узнает.

По-байроновски¹⁾ наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.
Ах, милый край! Не тот ты стал! Не тот!
Да уж и я, конечно, стал не прежний.
Чем мать и дед грустней и безнадежней,
Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Лении не икона.
Я знаю мир, люблю мою семью.
Но отчего-то всё-таки с поклоном
Сажусь на деревянную скамью.

—Ну, говори, сестра!..

И вот сестра разводит,
Раскрыв, как библию, пузатый „Капитал“,
О Марксе... Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно, как шустрая девчонка
Меня во всем за шиворот берет...
По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот.

*

ИВ. ПРИБЛУДНЫЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я—гражданин, поэт и воин.
За все, что в бурях перенес,
Сегодня снова удостоен
Увидеть жизнь родных полос.

И вот я вновь далеким болен,
Заслышав благовест садов,
И, проходя знакомым полем,
Запеть и зарыдать готов.

¹⁾ Байрон—известный английский поэт-аристократ, произведения которого полны разочарованности в жизни, скорби и презрения к людям.

В моем краю, в моем вишневом,
В полях такая благодать,
Что никаким бессмертным словом
Нельзя, что видишь, передать.

Здесь сини дни, здесь душны ночи,
Здесь май на голубя похож,
Здесь в каждой хате, если хочешь,
И мед, и яблоко найдешь.

Здесь летом целыми верстами
Цветут баштаны по полям,
Здесь над плугами и серпами
И труд, и песня — пополам.

Цветут сады, щебечут птахи,
Дымятся жлукта у реки,
У парней вышиты рубахи,
У девок — ленты и венки.

По вечерам под вербой шаткой,
Где пруд, и месяц, и уют,
Дерут гармонь, кичась присядкой,
Кричат, целуются, поют.

И в знойный полдень воскресенья,
Окончив свой домашний труд,
Потолковать собравшись, семьи
На бревнах семечки грызут.

У старой вербы, у порога ль
Над каждым садом и селом
Все так же вьется веший гоголь
Слегка надломленным крылом.

А ведь недавно злобным ревом
Встречались вечер и восход.
Недавно людям и коровам
Внушал тревогу пулемет.

Недавно днями и ночами
Горели хаты, тын и стог,
И без голов и с головами
Валялись люди у дорог.

Недавно, сон в пути лелея,
Остановившись у ворот,
Не знал ты, кто тебя пригреет
И кто, пригрев, потом убьет...

И вот теперь—как прежде — снова
Цветут баштаны по полям,
И на развалинах бывшего
И труд, и песни—пополам.

И пусть быкам лишь снятся ясли,
Пусть у людей сгорел порог,
Мой светлый край, я все же счастлив,
Что ты хоть душу поберег.

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Былых господ прогнавши взащей,
Мы знаем: есть страшнее враг,—
Мы по пути к победе нашей
Свершили только первый шаг.

Страшнее барской шайки дикой
Нас изнурившая нужда.
Вперед же, воины великой
Единой армии труда!

Отбив рукой вооруженной
Всю злую, вражескую гнусь,
Спасем работой напряженной
Коммунистическую Русь.

Работать все станки заставим,
Исправим все и пустим в ход,—
И от смертельных мук избавим
Нуждой измаянный народ.

Мы деревушкам скажем черным:
— „Довольно жутких темных зим!
Себя трудом, трудом упорным,
Мы к светлой жизни воскресим!“

Есть на Руси один хозяин—
Народ свободный, трудовой,
С рабочим пахарь кровно спаян
Одною спайкой боевой:

В одном строю—герой с героем—
Шли в бой, опасности деля.
Вперед же, братья, бодрым строим!
Свои заводы мы откроем,
Свои запашем мы поля.

Свои богатства мы умножим
И возрастим свои плоды,
У общих фабрик горы сложим
Из торфа, угля и руды.

Жизнь забурлит живым потоком,
Не зная вражеских заград,
И мы в спокойствии глубоком,
Окинув Русь хозяйским оком,
Благословим наш общий труд!

* * *

М О Л О Д Ы Е С И Л Ы

Я. ШВЕДОВ

НА РАБФАК

Выходили ребята с гармошкой
За калитку, на задний конец.
Девки, бабы у изб на дорожках
Колотили ленок-долгунец.
Девки, девки, на наши бы требы
Семенной бы вы отдали мак,
Напекли бы лепешек нам хлебных,
Завтра прем с пастухом на рабфак.
Шли б дорожки далекие гатить
За два берега Волги-реки;
Приносите, родные, на память
Вечерком в посиделки платки.
Мы нескоро, ребята курчавые,
На полоски косить завернем.
А девчонки сильнее стучали
Вдоль по бабке носатым вальком.
Пели звонко припевки-миленки...
Загрустилась гармонь-егоза,
Закрывались девчонки шаленкой,
Насупонивши зорьки-глаза.
Ну, прощай-ка, любимая Маша,
И колосья тяжелые ржи!
Мы не скоро вернемся обкашивать
На полосках цветуньи-межи.
Ой, прощайте, девчонки-занозы,
Поле, речка, старая мать.
Ночкой темною пляс у березы
Будем часто грустить, поминать!

Били девки вальками по плахам,
Сердце било четкую дрожь;
По деревне, в кумачных рубахах,
С песней звонкой брела молодежь.
В сжатом поле всхлипы гармошки,
В тихом поле костра огонек;
Бабы, девки рядом на дорожках
Колотили на чурках ленок.
У осинок прутастые ветки
Зажигала осень огнем,
И грустили грудастые девки
Потихоньку о парне своем.
Тише, тише ядренные били
И стучали над бабкой вальки.
Ох, недаром отдать посулили
Ночкой парням на память платки.

*

А. СМЕРНОВА-ВАРФОЛОМЕЕВА

КОМСОМОЛЬСКАЯ СВАДЬБА В ДЕРЕВНЕ

Закудрявился май зелеными,
В кумачевой рубахе хмелен.
На просеке над мшистыми пнями
Не смолкает пчелиный звон.

В Горбунихе волнуются бабы:
— Будет, будет от бога разгром
Крысомольскою нонеча свадьбой
Обвенчаются Марья с Петром.

..А в Нардоме гирлянды, гирлянды,
Ярче мака задорный плакат:
„Ни обрядов, ни бога не надо“...
Сыплет люстра огни с потолка.

Перепутались майские травы,
Разубравшие сцену пестро,
Комсомольцы веселой оравой
Выбивают по лестнице дробь.

Старушонка метнулась пугливо.

— С нами свят... с нами свят... с нами свят..

А в Нардоме уж льется красиво:

„Комсомольская юная рать“...

Петр торжественен, в красной рубахе,

Маша ярче июньских гвоздик,

К окнам вечер в закатной папахе

С любопытной улыбкой припик.

В этом вечере шопоты бабы:

„Разразит их господь, разразит“.

...Здесь звенит: — Прочь обычаи рабы,

Мы куем, создаем новый быт.

Это Дмитрий, из города парень,

Так и сыплет задорную речь.

— Нам не надо хмельного угара,

Наша свадьба тропинка к заре.

Вы пойдете одною дорогой,

Разрубайте бывшее с плеча,

Пусть вам факелы будут не боги,

А вот эти пять книг Ильича.

Плещут сотни шершавых ладоней,

...„Это есть наш последний...“ гремит.

Вечер никнет к окошкам. зеленый,

И никто с высоты не грозит.

*

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

ВО Р Ж И

Тропой проторенной идешь,

А где—и сам не знаешь.

Ты это что-ж, товарищ рожь,

Меня перерастешь?

Сквозь строй стеблей не разглядишь:

Туда шагаю, что ли?

Безветрено.

Ложится тишь

На сердце и на поле.

Ведь, заплутался. А средь нив
Вот здесь когда-то рос я...
С приветом головы склонив,
Задумались колосья.

Глазенки зерен на меня
Таращат изумленно.
И васильковая родня
В тиши застыла сонно.

Глядите шире! Ничего!..
Я послан ком'ячейкой...
Не узнаете своего?
Я—шеф.
Везу вам жнейку!..

Ведь, серп не скоро вас возьмет.
Погнешь порядком спину.
Вот и послал меня завод
Вам передать машину.

Растите, нивы! В городах
Так, как и вы, бурливо
Растут и ширят свой размах
Другие наши нивы.

И мы растем — к плечу плечо.
Кругом—
Так много воли!..
Ложится радость горячо
На сердце и на поле.

Вспотело солнце. Будет дождь.
Вон—туча виснет краем...
Так, значит, что-ж. товарищ рожь, —
Мы нынче
С урожаем?!

ВЛАДИМИР ЗАВОДЧИКОВ

ЛУКА и Я

Я свое село четыре года
Даже краем глаза не видал,
Все приметы гречневой породы
Проглотили долгие года.
Вспомнил: мать, прощаясь, наказала:
— Милый сын, семью не позабудь!
Не забыл, зато другим с вокзала
Я пришел в родимую избу.
Встретил мать, родню, но только к брату
Была радостью душа пьяна,
Как и я, растет он супостатом,
У него ни бога, ни хрена...
Дядя мой, двоюродный — чудила,
Всем известен — звать его Лука.
Речь у нас о жизни заходила,
Так меня он счел за дурака.
За меня и брат, и все ребята,
Но Лука, что камень, хоть один:
— У меня, мол, собственная хата,
В ней я сам барон и господин.
У меня поглядка, мол, косая
На коммуны... Ух, туды их мать!..
Вот она — в штанах блоха кусает!..
А попробуй-ка ее поймать!..
Долго мы, селяне молодые,
Городили с дядюшкою спор...
Унесут уныние седые,
Принесут кудрявые задор.
В даль бежит мужичья юность ходко,
Не застыть на месте ей, не стать.
Эх, цветы, зеленая походка,
Пусть зевает вслед мужичья старь!

*

НИКОЛАИ КУЗНЕЦОВ

НА ПОБЫВКУ

Тонет солище в красном зареве,
Опрокинулось под берегом реки.
Хорошо шагать и песенки наяривать,
А итти осталось пустяки.

Эй, деревня, миленькая, здравствуй!
Как петухи-то здорово орут!
Теперь они, а не гудок горластый,
Меня подымут рано по утру.

Я сюда приехал на побывку,
Чтоб помочь отцу на сенокосе,
Навивать воза, покрикивать на Сивку,
Бить цепом тяжелым по колосьям.

И с толпой ребят и девок за околицу
Выходить я буду в дни воскресные;
И пока луга росой не умоются,
Будут ночки с пляскою и песнями.

Для людей, заброшенных в сторонку,
Жаждающих и знания, и света,
Я привез из города в котомке
Небольшой гостинец—книжки и газеты.

*

Я. ШВЕДОВ

ПИСЬМО

Исстрадалось сердце не на шутку:
Не брала я в эту зиму веретен.
Отдает тебе поклон Шаргинина Анютка.
Низко я тебе свой отдаю поклон.

На тебе под старость я хотела опереться,
Мой любимый, долгожданный, дорогой.
У меня все изболело сердце
По тебе, сыночек мой.

Вечерами я сижу, родимый, у окошек
И гляжу на тропки, стежки, в рожь.
Проглядела я глаза на те дорожки,
По которым, сокол мой, придешь.

Не поются песни ладные,
Навалилась мне тяжелая беда,
Ну, а скоро ли, сыночек ненаглядный,
Дорогой, придешь, когда?

Закружил тебя, шального, город.
Чаще вестки шли, сынок.
Знаю я, пойдет тебе, родному, скоро
Девятнадцатый годок.

Буду ждать тебя залетку-сокола...
Скоро ль, скоро ль ты ко мне придешь?
Выйду ль я тебя встречать в высокую,
Золотистую, родную рожь?

Знать, забыл свою старушку?
Не забыла я тебя, сынок.
Ты не знаешь, у моей избышки
Отвалился у подклета бок.

Часто я гляжу в туманы синие:
Неужель тебе не жалко мать?
По тебе ль, желанном сыне,
Часто я хожу гадать.

Жала в эту осень я пшеницу,
Поминала о тебе, мой дорогой,
Не пора ль тебе жениться
И зажить в ладу со мной?

Дом с тобой отстроим заново,
Хмельной браги поднесу я ковш.
Иль в Москве невеста? так ты приданого,
Пропиши мне, сколько там возьмешь...

Ну, прощай!
Тоскую часто втихомолку.—
Эх, не знает седенькая мать,
Что сынок-то любит комсомолку
И приданого ему не брать.

Я. ШВЕДОВ

* * *

Ты еще жива, моя
старушка.

С. Есенин

Здравствуй,
Здравствуй, матка дорогая!
Получил твое письмо я тут.
Не кручинься, мать, о том, что Сивку запрягаешь,
В осень чинишь ты сама хомут.

Говоришь, что у твоей избушки
Обвалился в половодье бок.
Мать родная, милая старушка,
Ты не знаешь,—
Стал иным любимый твой сынок.

Ты не знаешь, как мартэны догорают,
Как в печах кипит, бурлыкая, чугуны;
Но скоро, скоро, дорогая,
Я опять к полоскам прибегу.

Страшно, мать, у домны злой, кипящей,
Недобитыми кричат лебедок тормоза—
Ты не знаешь, что сыночку стали чаще
Сниться чернокарие твои глаза.

Печки фыркают, горят огнями...
Жутко, жутко!
В пляске дробной шестерен...
Сколько раз весною с журавлями
Посылал тебе, родимая, поклон!

Жарко, матка, у вагранки, жарко.
Синим цветом брызжет на моторах ток.
Скоро я приеду, привезу тебе подарком —
Расписной саратовский платок.

На заводе я, родная, чищу чушки.
Много, много расскажу тебе потом;
Как у сына, вместе с ним, почует под подушкой
Ленина-Ульянова четвертый том.

А сердце буйное не тихнет,
Все ему охота знать.
Не оттого ли в золотистых вихрах
Промелькнула цветом яблонь седина.

Отдаю я всем свои поклоны.
Скоро буду я тебе глядеть во взор.
Мать родная.
Благословляла ты иконой, —
Ту икону расколол на щечочки топор.

Снятся, снятся ночью риги,
На поветях горлодеры-петухи.
У меня теперь свои есть книги,
Есть свои напевы и стихи.

Я надену скоро короб,
Положу ль туда саратовский платок.
Я приду, родная, скоро-скоро.
Принесет тогда тебе ли вестку ветерок?

Пусть пускают славушку худую —
Я иные припасу тебе слова.
Крепко, крепко я тебя ли расцелую.
Буду долго, долго целовать.

Ты не верь, что говорят соседи;
У меня лежит на сердце непочатая беда.
Скоро, скоро я приеду.
Много слов тебе я передам.

Ты зови попрежнему сыночком милым...
Ну, прощай!
Зовут к работе тормоза...
А за работкой у домны мнились
Маткины печальные глаза.

*

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

СЕЛЬКОР

К резному крыльцу в последний двор
Заметена тропа.
— Где же Егор, который селькор?
Сосед отвечает: — пропал.

Настежь ворота разинули пасть.
Пусто. Никто нейдет...
Пропал, как может овца пропасть,
Убежав от стада вперед.

Пропал.. Ну, что ж? Видно, так и след.
Он, ведь, и был... такой...
Куда пропал — не знает сосед.
А если и знает — другой.

Егора вслух никто не бранит.
Лишь шопот ему в укор.
Сколько горечи, сколько обид
Вынес бедняк Егор.

Сколько лет подарил нищете.
Уходил от отца — босой.
Ну, а зачем, — понимают лишь те,
Которых зовут „комсой“.

С которыми вместе по вечерам,
Сердцем умчавшись вдаль,
В тревожный, неровный скрип пера
Вливал он свою печаль.

И радость вместе всегда деля,
Пытаясь часы перечесть,
Ждал дня, когда через леса и поля
Полетит их правдивая весть.

-Колючей строкой баламутил ребят:
Рутине наперекор!
С тех пор, кто в насмешку, а кто любя,
Называл Егора — селькор.

Слово «селькор» проросло в вопрос
Для тех кто друг и кто враг.
Егор эту кличку, как знамя, нес,
Не отступив ни на шаг.

Насмешкой кольнет иной «борода»,
Выпятив круглый живот:
— Читает, поди, еще по складам.
А тоже в селькоры прет.

— Царапай, царапай!
Поддержим почин!
Грамотны будем... потом...
Селькор, об этом, дружок, прострочи,
Селькор, не забудь о том!..

Грозился кто-то: Егор, не трожь,
Не то—не дойдешь до двора.
Селькоры в селах...

— У нас то что ж?

Не деревня, а так... дыра...

В ответ на угрозы—комса: не смей.
Самим вам лежать вверх дном.
Но с этих пор караулила смерть
Селькора за каждым углом.

Егор свою кличку, как знамя, нес,
Не отступив ни на шаг.
Об этом знает даже откос,
Который ведет в овраг.

Об этом знают реки берега
И проруби синие льды.
Об этом знает даже пурга,
Что заметала следы.

И злая, серьезная зимняя ночь,
Луной освещая пути,
Могла б рассказать, могла бы помочь
Селькора Егора найти.

Чтоб знали все, что в часы вечеров
Егора напрасно ждать.
Чтоб спешил другой селькора перо
Знаменем славным
Поднять!..

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

ДЕЛЕГАТЫ

I

— Сберем, ребя, со всех по пятаку.
Вот это дело!
Пусть Андрей займется!..

В деревню — радио. Культуру — мужику!..
Товарищи, откуда что берется?

Все куплено. Готов мандат.
Блестит приемник свежим красным лаком.
И вот Андрюша Крынкин — делегат
В родимое село
С родимого рабфака...

В догонку поезду галдят друзья:
— Андрей,
Пиши, как встретишься с народом...
На пятый день приехал он в края.
В которых не был
Больше, чем два года.

II

Сегодня—праздник, видно, годовой:
Везде глазают бабы-ротозейки.

Андрей сначала
Забежал домой,
Но не к себе—
К секретарю ячейки.

У Рындиных со свежим хлебом чай,
Закуска и хмельного чарка.
Здоров. Никитка? Гостя принимай,
Не так себе,—
С рабфаковским подарком.

— Ну, как живем, почтенный дед Сильверст?
— Предсельсовета я — под старость наказанье...

— А я в читальню

Радио привез!

Созвать бы молодежь скорее на собрание!

— Ну, где ж собрание? Праздник, чай, теперь;
По посиделкам — девки свиристелки.

А парни прут...

— Открой, Микитка, дверь!

Ну, что ж, так вместе двинем в посиделки!

III

Мальчишки звонко улицей галдят
Сквозь взрывы шуток, радости и смеха.

— Андрюшк и в посиделках — ди-ли-га-т:
Поповский сын из городу приехал.

— Как делегат? Да что ты в рот те нос...

— Не суйся, ребята, замолкни обормоты:
Из городу

Поповский сын Аммос

Девченок учит танцевать

«Фак... строту»...

— Он говорит: куль-тура, надо знать...

А танец, так, не очень, чтоб мотивный...

Тсс... Слышите: девки стали запевать,

Романц цыганский
Голосом надрывным...
Андрюшка зыкнул: я их распеку!
— Вали, ребя, скорей, взглянуть нейдется!..
Товарищи,
Откуда что берется?
.....
В деревню — радио!
Культуру — мужику!

*

МИХАИЛ ЮРИН

ПОДКИДЫШ

Ничего,
Что речист с наскока!
Пустяки,
Что Ванек угловат!
Ворот настезь,
Рукав по локоть
И комсомольская голова.

Ну и что же?—
Нашли под забором,
Если б нет, —
Малышу капут.
Только счастлив он,
Что не вором,
А подручным пришел
К верстаку.

Рано, рано,
В осенний вечер
Пальцы бережно
Мяли узел.
Он не помнит
О первой встрече
С человеком
В чумазой блузе.

С той поры
В заводских кварталах
Говорили:
— Ребенок — клад!
Сколько горя,
А вырос малый
В звонких ласках,
У верстака.

Был ребенок на диво
Крепкий,
Хоть у жизни и снят
С ножа.
Человека
В чумазой кэпке
И встречал он
И провожал.

А за десять
Казался скучным.
Как-то:
— Папа, хочу с тобой!
Был подкидыш,—
А стал подручный
И на ячейке—бой.

Вот возьми-ка теперь,
Попробуй.
Молвишь слово,
А парень:
— Ша!
На рабфаке,
Станком учебы
Переделали малыша.

Ну и чем же,
И чем-же хуже,
Если кем-то подобран он?
Все мы были рождены
В луже
Николаевских времен.

*

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

ГОРОДКИ

За деревней, у речки Камышки,
Там, где рожь и во ржи — васильки,—
Собираются ребяташки
Вечерком поиграть в городки.

Веселы с головы до пяток.
Ни один не бывает хмур...
Строят и выбивают десяток
И побольше разных фигур.

Есть тут где разгуляться силе.
— Эй, ребя! Выстанавливай, крой:
Вот поставили церковь... сбили
Биткой церковь из круга долой!

— Ай да Петька! ударил туго!
— Эй не жуль, подожди-ка, стоп:
Лишь четыре вышли из круга,
Ну, а пятый остался — поп!

— Что там поп? Полетит от раза,
Вдарь сильней—и из круга вон!..
Ставь бутылку! — бутылку смазать?
Я не прочь: в ней, должно, самогон...

Смех доносится к самой околице.
Там журят сыновей мужики:
— Ишь, ведь, вольники, ишь... комсомольцы.
Гонят скот, а они — в городки.

*

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

О ШАПКЕ

Троцкому. Молодежи

Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию Мировую найти.

Кто о женщине. Кто о тряпке.
Кто о песнях прошедших дней...
Кто о чем.
А я — о шапке,
Котиковой
Моей.

Почему в ней такой я гордый?
Не глаза, ведь, под ней, а лучи.
Потому, что ее
По ордеру
Получил.

.....
В девятнадцатом, в Киев на отдых,
Я, усталый, приехать смог,
И покою два дня лишь отдав,
На третий — в окопы лег.
Мы, голодные, жизнь творили!
Не знали: есть голод-волк.
В этот день мы без пуль покорили
Восставший девятый полк...

Да, о шапке..
И вот, оттуда
Голодранцем в Москву припер
И в Цека получил, как чудо,
Ордер
„На головной убор“.
Ордер этот — в охапку.
В распределитель путь,
Получил я там — летом!
Шапку.
Котиковую,
Не какуюнибудь...

.....
И теперь вот, сейчас, сегодня
Мимо салом заплывших витрин
Я шагаю, знаменем подняв
Шапку военных годин

И теперь, что-нибудь покупая,
Выбирая ли, роясь в вещах,
Я об ордере прежнем мечтаю
И новых, идущих днях.

И, прочтя бюллетень о банкноте,
Или весть о борьбе биржевой,
Я гляжу на встревоженный котик
С думой грозовой:

Пусть катается кто-то на форде,
Проживает в десятках квартир...

Будет день:
Мы пред'явим ордер
Не на шапку—
На мир...

*

Е. НЕЧАЕВ

ВНУКУ

Да, милый внук, житейский путь
Не сплошь усеян васильками.
Иди по нем не как-нибудь,
Но осторожными шажками.

Я был рабочим боевым.
Пускай теперь похож на клячу.
Не даром рано стал седым.
С горбом верблудицы в придачу.

Ведь и во мне горела кровь,
Мечты сменялися мечтою.
Надежда, вера и любовь
Не разлучались со мною.

Шел умереть у баррикад
В лице отважного героя,
Но не себе искал наград
Среди отчаянного боя

Я бедность знаю с давних пор,
Меня лишения не встревожат,
Пока держать кирку, топор
Рука мозолистая может.

Нет, я боролся за детей,
За них лез в пекло головою,
Чтоб было им итти светлей
Моей дорогой трудовой.

Чтобы властители земли
На них отечески смотрели
И без препятствий помогли
Достигнуть лучезарной цели.

И замысл наш, не звук пустой,
Работа даром не пропала.
В лучах свободы золотой
Теплей и радостнее стало.

Да, не легко далась она.
Кровищи выглотала реки
И, блага райского полна,
Осталась властвовать вовеки.

И вот, мой друг, идя вперед,
С огнем в груди, дорогой знанья,
Цени других тяжелый пот
И не скупись на состраданье.

Бездушных, гордых, пошлых, злых
И в орденах мы многих знали,
Но, верь, мы не боялись их,
А, презирая, проклинали.

Пусть будешь ты простой мужик,
И нудью вынянчен большою,
Но докажи, что ты велик
Не только силой, но душою

*

МИХ. ГОЛОДНЫЙ

ТОВАРИЩУ

Когда угаснет пыл,
Осыплет юность цвет,
Не забывай, как жил
И прадед твой и дед.

Забудь, что ты — герой,
И голову склони,
Пускай перед тобой
Пройдут былые дни.

Свой беспокойный взгляд
Больших тяжелых глаз
Ты устрями назад —
На миг один, на час.

Увидишь ты свой дом,
Где нагота поет.
Отца с упрямым лбом,
Глядящего вперед.

Скрипучий нудный труд
И прошлого угар..
И стыд подымет кнут,
И — обожжет удар.

Ты вспомнишь, как судьбе
Ты клялся изменять.
И скажешь ты себе:
— Прости, я слаб опять.

И кровь твоя вскипит,
Взметнется буйный дух.
И голоса обид
Наполнят бурей слух.

Восторг в тебя войдет,
Преобразит твой лик,
И ты шагнешь вперед
Спокоен и велик.

* * *

КРАСНЫЕ ПЛАТОЧКИ

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

НА СВЕТ

Распроклятое ты наше житье женское!
Распроклятое бабье житье!

Из народных песен

— „Всю те спину всполосую!“ —
Раз'ярясь, что дикий зверь,
Дочь раздетую, босую
Батя вытолкал за дверь.
Вьюжный зимний день морозен,
Дышит холод ледяной.
Уж как грозен, грозен, грозен,
Грозен батюшка родной!

* * *

Говорил сосед соседу,
Опрокинув рюмок пять:
— „Бей, сосед, жену к обеду,
Перед ужином—опять.
Мужичонкой станет хилым
Тот, кто водочки не пьет.
Век жене не будет милым,
Кто жены своей не бьет!“

* * *

Свекор злой трясет бородкой,
Брешет сыну про сноху:
— „Будешь нянчиться с молодой,
Беспрременно быть греху!
В ней сидит, видать по роже,

Бес такой, что уй-ю-ю.
Слышь, держи жену построже,
Как держал я мать твою!"

* * *

Две старушки у обедни
Скорбью делятся одной:
Эту—зять побил намедни,
Эту—сын побил родной.
К темным ликам дым кадельный
Вздохи женские несет:
— „Ох-ти,—знать, лишь холм могильный
От побоев нас спасет!"

* * *

В церкви кто учил, не поп ли:
— „Баба — грех соблазн и гнусь"!?
Долго ль будут бабьи вопли
Оглашать родную Русь?
Бабы, выпрямите спины
И вводите баб в Совет!
Знайте, сестры, что дубины
Уж ничьей над вами нет!

* * *

Знайте, сестры: для народа
Самый злой и страшный враг—
Ночь, не знавшая исхода,
Вековой туман и мрак.
Обрели теперь мы крылья,
Рабский сбросили завет.
Приложите ж все усилия,
Чтоб нам вырваться на свет.

*

АЛ. ШИРЯЕВЕЦ

КРЕСТЬЯНКА

Такая молодая, .
А прыти отбавляй,
Без устали шагает,
Кричит на целый край:
— Вставайте, бабы, девки,
Старухи, мужики!
Слышь: новые запевки!
Глянь: новые деньки!
Прощайтесь с горьким горем!
Довольно тьмы и зла!
Давайте, жизнь построим,
Чтоб солнышком цвела!
Несется говор: ишь ты!
Ну, глотка! Ну, и прыть!
За тыщу верст, чай, слышно!
Как ей не пособить!..
Сошлись бабьим сходом,
Ведут толково речь,
Как уберечь свободу
И старый мусор сжечь!
Глядят мужья, дивятся:
— „Чудно! ей-ей чудно!
А ведь давно бы взяться
За ум нам всем — давно“.
И оживают села,
Деревни, пустыри,
И слышен клич веселый
От зорьки до зари:
— С врагами мы поспорим!
Всегда дадим ответ!
Давайте, жизнь построим,
Чтоб ахнул белый свет!“

*

СЕРГЕЙ МАЛАХОВ

Б А Б Ы

Разговаривала
Тверская
Шопотом шин.
Поглаживала площадь,
Как вздутый
живот.
Я — по Тверской,
по Тверской один...
В ухо — гудок!
Гудок!..
и вот:
В шорохе,
шуме,
хряске,
хрусте,
Вздыбив
пенной мордой мотор
автомобиль метнулся
и, задыхаясь
от грусти,
остановился
у самых ног.
Что это —
там...
Нет! —
не верю!
Сплю я, скажите?
или
как —
За спиной шофера
не шляпка
в перьях:
Деревенская баба,
увязанная
в узелках,
К ней — другая
(уселись, конечно):

Тоже в платочке
и сгорбленная
от труда.
Шагнул. Подошел.
Спросил поспешно:
— Товарищи!
Что же это?..
Вы — куда?
— В женотдел!
Делегатки мы
На с'езд.
Автомобиль дернулся
и вперед головой.
И ветер донес:
...„Из Костромы“..
А сердце добавило:
Советской...
Той.
И вот уже вдали
два белых листочка
ветер метет
и кружит низом.
Бабы! Бабы!
сегодня вы
в ситцевых платочках
проехали
по Тверской
в коммунизм.

*

А. Ж.

СТЕПАНИДИН ПОЛЕТ

Степанида встала рано,
Взяв подойник—под корову!
Слышит: треск и шорох странный
Расстиляется над кровом.

— Свят, свят, свят, пойду-ка выйду:
Може нечисть мчит в туманах...
И глазеет Степанида
На полет аэроплана.

— Акулина, Клим, Вавила!..
Ишь, до коих, черти, дремлют...
Глянь: антихристова сила
Опускается на землю.

— Говорила: рано ль, поздно ль,
А пошлет господь напасти;
Трубным гласом воет воздух
За проделки новой власти.

— Полно, — молвит Акулина, —
Чудеса теперь не в моде...

— Видишь:
С воздуха машина
Бег на землю переводит!
Стоп!

И стрекот глуше, глуше...
Девки чуть не очумели:
Вылезает Сашка Грушин..
— Ба, да Сашка... в самом деле!

— Здравсте, братцы, что сробели?
Над деревней я кружился.
Раз... и тут... (затих пропеллер)
Молочка попить спустился.

— Ну, и Сашка, погляжу я!
— Ну, и чудо!.. Ну, жар-птица!..
— От врагов да от буржуев
Бережет она границы...

— Вот те бог! — При этом виде,
Позабыв, что в печке хлеба,
Захотелось Степаниде
Покататься, с'ездить в небо.

Вышел солнца жаркий гребень.
— Бабка, едем ненадолго
Поглядеть, что в синем небе
Никакого нету бога!..

— Ну, и бабка! Вот так птичка!
Чай, теперь видала виды?
На деревню большевичкой
Опустилась Степанида!

— Что толпитесь, зеваки,
Али дома нет заботы?
Клим, пойдем с тобой дензнаки
Собирать для воздухфлота.

*

С. ОГУРЦОВ

АВДОТЬЯ ЕГОРЬЕВНА

П о э м а

Говорите:

Старость — тлен!

А я скажу другое:

В огне великих перемен

В ней веет солнце молодое.

.....
Такая простая.

Платочек ситцевый.

В глазах незабудковый цвет,

Но юностью, юностью, литься ей

На склоне

Седых

Лет.

Все-то тужит Авдотья Егорьевна,

Не о прошлом,

Прошрое — нож,

Было жизни-то целое море ей,

Думала:

— Не перейдешь.

Сколько слез-то,

Печалей-то сколько

(Хмурых мук — отзвеневший путь)

Вспомнить только —

Слезы,

Жуть.

А теперь-то, теперь-то,
Родные,
Не о чем мне тужить,
Хочется, милые, ноне мне
По-новому
Жить.

Думать о новом
Не поздно, ведь,
Хоть и много
На плечах лет.
Жисть-то — ведь — соки медовые,
Жисть-то — маковый цвет.

. . . Сердце старое, старое
Зацвело весной:

— Ах, уж не сила ль бывалая
Со мной?

— На фабрике целая жизнь,
Попробуй,
Попытай ка!

Тужи ль, тужи ль,
Отвяжись!
Я теперича —
Молодайка.

.
Бабушка, бабушка Авдотья,
Маленькая такая — спичка,
Но она говорит:
— Вот я

Скоро буду большевичкой.

* * *

В черный день, в заводское раздолье,
— Умер Ленин! —

Стоном протекло,
Хмурый ветер плакал не с того ли
И стучал в Авдотьино стекло.

И когда в березовых макушках
Воробьиный гомон прозвенел,
Горько, горько плакала старушка
О кумачной, ленинской весне.

* * *

Гудковые всполохи пылали,
Разливаясь в звонкие ручьи,
На партийное собрание собирались
Синеблузники — суровые ткачи.

* * *

И веселым гудком зачарованный
Вечер плывал по макушкам труб.
Ковыляла
Авдотья Егорьевна
В клуб.

Смотрит:
Милые, родные лица,
С ними жизнь ведь целая слита,
Пронеслись живою вереницей
Прошлых дней — поющие ветра.

* * *

Говорила Авдотья Егорьевна:
— Ильича-то? Не знать-то как?
Раз рассеял он горькое горе мне,—
Мрак.

Человек был — просто — золото,
Каждое сердце
Умел

Согреть.
Как же, как же такого-то
Мне
Не жалеть?

* * *

Знаю, родные, знаю я;
Не много осталось жить,
Но хочу научиться знанию,
Хочу коммунисткой быть!

И вот собрание забурлило:

— Принять!
— Принять ее!
— Принять.

И в сердце солнечная сила
Горела, юностью звеня.
И снова:

— Ишь, как голосисты!
А как отрадно ноне мне!
И взоры старой коммунистки
Смеялись Мировой весне.

*

Ф. ШКУЛЕВ

СВОБОДНАЯ ГРАЖДАНКА

Я — свободная гражданка
Из крестьян.

Очи ясные зарницы,
Щеки алы, без румян.

Мило мне полей раздолье;
Я люблю свободный труд,
Руки споро, что машина,
Косят, жнут...

Полюбила я соседа,
Удалого молодца.
Нет в селе примерней парня
Кузнеца.

Я — на воле, в чистом поле,
Он — у пылкого горна,
Будет наша жизнь красива,
Как цветистая весна.

Порешено наше дело,
Он сказал вчера в ответ:
— Завтра, милая соседка,
Повенчает нас Совет.

То-то будет завтра праздник:
Я — крестьянка, он — кузнец.
Жизнь свободную прославит
Пара спаянных сердец.

*

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Седает осень за рекой.
Какой покой
И тишина какая!..
Молотит сердце так легко,
Взволнованно, не умолкая.

Кудрявится седая озимь,
Пахнуло снегом и зимой.
С работы берегом к совхозу
Плетется трактор на покой.

За ним, за ним любимый мой
Поет про солнце и весну
И песней взвеивает тишину...

Ау! — и ветерок подул,
И песня вспыхнет реже, реже...
Эй, скоро, скоро я приду,
Пройду по крепнущему льду
На радующее побережье!..

Скрип сумерок.
Село и поле
По капле затопила мгла.
На деревянной колокольне
Заблеяли колокола.

Волнующийся час,
Рожденный и вечерний,
Трезвоном осыпаящий погост!
О, мать моя,
Пора тебе — к вечерне,
А мне пора в Камышинский совхоз!

Затихни, звон вечеровой
И лепет гаснущих поверий...
Ступлю спокойною ногой
На улыбающийся берег:

Там ждет меня любимый мой!..
Седеет осень за рекой.

*

И. ДОРНИН

В СОВЕТСКИХ СТЕПЯХ

I

По-над речкою туман
Белый расстилается,
У завалинки бурьян
Утру улыбается.

Встану выйду за водой
К реченьке гурливой,
Хорошо молодой
Под кудрявой ивой.

Вдоль по реченьке сады,
Садики зеленые,
По садам по молодым
Яблоки ядреные.

Спелых яблок я нарву
С песней голубиною,
На высокую траву
Сяду под рябиною.

Ты рябина, красно-грудка,
Рябинушка горькая,
Полюбила не на шутку
Комсомольца Кольку я.

Вейтесь,
Вейтесь надо мною,
Листья сизо-клена,
Комсомольскою весною
Сердце опьянено.

Долго наши охали,
Все тужили обо мне —
Хорошо ли, плохо ли
В комсомолье будет мне.

Хорошо — ответила —
Хорошо, да как...
Осенью наметила
В город на рабфак.

Батенька рогатую
Палку показал,
Говорит:
Просватую
Я те, егоза.

Про Совет сказала я, —
Батя замолчал,
Без меня, слыхала я,
На меня ворчал.

Говорит:
Просватаю,
Будь я не Иван...
Эх,
Бушуй под хатую,
Удалой бурьян.

Встану,
Выйду к реченьке,
Подожду дружка,
Вдоль да по-над реченькой
Мята высока.

Вдоль да по-над реченькой
Мяты, мяты — тьма,
По-над быстротеченькой
Стелется туман.

II

Вот и Дунюшка у речки,
К реченьке спустилася,
В речку бросила колечко, —
Речка замутилася.

Не годится комсомолке
На руке носить кольцо,—
Не итти к венцу с Николкой,
По обычаю отцов.

Ты тони,
Тони, колечко,
Заносися тиною,—
Скажу матушке: далечко
Золотое сгинуло.

Скажу батюшке: далеко
В поле укатилось.
Что ж ты, реченька, глубоко
Илом замутилася?

Захлебнулася Дуняша
Песней над водою,—
На селищах ветер машет
Дикой лебедою.

Городьба сбегает мимо
Мельницы высокой.
Чу,
Идет,
Идет любимый
Дуни черноокой.

Конопли ему по пояс.
Ивняки по плечи.
Дуня ровною тропою
К молодцу навстречу.

Милый,
Выслушай меня ты,
Расскажу не сны я,—
Скоро будут у нас сваты,
Свадьбу ждут родные.

Приготовили холсты,
Самогонки горькой,
Говорят:
Дуняша, ты
Нам не перекорь-ка.

Хоть и стар жених-то Тихон,
Да работник дюжий,—
Заживешь ты с мужем лихо,
После не потужишь.

Загорелась комсомолка,
Вспыхнул комсомолец.
Уж давно из-за пригорка
Вышло солнце в поле.

Лишни, Дуня, тут советы,
Дело нам дороже,—
Недалече до Совета,
До Союза тоже.

На деревне нам пора
Своего добиться.
Эка, Дунюшка, жара,
Выпью, дай, водицы.

Убегает речка в бор
С шумным разговором,—
И с каких,
Не знаешь, пор
Речка пахнет бором.

*
ПАВЕЛ ДРУЖИНИН

КОМСОМОЛКА

Шестнадцать лет — в расцвете силы,
В мозгу горячих дум поток.
На голове смешно и мило
Повязан зайчиком платок.

Из-под бровей округлых колко
Сверлят глаза: „чужой иль наш?“
Товарищ Груня—комсомолка,
Трехлетний беспрерывный стаж.

Жизнь не голубит — треплет жестко:
Не вволю щи да черный хлеб.
Порою пялит на подростка
Свои глазища жадный нэп.

А там за тонкой переборкой —
Больной отец, старуха-мать...
Но все равно: с сухою коркой,
А будет, будет продолжать...

Не засосет болото: туго
Осело крепкое в мозгу.
Закажет недругу и другу:
Ни пяди — кровному врагу.

Упорно двигает сознание:
Сегодня в клубе, ровно в пять,
Внеочередное собрание,
Туда поспеть — не опоздать!

*

Я. ШВЕДОВ

У Й Д У

(Из цикла „Комсомолки“)

Эй, прощайте, ржанные поля,
До свиданья, полоски мои вы!
Ну, и пусть про меня говорят,
Что я будто девчонка ленивая.

Эх, люблю я, люблю в поле труд!
Зря болтают, что будто ленивая...
Не люблю на полях я межи
Да ржанные засохшие нивы.

Не ругай, не брани меня, мать,
Не вытягивай, старая, жилы!
Чтоб ученой и умною стать,
В комсомол твоя дочка вступила.

Завтра буду брести по шоссе
Да отсчитывать длинные версты.
Эх, в кармане с билетом лежит,
Выделяясь, в школу разверстка.

Не молился, не плачь, моя мать.
Не молись ты богам, моя старая.
Отучусь, за работу возьмусь —
С тракторами пойду, не по-старому.

Обмотаю с узором свои лапотки,
Обуздаю веревкой онучи,
Сумку с хлебом к себе на плечо
Прикрутивши веревкой покруче.

Ухожу я, иду к городам,
Застучавши кадриль лапотками.
Вот уж в красной Москве провода...
Манят окна меня огоньками.

*

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

А Р И Ш А

I*

Здравствуй, осень,
С дождями по крыше,
С непутевой пургой под окном.
Осень, осень.
Тебя я слышу,
Чуть тряхнешь золотым листом...

И томится, тоскует Ариша
О заветном, о родном...

Что ей осень?
Туманы да вьюги,
Да метелью снесенный плетень...
А, поди вот,—ее подруги
В школу, в первую ходят ступень.

Даже младше Ариши мальчишки:
Вот Гришутке— пошел восьмой,
А гляди ка:
Под мышкой книжки,
И тетрадки, и грифель с доской...

Каждым утром ватагой веселой
Идут дети в приветливый дом...

Резвый ветер промчится в поле,
Прошумит золотым листом.

А Ариша
Тоскует о школе,
И грустит, и грустит под окном...

II

Так безрадостно, тускло и нудно
Протекают осенние дни.
Набегают на праздники будни,
Как колеса на кочки и пни.

Праздник: брань ядовито и звонко,
И молитвы, и песни в углу...
Вот отец, отравясь самогонкой,
В муках корчится на полу.

Мать, устав от недавних побоев,
Проворчит уголками губ:
— Разве дело, дитя родное,
Шляться в этот... комсомольский клуб?

Чтоб пропасть те с твоим комсомолом.
Не до лекций нам, не до игры...
Говоришь, это та же школа.
Школа-то
Не для нашей сестры!

Мужику, знамо, грамота—гоже.
Что ж? На то он в дому человек...
У меня, вот, без грамоты прожит,
Дай бог всякому, бабий век.

Выйдешь замуж, пойдут ребятишки,
И в хозяйстве закружатся дни.
Не до школ, не до школ нам, Аришка,
Не до лекций и не до книг!

Закипело Аришино сердце.
Рвется сердце: на волю пусти!
Ей не верится, нет, не верится,
Что бессветная мгла на пути.

Нет, неправда, неправда, матка...
Подросту чуть, пойду в Исполком,
Тетю Веру спрошу. делегатку,
Как устроиться в детский дом?

Мать взбаюкана злыми веками,
Потому и твердит: не учись..
Как же быть, коль своими руками
Так хочу я построить жизнь?!

Как же быть,
Коль хочу из неволи
Я, как ветер, прорваться вьюном?

III

И тоскует Ариша
О школе,
И грустит, и грустит под окном.

*

И. ДОРОНИН

П Е С Н Я

Комсомолочка
Черноглазая,
Свела молодца
С ума-разума.

Пусть разутая,
Пусть раздетая,
Полюбил тебя
Больше света я.

Полушалок твой
Да калиновый
Вижу каждый день
За овинами.

Ты поешь, поешь,
А я слушаю,
Под зеленою
Шумной грушею.

Думу думаю,
Думку сокола:
Кабы ты прошла,
Дуня, около.

Кабы мне с тобой
Разговор завести,
Рассказать тебе,
Что на сердце есть.

Батка лютый мой
Все ругается,
Женить молодца
Собирается.

— Ты женись, женись.
Брось собачью спесь,
Для тебя уж, сын,
И невеста есть.

Не гнушайся ты
Моей волею
Ничего не даст
Комсомолия.

На ответ отцу,
Неуменому,
Только сдвину я
Брови темные.

Да скажу тебе:
— Полно дурь терпеть,
У тебя ль в груди
Мало сил теперь?

На полях, полях,
Больно ширь чиста,
Заливай поля.
Парень, посвистом.

Ой, ты молодость,
Разудалая.
Время-времечко
Невидалое.

Хорошо душе,
Так и рвется в лет,
Потому что нет
На душе тягот.

Потому что жизнь
Зреет вишнями,
А у жизни. вишь,
Мы не лишние.

Комсомолочка
Черноглазая,
Свела молодца
С ума-разума.

В. КУМАЧ

КОМСОМОЛКА ДУНЯ

Наша Дуня, как цветочек,
На ней аленький платочек.

Э-эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
Комсомолочка моя.

У Дуняши много дела,—
Вся от дела похудела.

Э-эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
Неустанная моя.

На деревне всех детей
Дуня учит без затей.

Э-эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
Неустанная моя.

Баб Дуняша собирает,
Вслух газеты им читает.

Э-эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
Неустанная моя.

Меж сугробами с трудом.
Дуня, глядь, бежит в Нардом.

Э-эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
Неустанная моя.

На все руки мастерица,
И актриса и певица.

Э-эх, Дуня, Дуня. Дуня, я,
Пташка красная моя.

Сватал Дуню наш кулак,
Говорил он Дуне так:

Всех сильнее, Дуня, я,
Дуня—ягодка моя.

Ты бросай-ка, Дуня, книжки,
Я богаче, чем мальчишки.

Э-эх, Дуня, знаю я:
Будешь, Дуня, ты моя.

У меня не жизнь, а рай,—
Все, что хочешь, выбирай.

Эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
Будешь, Дуня, ты моя.

Будешь жить всегда в покое,
Будешь есть всегда жаркое.

Э-эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
Ну, скажи, что ты моя.

Разобрал тут Дуню смех;
Дуня крикнула при всех:

Э-эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
За тебя не выйду я.

Кулаку не будет толку,
Коль возьмет он комсомолку.

Э-эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
С кулами—нет житья.

На деревне ты кулак.
Комсомольцам первый враг.

Э-эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
Мне с тобою нет житья.

Пропую я песню эту
По всему-то белу свету.

Э-эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
С кулаками нет житья

Не тебе я суждена—
Мне другая жизнь дана.

Э-эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
Жизнь свободная моя.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Р А Б О Т Н И Ц Е

Пойдем же рядом, душа родная,
Одной дорогой к мечте одной,
Судьбу и счастье свои сливая
С рабочим классом, с его судьбой.

И если, к цели идя за ними,
Один устанет и упадет,
Другой поддержит, другой поднимет,
И тот воспрянет и вновь пойдет.

Но я не мыслю, чтоб мы устали.
Никто не может остановить
Души рабочей — души из стали,
Она не может не победить.

Мы гордо стали на путь огнистый,
Бессмертной мыслью мы все горим.
Мы — воля к жизни. Мы — коммунисты,
И мы добьемся, мы победим!

Все побеждая, все достигая
Единой волей души стальной,
Пойдем же рядом, душа родная,
Одной дорогой к мечте одной.

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ КЛЯТВА ЗАЙНЕТ

1

Вошла и сказала ему „саламат“ ¹⁾,
Мирза потянулся и хмыкнул в халат,
Жена у Мирзы—хоть картину пиши.

— „Якши!“ ²⁾

Жена у Мирзы—его третья жена—
Юна и, как тополь высокий, стройна.
Средь женщин бухарских прекраснее нет
Зайнет.

Узбекам, двум братьям ее удалым,
Большой за нее уплатил он калым, ³⁾
И третий замок он навесил на дверь
В ичкерь. ⁴⁾

2

Под присмотром свирепой свекрови,
Злобно хмулившей брови,
Проходила Зайнет, прикрываясь чадрой,
Мимо—страшно сказать!—„Комсомола“,
Где, гудя, как пчелиный встревоженный рой,
Жизнью новой бурлила советская школа.
Где на все голоса и лады,
Нараспев повторяли, твердили склады
Из украшенной ленинским обликом книжки
Черноглазые бой-ребятишки:

— „Ну дыр бай-ляр-дан ер-ал-ды
Ек-са-ляра бер-ды...“

Дома сонный, обрюзглый, помятый,
Ждал Зайнет ее муж и владыка, Мирза.

И вздохнула Зайнет, опуская глаза.

— „Проклятый!!“

— Велик Алла!—

— Велик Алла!—

На минарете пел мулла
Святой напев молитвы краткой.
Презрев домашний произвол,
Зайнет вбежала в „Комсомол“,
Скользнувши в дверь, как тень, украдкой.

— „Зайнет! откуда ты, скажи
Пришла домой без паранджи? ⁵⁾
Ты осквернила дом изменой.
Где ты была, шакалья кровь?“
Шипела яростно свекровь,
Кривя злой рот, покрытый пеной.
И отвечала ей Зайнет:

— „Была я там, где светит свет,
Где учат ленинским законам.
Где объясняют, как найти
К свободе верные пути
Бухарским девушкам и женам!“
А через день тупой Мирза,
Покорных жен своих гроза,
Рычал от злости и от боли:
Он потерял Зайнет—жену,
Зайнет бежала в Фергану,
Зайнет спаслася от неволи!

Год тяжкого труда—по дням и по ночам—
Прошел, как светлый сон, для боевой беглянки
С какою верою живой ее речам
Внимали бедные дехканки! ⁶⁾
На фронте шла она в разведку и в секрет.
И басмачи не раз бранились бранью злобной:
— „Поймаем, пуля в лоб! У красных больше нет
Другой разведчицы подобной!“
Рвалась к подвигам—и тем была жива,
Всегда—на скакуне иль полковой двуколке.
И легендарная уже росла молва
О черноглазой комсомолке.

Хмурый Мирза в Фергане
В грязной сидит чайхане ⁷⁾,
Полон замыслом темным,
Дал, не скупясь, он монет,
Кун ⁸⁾ за убийство Зайнет,
Двум убийцам наемным.

Был их ответ:

— „Потерпи, мы уж разыщем в степи
След твоей комсомолки!“
Ночью, напавши на след,
Смяли узбеки Зайнет, словно дикие волки.
Рвали, оскалив клыки,
Жилы из левой руки,
— „Будешь вечно калека!“ —
В шею, дробя позвонки,
Острый вонзили клинок
Два преступных узбека.

Прошло пять месяцев. Ферганская больница.
Зайнет — в повязках вся, лицо — кровавый струп.
Нет, не кошмарный сон ей снится,
Она — калека, полутруп.
Блуждает взор, и речь Зайнет звучит невнятно,
Слух острый притуплен, трясется голова.
Врачи дивятся: „Непонятно,
Как ты осталась жива!“.
Зайнет свезли в Москву. Москва сильна наукой:
Зайнет возвращены и речь, и взор, и слух.
И в комсомолке однорукой
Зажегся вновь бунтарский дух.
„Коммунистический университет трудящихся Востока“
Зайнет мерещится во сне и наяву.
У гроба нового пророка

Она сказала: „*И живу!*“¹
И ты — живешь во мне заветами твоими. —
*На родине моей — в кишлак*²) *из кишлака*
Дехканкам темным я их понесу, пока
Сумеет начертить твоё родное имя
Моя последняя рука“!.

* * *

-
- 1) Саламат — приветствие.
2) Якши — хорошо.
3) Калым — выкуп за невесту.
4) Ичкерь — внутренний двор.
5) Паранджа — лицевое покрывало.
6) Дехканки — крестьянки.
7) Чайхана — вроде чайной.
8) Кун — награда за месть.
9) Кишлак — деревня.

ВМЕСТЕ С РАБОЧИМ КЛАССОМ

Н. ТИХОМИРОВ

БРАТЬЯ

Мы с тобой родные братья:
Я—рабочий, ты—мужик;
Наши крепкие об'ятья—
Смерть и гибель для владык.

Я кую, ты пахнешь поле—
Оба мы трудом живем,
Оба рвемся к светлой воле,
С бою каждый шаг берем.

Я сверлю земные недра,
Добываю сталь и медь;
Награжу тебя я щедро
За твои труды и снесь.

Наши руки мощью дышат,
Наши груди крепче лат;
Наши очи мстью пышут,—
Постоим за брата брат.

Мы с тобой родные братья:
Я—рабочий, ты—мужик,
Наши крепкие об'ятья—
Смерть и гибель для владык.

*

Д СЕМЕНОВСКИЙ

ТОВАРИЩ

Как ветер весенний, неожиданно и ново,
Меж нами промчалось священное слово,
Заветное слово одно:

„Товарищ“.

Как песня звучит нам оно.
В нем — пылкая вера и жар упования,
Гроза мятежа, торжество ликования
И братьям от братьев привет:

„Товарищ“.

Прекраснее имени нет.
Оно неразлучно со знаменем красным,
С восторгом народным, кипучим и страстным,
И с бурей гнева его...

„Товарищ“.

Нам братство дороже всего...
Мы выкуем счастье родимому краю,
Чтоб стала подобна чудесному раю
Свободная наша страна...

„Товарищ“.

Мы — сила, мы — воля одна.

*

ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВ

Ш А Г И

По всей земле, где пальм узор резной
И сонный зной, и там, где вой пурги,
Они звучат, как крепнущий прибой,
Тяжелые рабочие шаги.

Я слышу их, как сердца мерный бой,
Их грозный гул вздымает города,
Они звучат, как голос роковой,
Неотвратимые шаги труда.
Вот рыщет страх, и полночь, как палач.
Молчат дворцы. Погасли фонари...
Звучат шаги.. Кровавится кумач.
Кто там дрожит за дорогим драпри?
Дробь пулеметов, пушек перезвон,
Судьба дворцов решится до зари,
В смертельной схватке мускулы туги.
Огнем и кровью город обагрел.
Тяжелые рабочие шаги.
Настанет час, их громовой раскат
Наполнит мир, падут во прах враги,
Но всей земле победно прозвучат
Тяжелые рабочие шаги.

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ЛАПОТЬ И САПОГ

Над переулочком стал дождик частый крапать.
Народ—кто по дворам, кто—под навес бегом.
У заводских ворот столкнулся старый лапоть
С ободраным рабочим сапогом.

— „Ну что, брат-лапоть, как делишки?“

С соседом речь завел сапог.

— „Не говори... Казнит меня за что-то бог.

Жена больна и голодны детишки...

И сам, как видишь, тощ,

Как хвощ...

Последние проели животишки“...

— „Что так? Аль мир тебе не захотел помочь?“

— „Не, мира не порочь.

Мир... он бы, чай, помог... Да мы-то не миряне“.

— „Что ж? Лапти перешли в дворяне?“

— „Ох, не шути...

Мы—хуторяне“.

— „Ахти!

На хутора пошел?! С ума ты, что ли выжил?"

— „Почти!

От опчества себя сам сдуру отчекрыжил!

Тупая голова осилить не могла,

Куда начальство клонит.

Какая речь была: — „Вас, братцы, из села

Никто не гонит.

Да мир, ведь, кабала. Давно понять пора;

Кто не пойдет на хутора,

Сам счастье проворонит.

Свое тягло

Не тяжело

И не недсадно.

Рукам легко, душе отраднo.

Рай — не житье: в мороз — тепло,

В жару — прохладно!"

Уж так-то выходило складно.

Спервоначалу нам беда и не в знатье.

Поверили. Изведали житье.

Ох, будь оно неладно.

Уж я те говорю... Уж я те говорю...

Такая жизнь пришла: заране гроб сколотишь.

Кажинный день себя, ослопину, корю.

Да что?! Пропало — не воротишь.

Теперя по местам по разным, брат, пойду

Похлопотать насчет способья".

Взглянув на лапоть исподлобья,

Вздохнул сапог: — „Эхма! Ты заслужил беду.

Полна еще изрядно сору

Твоя плетеная башка.

Судьба твоя как ни тяжка, —

Тяжеле будет, знай, раз нет в тебе „душка"

Насчет отпору.

Ты пригляделся бы хоть к нам,

К рабочим сапогам.

Один у каши, брат, загинет.

А вот на нас на всех пусть петлю кто накинет!

Уж сколько раз враги пытались толковать:

„Ох, эти сапоги! Их надо подковать!"

Пускай их говорят. А мы-то не горюем.
Один за одного мы—в воду и в огонь!
Попробуй-ка, нас тронь.
Мы повоюем!*

САМОБЫТНИК (МАШИРОВ)

ПРОЛЕТАРИЙ

Крепкие руки, хлеб да вода,
С скарбом убогим мешок неизменный,
Вот он творец мирового труда
И гражданин всей вселенной!..

С этим именем он версты идет..
Ночи несется в вагоне трясучем,
Через моря, океаны плывет
С пламенем в сердце могучем.

Может быть, в вечном пути за трудом
Жить на чужбине ему придется—
Станет родимым скитальческий дом,
Родиной—даль назовется...

В шахтах, заводах чужих городов,
Грезы о детстве растают без цели...
И не увидит вовеки он вновь
Места своей колыбели...

К грозным лишениям готовый всегда,
С силой в могучих руках неизменной—
Вот он—создатель земного труда
И гражданин всей вселенной...

*

Н. ТИХОМИРОВ

ШЕРШАВАЯ ЛАДОНЬ

Расту, расту. Стальные нервы
Закалены среди машин,
Я не последний и не первый
Пришел от голубых равнин.

Пришел, пропахнувший лесами,
И с песнями плакучих ив;
Смотрел я детскими глазами
На стянутый ремнями шкив.

Смотрел и думал молчаливо
Под пляску звонких молотков,
И пряталась в душе пугливо —
Семья печальных васильков.

Так с каждым днем все реже, реже,
Всплывало дальнее село,
И новый мир в душе забрезжил,
Запело сердце, зацвело.

Я полюбил душой глубоко
Заводский грохот и огонь,
Насыщена железным соком
Моя шершавая ладонь.

*

ВЛ. КИРИЛЛОВ

ПАМЯТИ КАРЛА МАРКСА

Пророк грядущих радостных веков,
Крылатой мысли пламенный титан,
Ты бросил в мир мятежно-страстный зов:
Восстаньте, угнетенные всех стран!
Чудовищу, чье имя Капитал,
Ты, мудрый, дал испытать смертельный яд.

И старый мир от боли застонал,
Предчувствием мучительным об'ят.
Как молнии сверкающий излом,
Как солнце, побеждающее мрак,
В учении пленительном твоём
Открылся нам спасительный маяк.
Твои мечты, как стаи алых птиц,
Дыханьем радости над миром пронеслись —
Навстречу им, как зарево зарниц.
Костры восстаний к небу поднялись.
Над ужасом московских баррикад
В тот страшный час не твой ли реял дух.
Париж... Коммуна .. Красный Петроград
Еще не раз взволнуют братский слух.
Пророк грядущих солнечных веков,
Могучей мысли пламенный титан,
Ты бросил в мир великий властный зов:
Восстаньте, пролетарии всех стран!

*

ВЛАДИМИР ЗАВОДЧИКОВ

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Париж в багровом облаке,
Париж в крови, в дыму.
Штыки плывут терновником,
Пощады никому.
Коммуна плавает в крови,
От крови пьян Версаль,
На мостовой весь день стоит
Багровая роса.
Как лакированный сапог,
Блестит Париж собой.
Имел кто пару рук и ног,
Шли в баррикадный бой.
Версаль кровавый правит пир,
Возликовал в крови.
Алеет след—кто где ступил.
За сдвигом смертный сдвиг
Несут версальские полки

Последним баррикадам.
Коммуне не сломать полки,
Все реже взводятся курки,—
Давно Коммуне падать.
За вспышкой вспышка в полымя —
Но отвечают реже.
И, взяв руками голыми,
Коммуне сердце режут.
Никто не просит жалости.
(Попросит разве глупый)...
Свинцом Коммуну жалили
На каменных уступах.
И крови алая река
По мостовой бежала.
Была Коммуна — искорка
Грядущего пожара.
Не знал Версаль, не знал Париж,
Что есть страна на свете,
Где искру в полымя вспылит
Октябрьский алый ветер.

*

САМОБЫТНИК (МАШИРОВ)

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ

I

Неволи царской боль остра...
Кто дерзко станет на порог?
Кто прозвенит в мятежный рог:
Пора, пора, пора...

О, день суровых первых проб,
Призывный праздник Января,
Отцовской веры верный гроб,
Грядущего заря!

Довольно в сумерках гореть!
Пора свободу дать сердцам,
Разрушить гнет иль умереть,
В последний раз—к дворцам!

О, дайте, дайте нам вздохнуть,
Открыть на волю дайте дверь!
И грянул залп. Железом в грудь
Ответил лютый зверь...

Но в окровавленном снегу
Услышит ветер наш зарок,
Он прозвенит в железный рог,
В ответный рог — врагу.

2

Из темных корпусов завода
Выходят толпы там и тут...
Сегодня в первый раз свобода
Зажгла огнем мятежный труд.

А ветер в воздухе полощет
Хоругви сумрачной крыло.
Сегодня выйдет царь на площадь,
И будет солнечно, светло.

В грядущих звуках колокольных
Душа куда-то рвется в даль...
И он прочтет из рук мозольных
Железной повести печаль...

Зачем же скорбною разлукой
Мне сердце юное гнетет?
Подаст ли нам свою он руку
И защитит ли от господ?

А если в ледяной пустыне
Порыв живой погибнет зря...
Тогда мы скажем, что отныне,
Отныне нет у нас царя!

3

Свершилось! Круг волшебный начат.
Взметнулось пламя гордых душ.
Зачем же ветер скорбно плачет,
И белый снег угрюмо прячет
Следы кровавых, темных луж?..

Глухой дворец смеется скупой:
Вот, мол, вам царская любовь...
Кругом неубранные трупы,
Да извод солдат нетрезвых глупо
Свои винтовки целил вновь...

Мираж рассеялся лукавый,
Угасло пламя первых встреч,
Он был не царь—палач кровавый,
Так пусть гремит грозою правой
Над ним карающий наш меч.

4

Вставай, подымайся рабочий народ.
В суровой борьбе—поворот...
Дохнул из предместий, сквозь копоть и гарь,
Грозой обожженный Январь.

„Вставай, подымайся“, в подполье глухом
Гремит искупительный гром!

И гневных сердец окрыленную ширь
Не сломит тюрьма и Сибирь...

„Вставай, подымайся“, предместья поют,
Стальные гиганты встают.

И выстрелам царским ответит набат
Мятежным огнем баррикад.

5

За нашу кровь придет расплата—
Душа солдата не мертва,
В грозе весеннего раската
Созреют вольные слова.

В казарме сумрачной, острожной
Он страх свой ложный проклянет,
И наша кровь в душе тревожной
Священным гневом расцветет.

В неумолимом приговоре,
В железном споре — дрогнет враг.
Как буреvestник, в Черном море
Вззовьется вольный красный флаг.

И пролетарской власти дверца,
Как лев, поднимется Кронштадт,
Свеаборг — пламенное сердце —
Забьется с нашим сердцем в лад.

И грянет колокольной песней
Старушка — древняя Москва.
Над окровавленной Пресней
Сплетется красная молва.

И ни сомненьем, ни изменой
Не осквернится наша кровь,
В тревожных выстрелах над Леной
Она грозой воспрянет вновь.

И в годы горя жизни бледной
Она скует железный щит
И, словно колокол победный,
В Октябрьский праздник зазвучит.

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Л Е Н А

4 апреля 1912 г. (Ленский расстрел рабочих)

Жена кормильца-мужа ждет,
Прижав к груди малюток-деток.
— Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитым рядом.
Семья друзей вкруг них лежит,
Зловещий холм на поле талом.

И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце внешнее блестит.
И бог злодейства не осудит.
— О, братья. Проклят, проклят будет.
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

М А Й

Подмыв под голову пеньку,
Рад первомайскому деньку,
Батрак Лука дремал на солнышке.
— „Лука! — будил его хозяин: — а Лука!
Ты что ж? Всерьез? Аль так валяешь дурака?
С чего те вздумалось валяться, лежебоке?
Ну, полежал и будет. Ась?
Молчишь. Оглох ты, что ли?
Ой, парень, взял себе ты, вижу, много воли.
Ты думаешь, что я не подглядел вчерась,
Какую прятал ты листовку?
Опять из города! Опять про забастовку?
Все голь фабричная.. У, распроклятый сброд..
Деревня им нужна.. Мутить простой народ..
„Ма-ев ка!“ Знаем мы маевку.
За что я к Пасхе-то купил тебе поддевку?
За что?.. Эх, брат Лука!..
Эх, милый, не дури... Одумайся... пока..
Добром прошу.. Потом уж не жди поблажки..
Попробуешь, скотина, каталажки!
До стражника подать рукой!“
Тут что-то сделалось с Лукой.
Вскочил, побагровел. Глаза горят, как свечи.
— „Хозяин!“ — вымолвил; „запомни.. этот.. май!..
И, сжавши кулаки и разминая плечи,
Прибавил яростно: „Слышь? Лучше не замай!“

П. ОРЕШИН

* * *

Расцветайте! — мы свободны, —
Расцветайте все цветы.
Май — наш праздник всенародный —
Красный праздник нищеты.

Май сегодня развернем мы
Стягом воли и труда.
Мы — бесчисленные сонмы,
Небо, звезды и вода.

Наши мысли — наши рельсы,
Наш величественный путь.
Больше радости и песен,
Чтоб забыть былую жуть!

Мы боролись, мы страдали —
В тюрьмах, ссылках, мастерских.
Мы все цепи разорвали,
Мы в победах огневых.

Светят звездами мозоли,
Светят радостью глаза.
Мчатся быстро в светлом поле
Нашей силой поезда.

Скрип колес чугунных множит
Наше счастье — и кругом
Все отрадней, все моложе —
Шар земной перекуем!

Это мы за океаны
Мчимся молнии быстрей..
— Бей в литавры, в барабаны,
В трубы дуйте веселей!

Все мы — стяг веселый Мая,
Радость воли и труда;
Наша песня боевая,
Наши в поле поезда!

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

1 мая 1918 г.

Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы — в огненном кольце!
На нас идет вся хищная порода.
Насильники стоят в родном краю.
Судьбою нам дано лишь два исхода:
Иль победить, иль честно пасть в бою.
Но в тяжкий час, сомкнув свои отряды
И к небесам взметнув наш алый флаг,
Мы верим все, что за кольцом осады
Другим кольцом охвачен злобный враг, —
Что братская к нам скоро рать пробьется,
Что близится приход великих дней,
Тех дней, когда в тылу врага сольется
В сплошной огонь кольцо иных огней.
Товарищи! в возвышенных надеждах,
Кто духом пал, отрады не найдет.
Позор тому, кто в траурных одеждах
Сегодня к нам на праздник наш придет.
Товарищи, в день славного кануна
Пусть прогремит наш лозунг боевой:
— Да здравствует всемирная коммуна!
— Да здравствует наш праздник трудовой!

*

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПЕСНЯ ТРУДА

Вставайте, воины труда!
Нас ждет веселая страда.
Как летним днем пчелиный рой,
Мы развернем рабочий строй:

В лесу, на ниве, на лугу
Мы страшный бой дадим врагу,
Дадим великий, смертный бой
Нужде народной, вековой.

Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Всему, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче — плуг, —
Работай, друг!

* *
*

Зажав в зеленые тиски
Непроходимые пески,
Дав им приток живой воды,
Мы на песках взрастим сады.
Покрывши сетью рвов, плотин,
Болот миллионы десятин,
Родную Русь из края в край
Мы превратим в цветущий рай.

Поет пила. Звенит топор.
С нуждою труд вступает в спор.
Чтоб закипела жизнь вокруг,
Работай, друг!

* *
*

Где зверь досель не мог пройти,
Пробьем мы новые пути,
Где топь болотная была,
Дорога ляжет, как стрела,
Стальная ляжет колея, —
Над нею вырастет семья
Посадов, сел и городов
Под грохот быстрых поездов.

Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Всему, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче — плуг, —
Работай, друг!

* * *

По мощным рекам там и тут
И вверх и вниз гуськом пойдут
Неисчислимые суда
С плодами нашего труда.
Сольются в бодрый шум и гам
По оживленным берегам
Среди полей, среди лесов
Миллионы новых голосов.

Поет пила. Звенит топор.
С нуждою труд вступает в спор.
Чтоб закипела жизнь вокруг,
Работай, друг!

* * *

В заводах трубы задымят,
Станки, машины загремят,
Покорный воле трудовой
Запляшет молот паровой.
По деревням — рабочий дар —
Из складов двинется товар:
Вагоны кос, упряжек, шин,
Сельскохозяйственных машин.

Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Всему, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче — плуг, —
Работай, друг!

* * *

Крестьяне, сбросив сон былой,
Всех трутней выгонят долой.
Лачуги дымные снеся,
Деревня вырядится вся,
Пред каждой новой избой
Балкончик выведет с резьбой, —
Настанет ночь — забрызжет в ней
Свет электрических огней.

Поет пила. Звенит топор,
С нуждою труд вступает в спор.
Чтоб закипела жизнь вокруг,
Работай, друг!

* * *

Придет досужая пора,
Набьется в школы детвора,
В читальни взрослые пойдут,
В газетах новости найдут,
А в умных книгах — знаний клад:
Как строить жизнь на новый лад
И как вести свои дела,
Чтоб Русь в довольстве расцвела.

Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Всему, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче — плуг, —
Работай, друг!

* * *

Жизнь в городах забьет ключом.
Нужды не ведая ни в чем,
Исполнив свой урочный труд,
Весь городской рабочий люд
Умно использует досуг
В кругу родных, друзей, подруг,
Отдавшись полностью тому,
Что близко сердцу и уму.

Поет пила. Звенит топор.
С нуждою труд вступают в спор.
Чтоб закипела жизнь вокруг,
Работай, друг!

* * *

Вставайте, воины труда!
Вас ждет великая страда,
Последний трудный переход
К счастливой жизни — без господ

И без господского кнута.
Встань, трудовая беднота,
Горя священной враждой,
На битву с рабством и нуждой!

Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Всему, товарищ, свой черед:
Вчера — винтовка, нынче — плуг, —
Работай, друг!

1

ИВ. ДОРОНИН

УМЕР ЛЕНИН

(Песня на смерть его)

1

Ленин,
Милый,
Отец наш,
Учитель,

Сердце не хочет
Каменных плит.

Ленин,
Милый,

Верить ли,
Верить ли,

Ты ли убит
Стужей осенней.

Ленин,
Милый,

Ты ли, весенней
Думы разлив,
Мысли весенней

Гурливый луг,
Вдруг
Застыл.

.

2

Ленин,
Милый,
Отец наш,
Учитель,

Вчера только пелась
О трубах в дубах,
О трубах в дубах,
О стали в сирени,—

Ни облачка тени
Вчера на душе.

Ленин,
Милый,

Вчера в камыше
Гудели гудки
Лебедей белоперых,
И думалось:
Скоро
Серебряным бором
Под звоны трамвая
Опять боевая
Прокатится речь Ильича.

Ленин,
Милый,

Вчера у ручья
Мы плуги ковали
И пели:
Трава ли
Заглушит завод,
Полынь ли
Динамо заглушит.

В уши
Плескались
Рокоты вод,
Каждый ремень,
Каждый привод
Был
На полном ходу.

Мы пели
И в этом,
И в прошлом году.

Мы пели.
Мы верили,
Верили крепко,
Что снова вождя синеглазого кепка
Будет
У наших дубрав,
У наших
Зеленых ворот.

.

3

И вот
Эта утрата —
Свинцовая туча
Над головой.

.

4

Помнится
Вой
Врагов озверелых,
Натиск разбойный
Белых.

Глушь Сибири,
Гул Перекопа.

Холод.

Сырость окопов,
Сырость полей.

Голод

Зимние выюги,
Снега.

Груды углей,
Изрубленных трупов.

Волны кровавые
Лены,
Днепра.

.

5

Ленин,
Милый,
Отец наш,
Учитель,

Можно ли мыслить
Нас без тебя...
Только вчера
Твой голос, как рупор,
Трубил на заре:
— Единство мысли,
— Смычка,
— Общий удар.

Ленин,
Милый,
В сердце пожар,
Сердцу несказанно больно,
Хочется плакать глазам.

Ленин,
Милый,
Как показать
Этим стихом беспокойным
Все горе,
Всю боль
Нашей потери!

.

Плачут, плачут на горе лозины,
 Подо льдами реченька рыдает;
 За деревней на равнинах
 Протянулася дороженька худая.

Был Ильич—не стало Ильича.

У деревни за овражным валом
 Зимовалые грачи кричат.

Был Ильич—не стало Ильича,
 Смычки гения не стало.

Плачут, плачут на горе лозины,
 Почернели иглы елей;
 Горькую полынную кручину
 Заметут ли на полях мятели...

Горькую полынную кручину
 С корпусов несет ветров буян.

Это горе никогда не скинуть
 С плеч рабочих и крестьян.

В прошлом сохи,
 В прошлом бороны,
 А сегодня тракторы на взгорье.

Так зачем же тучи воронов
 Кружатся над нашим горем?

Был Ильич—не стало Ильича.

У деревни за овражным валом
 Зимовалые грачи кричат.

Был Ильич—не стало Ильича,
 Смычки гения не стало.

• • • • •

7

Ленин,
Милый,
Отец наш,
Учитель,

Сердце не хочет
Каменных плит.

Ленин,
Милый,

Верить ли,
Верить ли,

Ты ли убит
Стужей осенней...

Ленин,
Милый,

Ты ли, весенней
Думы разлив,
Мысли весенней
Гурливый луг,
Вдруг
Застыл.

.

8

Нет,
Не верим,
Не верим, не верим,
Нам Ильичем
Верить не велено...

Ленин жив,
Вечно будет
В наших грудях
Биться
Сердце Ленина.

.

* * *

НИКОЛАИ КУЗНЕЦОВ

ГАРМОНЬ

Поэма

В синий вечер у дальней заставы,
Когда вспыхивал в окнах огонь,
Молодых собирая и старых,
Зазвенела, запела гармонь.

И гармонь-то, как видно, из старых,
Облупились лады и бока,
Знать у многих молодчиков бравых
Побывала она в руках.

Подошел я и сел послушать
Средь веселых девчат и парней.
Льются в сердце мое и душат
Грусть и радость минувших дней.

I

Эту звонкую гармонь
Тульский мастер мастерил,
Он вложил в нее огонь:
Заиграет — кровь горит.
На утеху молодым
Подбирал ее лады.
Дюже был доволен сам
Тонким, звонким голосам.

А купил ее Ванек,
Бравый парень без сапог.
Под его рукой умелой
В первый раз гармонь запела:
— Тула, Тула, Тула я,
Тула родина моя.

II

Все сошли с ума с гармонии:
Стоит только заиграть —
Вечерами на прогоне
Песни, пляска до утра.

В темны ноченьки припевками,
На полях пугая сонь,
Баловались парни с девками
И влюблялись под гармонь.

А в одну из почек мгlistых,
Не заметив даже как,
Полюбила гармониста
Таня — дочка кулака.

III

У Танюши батя строгий
И на дочку смотрит косо,
Провинилась — живо в ноги,
А не то таскать за косы.

О женитьбе с гармонистом
И не думай говорить.
Хочет сватать ее пристав,
Что же делать, как же быть?

Приходилось ей молчать,
Все скрывая от отца,
Но, как прежде, по ночам
Миловала молодца.

Ну, понятно, эти ночки,
Эти звонкие лады,
Доведут ведь до беды!

.
Убежала скоро дочка
С гармонистом молодым

IV

Там, где дымом труб кирпичных
Синий воздух продымило,
На окраине фабричной,
Поселился Ваня с милой.

По утрам гудок басистый
Вызывал их на работу.
Только скоро гармонисту
Села на плечи забота.

И в трактир частенько вечером
Он с друзьями по станкам
Заходил тоску залечивать:
Наливать вином стакан.

Каждый день грозил им голодом,
Горе следом завсегда.
Только где-то в центре города
Сладко жилось господам.

Вечерами ж в дни воскресные,
Когда вспыхивал огонь,
О рабочей жизни песнею
Горько плакалась гармонь.

V

Как-то раз придя в завод
Увидали:

— Что за чорт!
— Откуда взяться?

Чья-то ловкая рука
Разложила по станкам
Ряд белевших прокламаций,
А за эти за листовки
Не погладят по головке,
Живо сядешь за решетку!
И, листовками шурша,
Прочитали все, спеша:
— Вы-хо-дите на маевку!

VI

Лес, поляна, солнце, речка.
Ни жандарма, ни солдата.
Влез на пень и пылкой речью
Жжет сердца людей оратор.

Сыплет голосом басистым,
Что ни слово, то — огонь.
И в руках у гармониста
Призадумалась гармонь.

Призадумались и люди,
Мысли в мозг оравой лезут.
Кончил он, гармонь и груди
Загремели „Марсельезой“.

Были все от песни пьяны,
А из лесу, как собаки,
Бандой буйной на поляну
Мчались бешено казаки.

Налетели

с гиком,

свистом,

Бьют нагайками и шашкой.

.
В этот день у гармониста
Кровь стекала под рубашкой.

VII

Мчались дни... наступила година,
Были матери, жены в слезах,
Оттого, что на польских равнинах
Загремела войны гроза.

На полях, где страданье и стоны,
Грохот взрывов, пальба и огонь,
Унесли гармониста вагоны,
Вместе с ним и его гармонь.

VIII

Поле как в агонии,
Ухало, рвало.
Где тут до гармонии,
Звонкой, удалой!

Бомбы и шрапнели
Рвутся с лязгом, звоном,
Серые шинели
Падают со стоном.

Это хуже ада,
Если дни и ночи
Рвут тела снаряды
Мужиков, рабочих.

Каждый день — угроза,
Многих уже не стало.
А гармонь в обозе
Тыловом дремала.

IX

Полк в окопах потрепанный сильно
Отослали пополнить ряды.
И в селе вечерами синими
Снова запели лады.

Отдохнули солдаты немножко,
Хоть вдали пулеметы татакали,
И под звоны грустящей гармошки
Пели, плясали и плакали.

И солдат, невзлюбивших погоню,
Подбивали ее голоса,
О суровых забыв законах,
От войны убежать в леса.

И в тоске по родимым местам,
Пока еще пульей не слопан,
Не один убежал из окопов,
Не один дезертиром стал.

Х

Приутихнул грохот батарей,
День с утра дождями плакал.
Было больно, тяжело смотреть,
Как прощались люди пред атакой.

— Не вернуться видно нам домой!
Если жив останешься, братишка,
Напиши родным моим письмо,
Мне же... чует сердце, крышка.

А когда навстречу верной смерти
Побежали с криками „ура“,
Опускались руки, словно плети,
И не страшно было умирать.

Каждый взрыв снарядов, то и дело,
Вырывал солдатские ряды.

В этот день гармонь осиротела,
И надолго смолкнули лады.

XI

Дни — это взбешенные кони,
Назад никогда не вернуться им.
Шла весна,
а с ней революция,
И не стало царя на троне.

Но осталось, как было прежде,
То же начальство, те же и беды.
И ломали крылья солдатской надежде

Приказы:

ВОЙНА ДО ПОБЕДЫ!

И когда

окопы, затишьем об'яты,
Когда спят офицеров уши,
Собирались в землянках солдаты
Большевицские речи послушать.

XII

Речь солдата-большевика

Рваные, шершавые,
Дрались под Варшавою.
Пулями, окопами
Много жизней слопано.
Мы ведь не из стали —
Воевать устали.
А за что деремся?
Чорт не разберется!
Хорошо и очень,
Что с царем покончено.
Стали флаги красные,
Радость же напрасная.
Власть-то не надежная,
Старая и ложная.
Правят белоручки
Из господской кучки.
С властью буржуазною
Нам дороги разные.
Не пора ли, братцы,
За господ приняться?
И на легком катере —
Всех к едреной матери.

XIII

А гармонь не валялась без дела
И в руках пулеметчика braveго
Грустью, тоской звенела,
Вспоминая хозяина старого.

Но раз в перестрелке жаркой
Случилась беда с пулеметчиком:
Принесли санитары молодчика,
Стонал он и кровью харкал.

А когда от траншей и снарядов
Пулеметчика в поезде мчало,
Вместе с ним на полочке рядом
Гармонь в уголке молчала.

XIV

Затянулась рана молодчика,
Видно, рано еще умирать!
И гармонь, наступила пора,
Зазвенела в руках пулеметчика.

Но звенели лады заботой,
Навевали тяжелые думы,
И люди, пропахшие потом,
Слушали песни угрюмо.

Растравляя сердечные раны
Злой и понятной тоской,
Заливалась гармонь вечерами
На окраине городской.

XV

Дни бежали,плыли и летели.
Как-то раз в одну из ночек,
В поздний час в своей постели
От толчка проснулся пулеметчик.

Вздрогнуло, забилось сердце,
Грохот залпов слушал не дыша,
И с братом-красногвардейцем
Сапоги натягивал спеша.

И пошли туда, где залпы,
На дворе их скрыла тьма,
А в коморке, над столом у лампы
Наклонилась плачущая мать.

XVI

Освежало лица холодом,
Тучи плыли бандой хмурой,
Вместе с ними к центру города
Крались темные фигуры.

И встречаясь в переулках,
Словно были век знакомы,
Перекидывались гулко:

- Кто идет?
- Куда?
- К райкому!

.

Шли по улицам пустынным,
Молчаливым, жутким, длинным.
А вдали звучала четко
Пулеметная чечетка.

XVII

По домам и паркам
Пулемет захаркал,
Разгорелся бой.

И в провале улицы
Юнкера целуются
С грязной мостовой.

За пужду до гроба,
Что копила злоба
Долгие года

Гармонист-молодчик,
Бравый пулеметчик,
Бил по господам.

Господа и купчики,
Юнкера-голубчики,
Ваша песня спета.

Сволочей не жалко,
Бей, стреляй и гаркай:

— ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!

.
Смолкнул только к ночи
Пулемет в тоске...
Смолк и пулеметчик
С пулею в виске.

XVIII

Дни минувшие — стихнувший выстрел.
Позабыли давно пулеметчика,
Лишь в руках у других гармонистов
Вспоминала гармонь молодчика.

И частенько... (прислушаться надо)
В ладах у гармонии звучат...
В песнях о новом — радость,
В песнях о прошлом — печаль.

* * *

ПРИМЕЧАНИЯ

Басни, стихи, песни и сатиры Демьяна Бедного взяты нами по тексту издания: Демьян Бедный. Собрание сочинений в одном томе. Из-во „Крокодил“ при „Рабочей газете“. М.—П. 1923.

Стихотворения А. Благова печатаются по рукописи, любезно предоставленной нам автором.

Стихотворения А. Н. В—ского „Крестьянам“ и Диль-Тальха „Мы долго молчали“ мы заимствуем из старого киевского сборника „Песни революции“. Изд. кн-ва „Народное дело“.

Песни Ивана Доронина печатаются по тексту сборников автора: „Гранитный луг“. Изд. 2-е, доп. „Красная Новь“, М. 1924; „Лесное комсомолье“, Гиз, 1925. Песня „Комсомолочка моя“ взята из поэмы „Тракторный пахарь“. Изд. „Молодая Гвардия“, 1926.

Стихотворение Павла Дружинина „Песнь о рубаше“ перепечатывается из журнала „Красная Новь“, № 7 за 1925 год.

„Песнь о великом походе“ Сергея Есенина печатается по тексту издания Гиза. М. 1925 (народное издание). „Возвращение на родину“ имеет текст изд. „Русь Советская“. „Бакинский рабочий“, 1925.

Стихотворения Александра Жарова берутся из сборников автора: „Строй“. „Молодая Гвардия“, 1926 и „Ледоход“, изд. Гиза, 1925.

„Сказ о партизане“ и др. стихотворения Владимира Заводчикова взяты из сборника автора „Горький мед“. Изд. „Молодая Гвардия“, 1925.

Стихотворения Владимира Кириллова взяты из собрания стихотворений автора, книга первая. Изд. „Мосполиграф“, 1924.

Произведения Николая Кузнецова берутся по книге стих. К-ва „Рабочее сердце“. Изд. „Новая Москва“, 1925.

Стихотворение В. Наседкина „Улица“ печатается из журнала „Красная Новь“, № 7 за 1925 г.

Стихотворения Е. Нечаева печатаются по тексту сборника Н—ва „Из песен старого рабочего“. Гиз, М. 1922.

„Пажарная кишка“ и др. вещи Сер. Огурцова взяты из книжечки (Серия „Художественная библиотека крестьянской молодежи“): А. Жаров и С. Огурцов. Карусель. „Молодая Гвардия“, 1926.

Поэма Петра Орешина „Селькор Шыганок“ перепечатывается из журнала „Красная Новь“, № 1 за 1925 год; остальные стих. взяты из различных сборников автора.

„Жертва“ Макара Пасынка заимствована из сборника Пика „Под солнцем“, „Новая Москва“, 1925.

Стихотворение Ив. Приблудного „Возвращение“ печатается по журналу „Красная Новь“, № 1, 1925.

„9-я января“ Самобытника (Маширова) печатается по тексту чтеца-декламатора „Революционная поэзия“, составленного Л. Н. Войтоловским. Гос. Изд. Украины, 1923.

Стихотворения Н. С. Тихомирова „Шершавая ладонь“ и „Пахом“ взяты из книги П. Я. Заволокина. „Современные рабочие-крестьянские поэты в образах и автобиографиях“. „Основа“, 1925.

Песни и стихотворения Якова Шведова печатаются по его сборникам: „Шестеренные перезвоны“—Новая Москва, 1924; „Вьюги“—„Новая Москва“, 1925; „Разлив“—Московский Рабочий, 1925.

Трудовые песни Ф. Шкулева взяты из сборника Ш-ва (серия „Библиотека для рабочих и крестьян „Изда-читальня“, № 5) „Кузнецы“, Гиз, 1923.

Текст некрасовских произведений воспроизводится по изд. „Стихотворения Н. А. Некрасова“ под ред. К. И. Чуковского. Гиз, П. 1920.—Стихотворения И. С. Никитина берутся по „Полному собранию сочинений И. С. Никитина“, под редакцией А. Г. Фомина. Лит.-изд. отд. НКП. П. 1918.—Песни И. З. Сурикова взяты из народного сборника стихотворений С-ва в изд. Гиза, 1919.

Произведения современных поэтов, не указанных в настоящих примечаниях, взяты из различных современных сборников стихотворений и антологий.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

- Александров—60.
 Александровский, В.—131, 154.
 Артамонов, Мих.—61.
 Бедный, Демьян—56, 57, 64,
 89, 124, 161, 162, 163, 165,
 167, 172, 173, 174, 176, 177,
 193, 215, 239, 245, 253, 254, 256.
 Безыменский, А.—210, 238.
 Благов, А.—67, 68, 159, 171.
 В—ский, А. Н.—86.
 Вербовчанин—84.
 Герасимов, М.—126.
 Голодный, Мих.—214.
 Городецкий, Сергей—136.
 Деев-Хомяковский, Г.—139.
 Диль-Тальх—72.
 Дорогойченко, А.—128.
 Доронин, Иван—133, 143, 147,
 226, 234, 260.
 Дрожжин, С. Д.—53.
 Дружинин, Павел—62, 127, 229.
 Есенин, Сергей—114, 189.
 Жаров, Александр—157, 197,
 204, 206, 210, 225, 231.
 А. Ж.—219.
 Заводчиков, Владимир—107,
 199, 249.
 Ионов, Илья—59.
 Казин, Вас.—153.
 Кириллов, Владимир—244, 248.
 Клычков, Сергей—142.
 Ключев, Ник.—91, 127.
 Князев, Василий—72.
 Кольцов, А. В.—35.
 Конопницкая, М.—49.
 Кузнецов, Николай—200, 266.
 Кумач, В.—236.
 Малахов, Сергей—218.
 Наседкин, В.—141.
 Некрасов, Н. А.—7, 10, 11, 16,
 17, 20, 25, 26, 27, 29, 32.
 Нечаев, Е.—52, 87, 212.
 Никитин, И. С.—36, 37, 39, 41,
 42, 70, 82.
 Обрадович, С.—144.
 Огурцов, С.—177, 178, 181, 221.
 Орешин, Петр—63, 90, 92, 95,
 98, 168, 181, 255.
 Пасынок, Макар—186.
 Полетаев, Н.—140.
 Поступаев, Ф.—50.
 Приблудный, Ив.—191.
 Радимов, Павел—151, 152.
 Рылеев, К. Ф.—78.
 Самобытник (Маширов)—247,
 250.
 Семеновский, Д.—244.
 Сергеев, А.—146.
 Смирнова-Варфоломеева, А.—
 196.
 Суриков, И. З.—45, 46, 75.
 Тихомиров, Н. С.—69, 155, 243,
 248.
 Фомин, С.—130.
 Холодавский-Цибульский—80.
 Шведов, Я.—103, 150, 195, 200,
 202, 230.
 Ширяевец, Ал.—94, 217.
 Шулеж, Ф. С.—129, 138, 224.
 Юрин, Мих.—208.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

I. В РАБСТВЕ

Н. А. Некрасов. Размышления у парадного под'езда . . .	7
" Забятая деревня	10
" ** Отр. из „Кому на Руси жить хорошо“ . . .	11
" ** В полном разгаре страда деревенская . . .	16
" Отр. из поэмы „На Волге“	17
" Железная дорога	20
" Плач детей	25
" Калистрат	26
" Песни: Молодые	27
" Сват и жених	27
" Эй, Иван!	29
" Песня Еремушке	32
А. В. Кольцов. Песня	35
И. С. Никитин. Пахарь	36
" ** За прялкою баба в поняве сидит . . .	37
" Дележ	38
" Утро	41
" Песня бобыля	41
" Староста	42
И. З. Суриков. ** Эх ты, доля	45
" Косари	46
М. Коноплицкая. Батрак	49
Ф. Поступаев. Песнь хлебу	50
Е. Нечаев. Гудок	52
С. Д. Дрожжин. Ночь	53
Демьян Бедный. „Мастер“	56
" У господ на елке	57
Илья Ионов. Рядовой	59
Александров. Ученье в царской армии	60
Мих. Артамонов. Рекруты	61
Павел Дружинин. Песнь о рубахе	62
Петр Орешин. Раздумье	63
Демьян Бедный. Вошь	64
А. Благов. Крестный ход	67

А. Благоев. Темнота	68
Н. С. Тихомиров. Деревенский кулак	69
Н. С. Никитин. Падет презренное тиранство	70

II. БОРЬБА

Диль-Талъх. *.* Мы долго молчали	72
Василий Князев. Волжский сокол	72
И. З. Суриков. Казнь Стеньки Разина	75
К. Ф. Рылеев. Песня	78
Холодаевский-Цибульский. Долго нас помещики ду- шили.	80
И. С. Никитин. Мицение	82
Вербовчанин. Петру Алексееву.	84
А. Н. В-ский. Крестьянам	86
Е. Нечаев. В деревне	87
Демьян Бедный. „Народник“	89
П. Орешин. Крестьянская	90
Н. Кляев. Матрос	91
П. Орешин. Микулин ход	92
А. Ширяевец. *.* Всколыхался ярко-красен	94
П. Орешин. В октябре	95
„ Народный сказ	98
Я. Шведов. *.* Встала зорька крутогорая.	103
Владимир Заводчиков. Сказ о партизане.	107
С. Есенин. Песнь о великом походе.	114
Демьян Бедный. Песня дела Софрона	124

III. СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ

М. Герасимов. Из поэмы „Октябрь“.	126
Н. Кляев. *.* Безответным рабом	127
П. Дружинин. По родным деревушкам.	127
А. Дорогойченко. Иная деревня	128
Ф. Шкулев. Здравствуй, Русь	129
С. Фомин. В деревне.	130
В. Александровский. Деревня	131
И. Доронин. Стране советской	133
Сергей Городецкий. Деревенская коммуна.	136
Ф. Шкулев. Новая деревня	138
Г. Деев-Хомяковский. Крестьянский марш	139
Н. Полетаев. *.* Перевешу сапоги на плечи	140
В. Наседкин. Улица.	141
Сергей Клычков. Дедова пахота	142
И. Доронин. Утро в хате.	143
С. Обрадович. Изба	144
А. Сергеев. Песня о железном мерине	146
И. Доронин. На покосе	147
Я. Шведов. Полевое.	150
Павел Радимов. Пашня	151
„ Молотилка	152

Василий Казин. Как я строил дом	152
" " ** Живей рубанок.	153
В. Александровский. Кузница при дороге	154
Н. С. Тихомиров. Пахом	155
Александр Жаров. Ходоки	157
" " У лесной опушки	157
А. Благов. Письмо другу из деревни в город	159
Демьян Бедный. Не забывайте безграмотных братьев	161
" " Прежде и нынче	162
" " Предостережение	163
" " Проводы	165
" " Батрацкие	167
Петр Орешин. Без царя	168
А. Благов. Боги	171
Демьян Бедный. Пауки и мухи	172
" " Попы-трутни, живут—на плутни.	173
" " Тит-лодырь	174
" " Свое	176
С. Огурцов. Карусель	177
" Свадьба	178
" Пожарная кишка	178
" "Слободы"	181
Петр Орешин. Селькор Цыганок	181
Макар Пасынок. Жертва	186
Демьян Бедный. Псой	187
Сергей Есенин. Возвращение на родину	189
Ив. Приблудный. Возвращение	191
Демьян Бедный. Благословение	193

IV. МОЛОДЫЕ СИЛЫ

Я. Шведов. На рабфак.	195
А. Смирнова-Варфоломеева. Комсомольская свадьба в деревне	196
Александр Жаров. Воржи	197
Владимир Заводчиков. Лука и я	199
Николай Кузнецов. На побывку	200
Я. Шведов. Письмо	200
" ** Здравствуй, здравствуй, matka	202
Александр Жаров. Селькор	204
" Делегаты	206
Михайл Юрин. Подкидыш	208
Александр Жаров. Городки	210
А. Безыменский. О шапке	210
Е. Нечаев. Внуку	212
Мих. Голодный. Товарищу	214

V. КРАСНЫЕ ПЛАТОЧКИ

Демьян Бедный. На свет	215
Ал. Ширяевец. Крестьянка	217
Сергей Малахов. Бабы	218

Читайте 2-х недельный журнал рабочей молодежи

„С М Е Н А“

(орган ЦК и МК ВЛКСМ)

Смотри критику о „СМЕНЕ“ в „КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЕ“.

„Среди достоинств „Смены“ два бросаются в глаза особенно резко.

Во-первых, блестящая классная внешность журнала. Ею он упрет нос многим „взрослым журналам“ и может выдержать сравнение с европейскими.

Во-вторых, регулярность выхода“.

За два года издания „Смена“ успела стать лучшим товарищем и помощником в работе, учебе и строительстве нового быта.

В „СМЕНЕ“ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ:

1. Литературный, дающий художественно-бытовые рассказы, очерки, фельетоны лучших современных и иностранных писателей. Здесь же печатаются лучшие из комсомольских поэтов.

2. Общественно-политический, отражающий все главные события современной жизни, международной политики, борьбы мирового Комсомола и др.

3. Научный отдел—на основе живого, интересного фактического материала во всех областях знания—дает необходимое молодежи материалистическое понимание явлений природы и общества.

4. Бытовой отдел—выделяет все характерное и наиболее важное в повседневной жизни молодежи. Он ставит своей задачей вести неустанную борьбу против „гримас быта“: хулиганства, разнузданности, пьянки.

5. Спорт, полезные советы, юмор и сатира, библиография, стихи дополняют перечисленные отделы.

Продолжается подписка до конца года.

1 м.— 40 коп. 3 м.— 1 р. 15 коп. 6 м.— 2 р. 20 коп.

Подписка принимается в Москве, в Главной конторе Издательства „Молодая Гвардия“, Новая площадь 6; в провинции: в отделениях центральных газет и во всех почтовых отделениях СССР.

Издательство ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

МОСКВА, Новая площадь, 6/8.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

П Е С Е Н Н И К И

Комсомольский песенник

Составл. ячейкой ВЛКСМ Изд-ва „Молодая Гвардия“. 5-е изд. Песни революционные, бытовые, антирелигиозные, народные и частушки. I. Песни труда, борьбы и свободы. II. Песни смены. III. Против богов и попов. IV. Под гармошку.

164 стр. Ц. 35 к. (Р).

Пионерский песенник

3-е изд. 79 песен. По своему содержанию разбиты на 4 раздела: 1. Песни отцов и старших братьев (Интернационал, Марсельеза, Варшавянка, Кузнецы и др.). 2. Песни пионеров. 3. Песни лагеря и похода. 4. Пионерские частушки.

96 стр. 20 к. (Р).

Деревенский песенник

3-е изд. Сборник песен в помощь «Комсомольским посиделкам». В сборнике 60 наиболее популярных и известных песен, собранных таким образом: «Песни наших дедов», «По тюрьмам и Сибири», «Песни борьбы и свободы», «Песни новой деревни», Песни молодой гвардии», «Красной армии», «Против бога и попов».

79 стр. Ц. 20 к. (К).

БЕСЕДЫ

С ДЕРЕВЕНСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

ГЛЕЗЕР, Г. — Деревенскому комсомольцу о жизни и борьбе молодежи в капиталистических странах. 62 стр. Ц. 15 к. (К).

Деревенскому комсомольцу о IV Всесоюзной конференции РЛКСМ. 69 стр. Ц. 20 к. (К).

Деревенским комсомольцам о III съезде Советов. 107 стр. Ц. 25 к. (К).

ШЕЙНМАН, М. — Бог служит богатым. (Беседы о религии). Под редакцией Политпросвета ЦК ВЛКСМ. 45 стр. Ц. 12 к. (К).

**НА СКЛАДАХ И МАГАЗИНАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА
имеется**

БОЛЬШОЙ ВЫБОР ЛИТЕРАТУРЫ

как изданий „МОЛОДОЙ ГВАРДИИ“, так и других издательств

Магазины Издательства принимают на себя подбор литературы для библиотек: комсомольских, пионерских, ленинских уголков, изб-читален и др.

Большой выбор пионерского снаряжения и спортивных принадлежностей.

КАК СДЕЛАТЬ ЗАКАЗ:

Книжки, значки, спортивные и пионерские принадлежности и снаряжение можно получить, написав письмо в Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“—Москва, Новая пл., д. 6/8, и переслав одновременно почтовым переводом стоимость заказа и его пересылки. Можно при заказе выслать только задаток в размере не менее четверти стоимости заказа; в этом случае заказ будет выслан наложенным платежом на остальную сумму. Но это невыгодно для заказчика, так как наложение платежа удорожает пересылку.

При заказе на литературу, при условии высылки всей суммы заказа вперед, упаковка и пересылка за — счет Издательства.

Заказ должен быть написан ясно, без лишнего слов. Адрес надо указать точно (почт. отд., губ., уезд или округ, волость, село, фамилию и имя или точное название организации, отряда, бюро).

ЗАКАЗ МОЖНО ТАКЖЕ НАПРАВЛЯТЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ПО СЛЕДУЮЩИМ АДРЕСАМ:

Ленинград — Проспект 25 Октября, 54.
Отделение Изд. „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.
Харьков — Троицкий пер., 2. Представительство Изд-ва „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.
Ростов и Дону — Просп. Подбельского 15.
Представ-ство Изд. „МОЛОД. ГВАРДИЯ“.
Киев — ул. Воровского, 25, пас. 33. Представительство Изд. „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.
Свердловск — ул. Ленина, 40. Представительство Изд. „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

Полный каталог высылается за 8 копеечную почтовую марку.

